

ВЕРА ЛЕЙМАН

An illustration of a man and a woman in a romantic embrace. The man is wearing a dark blue graduation cap and gown, looking up at the woman. The woman has long, flowing black hair and is wearing a vibrant red dress. They are standing in front of a city skyline at night, with a full moon and stars in the sky. The overall mood is dreamy and romantic.

ЛОВЕЦ СНОВ

꿈 사냥꾼

ВЕРА ЛЕЙМАН

ЛЮБЕЦ ОХОБ

꿈 사냥꾼

Annotation

Ким Сан живет в современной Корее. Ей триста двенадцать лет, и за свое бессмертие она платит, спасая людей от кошмаров. Она бессовестно богата, умна и хладнокровна. Но в один прекрасный момент попадает в очередной кошмар, где встречает загадочного мужчину, который может общаться с ней во снах, но по какой-то причине он ненавидит Сан.

Кто он: судьба или проклятие? И как связан с далеким прошлым, которого она не помнит?

- [Вера Лейман](#)

-

- [Глава 1](#)

- [Глава 2](#)

- [Глава 3](#)

- [Глава 4](#)

- [Глава 5](#)

- [Глава 6](#)

- [Глава 7](#)

- [Глава 8](#)

- [Глава 9](#)

- [Глава 10](#)

- [Глава 11](#)

- [Эпилог](#)

- [notes](#)

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [4](#)

- [5](#)

- [6](#)

- [7](#)

- [8](#)

- [9](#)

- [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
-

Вера Лейман

Ловец снов

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА АСТ

© Лейман, 2023

© Yasha Wang, иллюстрация на обложке

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Глава 1

Ночной гость

В темном переулке пахло сыростью и плесенью. С водосточной трубы срывались дождевые капли, оглушительно врезаясь в мокрый асфальт. Пространство колебалось и мерцало, переполненное затаенными страхами. Случайные прохожие скользили мимо безликими смазанными силуэтами, оставляя за собой шлейф из равнодушия и отчужденности. Отчаянный женский крик рассек тишину переулка, и Сан бросилась на Зов, словно невидимые нити потянули ее к источнику звука. Передернув плечами, она отогнала от себя страх, который привычно протянул к ней ледяные пальцы, и отыскала глазами ту, в чьем сне оказалась. Миниатюрная девушка скорчилась на земле, вжавшись спиной в сетчатый забор, за которым виднелись недостроенные высотки апат, и тонкими дрожащими руками закрывала лицо и голову.

Ее неконтролируемая паника передалась и Сан, за столько лет так и не привыкшей к чужим кошмарам. Над девчонкой нависал высокий парень в черной толстовке. Лицо его скрывал капюшон, а в руке был зажат нож. Паника усилилась, и Сан зажмурилась, повторяя про себя в миллионный раз: «Это всего лишь сон. Это все неправда». Тряхнув головой, она громко щелкнула пальцами, и мир вокруг замер. Маньяк с ножом, силуэты прохожих и даже капли дождя застыли, повиснув в воздухе сверкающими кристаллами.

Сан села перед трясущейся девушкой, закрывая ее от убийцы. Она сжала пальцами хрупкие плечи и властно сказала:

– Посмотри на меня.

Девчонка перевела на нее безумный взгляд. Сан нырнула в глубину черных глаз, добираясь до причины кошмара. Это было очевидно и очень типично: посттравматическое стрессовое расстройство. Несколько недель назад девушка подверглась нападению, и с тех пор это преследовало ее во снах. Провалившись в память жертвы, Сан увидела, как тяжело ей засыпать без снотворного и как мучительны для нее эти сны.

– Все прошло. Все позади. Это никогда больше не повторится ни во сне, ни наяву. Ты перестанешь видеть кошмары и отныне будешь спать спокойно.

Она поднесла руку к глазам девушки и опустила ей веки. Незнакомка обмякла и тихонько засопела, прислонившись спиной к забору. Выпрямившись, Сан удовлетворенно потерла руки и деловито оглянулась.

– А теперь уберем-ка отсюда всю эту гадость, – сказала она и хлопнула в ладоши.

Тут же по голубому небу побежали пушистые облака. Из земли вырвались зеленые побеги и, оплетая недостроенные высотки, утянули их под землю. Маньяк с ножом рассыпался нежно-розовыми цветами клевера, а потрескавшийся асфальт подворотни покрылся густой ярко-зеленой травой.

И теперь вместо заброшенной стройки они оказались на чудесной полянке посреди леса, наполненного щебетанием птиц и шелестом листвы. Лоб девушки разгладился, она потянулась во сне и улыбнулась, расслабившись на пушистой траве. Удовлетворенно оценив свои труды, Сан закрыла глаза, мысленно произнесла: «Пора возвращаться», – и в следующее мгновение устала в темный потолок своей спальни.

Интересно, который час? Не глядя, она протянула руку к телефону и сняла его с зарядки. Половина второго, как обычно... Самые потаенные людские страхи выползали из дальних уголков души именно в это время, когда мозг спящего полностью расслаблен и наиболее уязвим.

Сан потерла глаза. Ни намека на сон.

Решив, что нечего мучиться и бесцельно ворочаться в кровати, она встала и прошлепала босиком на кухню. Открыв холодильник, по очереди посмотрела на пиво, соджу и ром. Но остановила свой выбор

на воде с лимоном. Желтые, нарезанные треугольниками дольки плавали на дне прозрачного графина.

Сан провела ладонью по гладкой, идеально чистой столешнице, которую всегда украшала стеклянная ваза с ее любимыми азаниями. Щелкнула выключателем, и голубоватый свет мягко лег на белоснежный кухонный гарнитур и кафельный пол с подогревом. Сан улыбнулась, в очередной раз похвалив себя за выбор квартиры. Хери, конечно, была в шоке, когда узнала ее стоимость, но Сан могла себе позволить и большее, поэтому сейчас в полной мере наслаждалась благами цивилизации и плодами своей долгой жизни. Все-таки круто быть бессмертной.

Она до сих пор помнила, как в конце восьмидесятых на свой страх и риск вложила все свои сбережения в начавшую тогда активный рост компанию Samsung. И даже не думала, что маленькая фирма вырастет до размеров огромного конгломерата, который сейчас стал одной из опор экономики страны. И как следствие – принес своим акционерам, в числе которых была и Сан, целое состояние. Она купила здание бизнес-центра в Каннаме^[1], от которого сейчас получала столько денег, что не знала, куда их тратить. Поэтому жила на широкую ногу, покупая все, чего пожелает душа. Одним из последних капризов стала сувенирная лавочка на Инсандоне^[2].

Сан считала, что от жизни нужно брать все. Она легко начинала новый бизнес и без сожаления бросала его, если он переставал ее вдохновлять. Бессмертие давало неограниченные возможности и ощущение того, что праздник жизни будет длиться вечно. Поэтому она не боялась ошибиться, в отличие от простых смертных, и знала, что ее ждет долгое и яркое будущее.

Отхлебнув из стакана освежающий, кисловатый напиток, Сан подошла к панорамному окну в гостиной и посмотрела вниз с высоты двадцатого этажа. Сеул никогда не спал. Вид ночного города каждый раз поражал воображение: черное полотно реки Хан, исчерченное ярко освещенными мостами, по которым даже в этот час неслись машины; огромные рекламные щиты на небоскребах; переливающиеся огнями вывески магазинов и кафе, а чуть дальше – храм Поньса, одна из главных достопримечательностей Сеула.

Удивительно, как всего за триста лет Ханян^[3] изменился до неузнаваемости. А ведь когда-то здесь стояли нищие деревянные

домишки, а в этой реке, которая теперь стала визитной карточкой столицы, простолюдины стирали белье. Наблюдать за преобразованием родного города на протяжении вот уже трех столетий было очень интересно, и Сан гордилась, что является самым старым жителем Сеула. Эта мысль ее позабавила: она перестала стареть еще совсем юной. Сколько ей тогда было? Двадцать? Двадцать три? Смешной возраст по нынешним временам. Однако, глядя на себя в зеркало, она замечала, что прожитые годы наложили неизгладимый отпечаток на ее внешность и поселили в глазах жесткость, визуально добавляя Сан несколько лет.

Тихое гудение телефона прервало ее размышления. Настойчиво вибрирующий сотовый потихоньку съезжал со стола, и Сан схватила его, пока он не упал. Увидев имя звонящего, она удивленно вскинула брови: «Ведьма-алкоголичка», видимо, снова вышла на охоту.

– Да, Хери? – ответила она.

– Так и знала, что ты не спишь! – голос подруги утонул в грохоте музыки, и Сан поняла, что она в клубе.

– Эй, ты время видела? – Сан сделала грозный голос, на который эта соплячка как всегда не среагировала. На самом деле, Хери было двадцать восемь, но для Сан, прожившей более трехсот лет, она казалась несмышленным ребенком. В сущности, так оно и было.

– Я же знаю, что по ночам ты не спишь, а спасаешь неблагодарных людишек от их кошмаров! – судя по нечеткой дикции, Хери уже порядком набралась.

– Ближе к делу. Что тебе от меня понадобилось в два часа ночи?

– Злюка, – обиженно буркнула в трубку Хери. – Я сейчас в «Октагоне», приезжай, мы тебя ждем.

– Кто это «мы»? – Сан немного оживилась.

Хери была легкомысленной, зато имела отличный вкус на мужчин, и, если сегодня она кого-то подцепила, значит стоило сделать над собой усилие и приехать даже в такое время.

– Сейчас покажу, лови!

Подруга отключилась и через несколько секунд прислала совместное селфи с двумя молодыми парнями. Они, конечно, немного проигрывали по внешним данным двум айдолам, которых Хери завлекла в прошлые выходные, но выглядели весьма ничего. Следом прилетело сообщение: «Шевелись быстрее!» И еще одно, спустя

минуту безответного молчания: «Хватит киснуть, старушка. Тряхни своими трехсотлетними костями!»

Сан улыбнулась: подруга всегда знала, как расшевелить скучающую бессмертную. Она задумчиво постучала пальцами по оконному стеклу, оставляя на нем отпечатки. Раз спать все равно не хотелось, Сан решила принять предложение, чтобы стереть неприятный осадок после кошмара.

Триста лет она расплачивалась чужими снами за бессмертие, и в этом заключался самый большой минус вечной жизни. Сан чувствовала все, что переживали спящие люди, впитывая их эмоции, как губка. Чужие страхи, разочарование, обиды, а взамен дарила покой. Иногда это было по-настоящему жутко, и она долго приходила в себя, прогоняя дурные воспоминания об увиденном. Со временем Сан почти научилась абстрагироваться, но иногда, если боль людей оказывалась слишком сильна, сделать это было практически невозможно.

Открыв дверь в обширную гардеробную, она включила свет и прошла вдоль шкафов. Что бы такое выбрать? Сан одевалась исключительно броско, категорически не принимая современную тенденцию к простоте и естественности. Хери подшучивала над ней, говоря, что она застряла в двухтысячных и иногда походила на подружку мафиози. Но Сан перестала реагировать на чужое мнение, когда ей стукнуло двести, поэтому выбирала наряды, соответствующие только ее вкусу. Остановившись напротив короткого черного платья с глубоким вырезом на спине, она коварно улыбнулась и сняла его с вешалки.

Объемный красный пиджак до середины бедра, высокие каблуки и, как обязательный элемент, ярко-алая помада эффектно подчеркнули броскую внешность кореянки. Сан с удовлетворением осмотрела себя в напольном зеркале и заправила за уши гладкие волосы, уложенные на прямой пробор. «А я еще ничего», – подумала она и, подмигнув своему отражению, вышла из квартиры.

Водить она так и не научилась, предпочитая не трепать себе нервы на дороге среди психованных автолюбителей, поэтому обычно передвигалась по городу на такси или метро. Выйдя за пределы жилого комплекса, остановила свободное такси и уже через десять минут была у входа в «Октагон», где ее ждала Херн с зажатой в

пальцах сигаретой. Сан терпеть не могла запах дыма и эту отвратительную привычку прощала только подруге.

– Представляешь, чтобы покурить, пришлось сюда подниматься. Тоже мне, лучший клуб Каннама, – Хери недовольно цокнула языком, безуспешно пытаясь прикурить. Ее качало от количества выпитого, и Сан подумала, что стоило бы отправить ее домой. – В клубах на Хондэ^[4] можно курить прямо в зале!

– Ага, и сыпать пепел на одежду окружающим, – проворчала Сан, с кислой миной наблюдая за попытками подруги.

– Терпеть не могу, когда ты так на меня смотришь. Да, я курю, и что с того? – ведьма пьяно вскинула голову. Видимо, этот жест должен был выглядеть как горделивый протест.

– Мне вообще все равно, какой образ жизни ты ведешь, пока околдовываешь для меня молодых красавчиков, – отшутилась Сан. – Ну покажи уже мне твой сегодняшний улов!

– Ащ... к черту! – ведьма в сердцах бросила сигарету в стоявшую рядом урну. – За это примешь меня на работу на постоянной основе в свой магазин.

– Извини, но ты у меня не в доверии, особенно учитывая твои алкогольные пристрастия, – Сан взяла подругу под руку и повела ко входу. Изнутри рвались грохочущие звуки, от которых вибрировал даже асфальт. Лицо Хери жалобно вытянулось, и Сан вынужденно уступила. – Так и быть, завтра выйдешь на испытательный день. Только не проспай, на Инсандоне надо быть в одиннадцать. Но судя по тому, как развиваются события сегодняшней ночи, встанешь ты в лучшем случае к обеду.

– Спорим, приеду вовремя? – Хери чуть не навернулась на ступеньке, но успела вцепиться в руку подруги.

Сан скептически поджала губы и просто кивнула, потому что говорить стало невозможно. Дикий ритм подхватил и увлек их в водоворот, словно унося в другое измерение. Туда, где безраздельно правили драйв и эйфория. Сан обожала клубы, с головой окунаясь в мощную энергетику танцующих людей. Они приходили сюда за дозой свободы и удовольствия, расслабиться после тяжелых будней и открыть в себе те стороны, которые тщательно прятали днем. Здесь не было начальства, строгих родственников и вездесущего ока общественного мнения. Здесь люди могли полностью отдаться тайным

желаниям, о которых в повседневной жизни принято молчать. Сан нравилось это ощущение свободы и вседозволенности.

Заказав на баре свой любимый «Лонг-Айленд», девушки направились к столику, за которым их ждали зачарованные красавчики. На первый взгляд им было чуть за двадцать, скорее всего студенты. Даже издали Сан определила, в какие бренды они одеты, сделав вывод, что парни хоть и с достатком, но не слишком богаты. Один из них, крашеный блондин, явно старался подражать айдолам. Уложенная назад челка открывала высокий лоб, в ушах качались серьги «Шанель» (наверняка подделка), на лице – умело наложенная косметика, которая подчеркивала узкие глаза и пухлые губы, но совсем не бросалась в глаза. Однако при ближайшем рассмотрении все равно была заметна. Второй парень выглядел брутальнее и проще: короткая стрижка, черные волосы, выразительные глаза и не переделанное пластикой лицо. Сан не понимала стремления некоторых людей подправить свою внешность. В мужчинах ее привлекала естественность, поэтому выбор партнера на сегодняшний вечер был очевиден.

Она хищно облизнула красные губы и остановилась прямо перед намеченной жертвой. При виде эффектной девушки парни как по команде вскочили с мест, приглашая ее сесть рядом. Хери закатила глаза: Сан могла и без колдовских чар заполучить любого парня.

Бессмертная улыбнулась обманчиво мило и, кивком поблагодарив блондина за оказанное внимание, устроилась рядом с брюнетом.

– Ким Сан, – протянув руку по очереди сначала одному, потом второму, представилась она и в упор посмотрела на выбранного красавчика.

– Меня зовут Ли Джисон! – прокричал он в ответ, едва перекрывая грохот музыки.

Сан обворожительно улыбнулась и закинула ногу на ногу, с интересом рассматривая своего сегодняшнего партнера. Она быстро оценила длинные ноги, широкие плечи и красивые кисти рук. Идеально. Крупные черты лица притягивали взгляд, а пикантная родинка под правым глазом добавляла еще большей привлекательности. Мальчишка был красивым, но не смазливый, как его друг. Он выглядел немного высокомерным, но улыбка превращала его в милого обаяшку. Сан любила такой типаж больше всего:

сочетание мужественности и детскости, силы и мягкости. Их хотелось подчинить и отдаться.

Переглянувшись с сидевшей напротив Хери, она подмигнула ей и показала под столом большой палец, демонстрируя, что одобряет ее выбор.

– Какое у тебя необычное имя, – Джисон положил руку на спинку дивана, подвинувшись к Сан вплотную. – И сама ты очень красивая.

– Здесь так шумно, не хочешь уединиться? – сходу предложила она, с любопытством наблюдая, как удивленно вытягивается лицо ее нового знакомого.

Сан не хотела тратить время на бессмысленную болтовню, поэтому сразу перешла к делу. К тому же разговаривать в таком шуме было невозможно, да и в клубы люди ходят не для того, чтобы найти собеседника. Тем более со смертными она не сближалась. Ни с кем, кроме Хери. Сан приехала сюда с конкретной целью и цели своей достигла. Ошарашенный таким откровенным предложением парень растерялся и только молча пялился на Сан. Она разочарованно вздохнула и закатила глаза. Что за черт! Все кругом только и твердят о том, что мужчинам нужен секс, а как доходит до дела, так они пугаются, словно школьники.

– Второй раз предлагать не буду. Идешь или нет? – уже без тени улыбки спросила она, все больше раздражаясь. «И ради этого я сорвалась из дома посреди ночи?»

Парень смущенно почесал затылок и промямлил что-то, чего Сан не расслышала из-за грохота музыки.

– Ладно, пока. – Она встала и решительно направилась к выходу. Какая досада, только зря потратила время! Но Джисон вдруг схватил ее за запястье и развернул к себе.

– Я пойду с тобой, куда захочешь, – прошептал он, наклоняясь к ней. Сан коварно улыбнулась. Было ли его решение следствием колдовских чар Хери или его собственным желанием, неважно. Главное то, что произойдет после.

Через тридцать минут она уже открывала дверь своей квартиры. Рука нового знакомого лежала на ее талии, иногда робко соскальзывая чуть ниже, будто он очень хотел, но не решался перейти грань приличий.

– Проходи, – кивнула Сан, скидывая у порога туфли.

Парень задержал ее за руку и притянул к себе. «Что, прямо в коридоре? – подумала Сан и лукаво улыбнулась. – Оказывается, не такой уж он и стеснительный». Но он смотрел на нее как-то странно и серьезно, будто хотел совсем не того, о чем она думала.

– Какие красивые у тебя глаза, – непроизвольно обронила она, вглядываясь в их темную бездну. – Очень манящие...

Ее так и подмывало спросить: «Ну и долго мы будем стоять и пялиться друг на друга?» Но она прикусила язык, так как парень явно колебался и, похоже, был смущен. Возможно, его впервые так нагло сняли в клубе. Или он вообще девственник. Всякое бывает. Хотя, учитывая его выдающуюся внешность, девушки просто не могли оставить ему шанса сохранить свою невинность до этого возраста. Сан совершенно не хотелось нянчиться с малознакомым чуваком, которого она собиралась выставить на улицу сразу же, как только получит от него желаемое. Но он был таким привлекательным и манким, что она решила проявить терпение.

Сан медленно провела ладонями по его плечам, спустилась вниз и взяла его за руки. Они оказались очень теплыми. Она переплела их пальцы, не отрываясь от черных глаз, в которых что-то взрывалось, полыхало и искрилось, возбуждая еще сильнее. С каждой секундой ее все больше влекло к нему. Сан подошла вплотную и мягко провела кончиками пальцев по смуглой щеке. Такая гладкая кожа...

В темных зрачках что-то вспыхнуло, мальчишка с какой-то отчаянной решимостью сгреб ее в охапку и так страстно прижался к губам, словно ждал этого всю жизнь. Сан растворилась в его руках, вжимаясь в молодое спортивное тело. Ее ударило такой волной желания, что она едва не зарычала. Она кусала его губы, дрожа от нетерпения, ей хотелось сорвать с него всю одежду и оказаться сверху. Сан прижала парня к стене, лихорадочно вытягивая из джинсов рубашку, и судорожно расстегнула ремень. Как давно она не чувствовала этого драйва! Нет, больше нельзя делать такой долгий перерыв в сексе!

Парень пах настолько умопомрачительно, что у нее сводило ноги. Она оторвалась от него и с вожделением посмотрела на длинную шею и скульптурные ключицы. Выдающийся кадык манил ее, и она лизнула его, вообще не думая, что делает. Просто шла за своими желаниями.

Хотелось растерзать этого парня на куски. Не ожидая такого напора, он слегка отстранился и удивленно посмотрел на Сан.

– Подожди-подожди, – тяжело дыша, он мягко перехватил ее руки. – Может, хотя бы пойдём в спальню?

Сан едва не топнула ногой от досады. Что за хрень! Почему не здесь-то? Чем ему пол в прихожей не угодил? Или стена... Да и тумба для обуви пригодилась бы.

– Хорошо, – проведя рукой по волосам, она сердито поправила задравшееся платье и махнула рукой вглубь квартиры.

– Не думал, что ты такая нетерпеливая, – усмехнулся он и пошел вперед, с интересом оглядывая апартаменты.

Сан проводила взглядом его аппетитные ягодицы и сглотнула. Сегодняшний улов был просто фантастически удачным. Высокий рост за метр восемьдесят, длинные ноги... Пожалуй, надо будет сказать Хери отдельное спасибо за то, что вытянула ее из дома.

– У тебя очень уютная квартира, – парень повернулся к ней и светло улыбнулся. – Видно, что ты обставила ее с большой любовью.

Это еще что такое? Сан смотрела на него исподлобья, едва сдерживаясь, чтобы не нагрубить. Он сюда что, пришел обсуждать интерьер? Ну уж нет! Она подошла к нему и обняла сзади, скользнув рукой по ширинке вниз. Он был все еще возбужден, и Сан не понимала, почему он болтает о всякой ерунде и так безбожно тормозит, а не тащит ее в кровать. Ну, раз так, она возьмет инициативу в свои руки. Сан встала к нему лицом и, обвив руками шею, поднялась на цыпочки. Целовала медленно и чувственно, вкладывая в этот поцелуй все свое желание, но стараясь не напугать. Может быть, она действительно поспешила и оттолкнула его своим напором? Парень с готовностью обнял ее в ответ, скользя руками по спине. Но снова не спешил заходить дальше.

подавив очередной взрыв возмущения, Сан медленно переместилась вместе с ним в спальню и, аккуратно расстегнув рубашку, забралась пальцами под тонкую ткань. Провела по груди, спустилась на живот, опять чувствуя оглушающее возбуждение: сексуальность этого парня начисто лишала ее способности мыслить. Она втянула носом запах его кожи, провела языком по гладкой, выпуклой груди и вдруг услышала:

– Это ты!

– Что?.. – ничего не понимая, она подняла глаза и увидела, что парень смотрит на стену, где висел ее огромный портрет в полный рост.

Это была эротическая фотосессия в черно-белых тонах, которая ей очень нравилась. На снимке она сидела на полу, повернувшись в профиль, абсолютно обнаженная. Только длинные волосы прикрывали грудь. Сан очень любила эту фотографию. В ней не было пошлости, но присутствовала эстетика. Однако сейчас меньше всего ей хотелось обсуждать свои фото.

– Какая ты здесь потрясающая! Загадочная, манящая и в то же время невинная...

Сан не смогла подавить раздраженный вздох. Руки упали, и она уже не чувствовала ничего, кроме чудовищного разочарования. Секунду она металась между тем, чтобы в последний раз попытаться завалить его на кровать, и тем, чтобы послать куда подальше. Отошла от него на несколько шагов и плюхнулась в кресло, воинственно сложив руки на груди.

Такого облома она в своей трехсотлетней жизни не помнила и даже представить не могла, что с ней может случиться что-то подобное. Неужели она ему совсем не интересна? Да нет же, быть не может! Ведь этот засранец сам поехал к ней в квартиру, страстно целовал там, у порога, а потом... непонятно, что произошло. Надо было остаться в коридоре и хватать его, пока он не опомнился. Зря она пошла у него на поводу и пригласила в спальню. Это бесило до такой степени, что Сан казалось, она сейчас взорвется, как бомба мощностью пять килотонн в тротиловом эквиваленте.

По-прежнему невыносимо хотелось секса, а этот мерзавец раздражил и слился! И что теперь делать? Вернуться в клуб и попытаться найти там кого-то вменяемого? Под утро? Вряд ли... Она мельком глянула на часы. Половина четвертого. А этот негодяй продолжал пялиться на ее портрет с блаженной улыбкой!

– Уходи, – жестко бросила она сквозь стиснутые зубы.

Парень обернулся, и по его лицу скользнула тень растерянности.

– Что-то не так? – он поджал губы, с обидой глядя на разъяренную девушку.

Сан едва не начала дымиться.

– Ты издеваешься? – прошипела она, подавшись вперед. – Еще спрашиваешь?! Мы для чего сюда приехали? На фотки и интерьер любоваться? Я. Тебя. Хочу. А ты несешь какую-то чушь, бесишь меня и тратишь мое драгоценное время!

Секунду мальчишка потрясенно ее рассматривал, а потом рассмеялся с такой искренней радостью, что Сан опешила. Ему еще и весело?

Она в ярости вскочила с кресла и решительно направилась к выходу. Открыв дверь, распахнула ее так, что та едва не стукнулась о стену, и еще раз повторила:

– Уходи.

Противный негодник, все еще посмеиваясь, медленно вышел из спальни. В распахнутой рубашке и с расстегнутым ремнем он казался еще более привлекательным и даже порочным. Самодовольная ухмылка растягивала его губы, а проклятая родинка под правым глазом просто сводила с ума. Сан опустила глаза, пытаясь устоять перед искушением еще раз унизиться и попытаться затащить его в постель.

– Я жду, – она повернула голову к дверному проему, чувствуя идущую с нижних этажей прохладу. Но успокоиться в данной ситуации ей могла помочь лишь ванна, полная льда. А лучше – Ледовитый океан.

– Прости, я просто не хотел, чтобы это был тупо секс на один раз, – услышала она тихий шепот над ухом, от которого кожа покрылась мурашками. – Ты мне понравилась, и мне хотелось что-то о тебе узнать. Извини, если обидел. Я очень хочу тебя.

Сан посмотрела на него. Его глаза потемнели, взгляд стал тяжелым. Сейчас он выглядел гораздо старше своих лет. Парень протянул руку, закрывая входную дверь. Уверенно притянув Сан к себе, наклонился и поцеловал так жарко, что у нее подкосились ноги. Она вцепилась в его плечи, чувствуя бьющую через край сексуальную энергию. Больше язык не поворачивался назвать его мальчишкой. То, как смело его руки ласкали ее тело, с каким желанием он вжимался в нее и как умело целовал, красноречиво свидетельствовало о том, что опыт у него есть и не маленький.

– Ну что, все-таки в спальню или здесь? – чувственные губы опять дрогнули в усмешке, и Сан едва нашла в себе силы оторвать от них взгляд. Черные омуты раскосых глаз пригвоздили к полу. В них

было столько желания и напора, что она впервые за сегодняшнюю ночь спасовала, отдавая ему инициативу. Прочитав ответ в ее глазах, он поднял Сан на руки и унес в комнату.

За окном было уже светло, и в панорамное окно Сан видела, как солнечные лучи отражаются от стеклянных высоток напротив. Она в изнеможении лежала на постели, все еще чувствуя бешеное сердцебиение после очередного оргазма. Парень все еще прижимался к ее спине и обнимал одной рукой, уткнувшись лицом ей в волосы. Он тяжело дышал, и звук его сбившегося дыхания ласкал слух. Негодник, конечно, заставил ее знатно понервничать, но ради того, что он вытворял в постели, стоило потерпеть его дурацкие разговоры и отсроченное удовольствие.

У Сан было столько мужчин, сколько, пожалуй, ни у одной женщины мира не было за всю жизнь, однако этот мальчик оказался особенным. Она сама не поняла, почему так решила, но интуиция подсказывала, что есть в нем что-то необычное.

Парень поднялся на локте и нежно поцеловал ее в плечо.

– Я в душ, – шепнул он, и Сан услышала его шаги, а затем – шум воды.

Потянувшись к телефону, она посмотрела на время. Шесть утра. Смутно припоминая, что они с Хери договорились встретиться в одиннадцать в магазине, Сан лениво потянулась на постели и раскинула руки. Как же хорошо... Жизнь играет полными красками, у нее есть все, что только может иметь человек, а уж после часов, проведенных в объятиях такого горячего парня, больше и желать нечего.

Постель прогнулась под чьим-то весом, и, аккуратно убрав ее руку, рядом опустился ее удивительный любовник. От него пахло гелем для душа, мокрые волосы смешно торчали в разные стороны. Из одежды на нем были только черные боксеры, опять толкавшие мысли Сан в направлении секса. Однако, она не могла забыть об обещании, которое дала подруге, поэтому на немой вопрос в глазах парня с сожалением покачала головой. Ей нужно поспать еще хотя бы пару часов.

– Ты уйдешь или останешься? – осторожно спросила она, очень надеясь на первый вариант. Она устала и хотела спать. Но парень

ответил на ее вопрос без слов: пристроился сзади и обнял, вероятно, приготовившись уснуть с ней.

Сан напряглась. Во-первых, мужчин в свою кровать она пускала только на время – сделал дело и ушел. Это было священным местом, и спать рядом с малознакомым человеком совершенно не хотелось. Во-вторых, несмотря на четыре оргазма за последние два часа, она четко понимала, что продолжать отношения с ним не будет. Секс на один раз и есть секс на один раз. Зачем его портить имитацией нежных чувств?

Аккуратно отодвинувшись, она спокойно, но твердо сказала:

– Извини, я привыкла спать одна. Можешь уйти на диван в гостиную. Плед и подушка в шкафу.

Несколько мгновений мальчишка смотрел на нее с чисто детской обидой, затем развел руками и выполнил все указания, оставив Сан в блаженном одиночестве на широченной кровати, по-прежнему принадлежавшей ей одной.

Она, наконец, закрыла глаза и расслабилась.

Но, уже погружаясь в долгожданную дрему, вновь услышала Зов... Зов о помощи страдающей души. Второй раз за одну ночь? Раньше с ней такого не случалось.

Сан шла в кромешной тьме, чувствуя только дуновение ветра и слыша шорох земли под ногами. Постепенно из мрака выступили деревья и дома. Огромные небоскребы вдруг задвигались, оторвались от земли и, перевернувшись в воздухе, закружились в гигантском водовороте, набирая скорость. Сан завороженно следила за стеклянными окнами зданий, которые освещали землю тысячей прожекторов. И из-за скорости вращения создавали иллюзию, что бессмертная оказалась на гигантском танцполе со светомузыкой. Танцующие в небе небоскребы выглядели завораживающе красиво.

«Ну и фантазия у моего клиента», – подумала она, бесстрашно идя вперед. От огней окон рябило в глазах, и она поморщилась, пытаясь мысленно отыскать в этом хаосе владельца сна. Она чувствовала его присутствие, но могла угадать только направление движения. Людей вокруг не было.

Вдруг кружащиеся здания рассыпались разноцветным фейерверком, и она очутилась на неширокой улице, по обе стороны которой за каменными стенами виднелись изогнутые крыши ханок. «Я в деревне Букчон^[5]?» – удивленно подумала она, однако не увидела

ни привычных камер видеоблюдения, ни электронных замков на воротах, ни почтовых ящиков. Каменная кладка отличалась от той, что она видела в отреставрированных домах столичной достопримечательности, и под ногами был не асфальт, а хорошо утрамбованная земля.

«Неужели я в Чосоне? – пораженно догадалась Сан, разглядывая знакомые и одновременно совсем чужие дома. – Но кто может видеть во сне Чосон? Какой-нибудь актер, играющий в костюмированной драме? Или безумный историк, помешавшийся на исследованиях того времени?»

Зов привел ее к одному из домов, рядом с которым цвела большая старая вишня. Ночь окутывала прохладой и весенней свежестью. В воздухе витал тонкий аромат цветущих деревьев, и Сан подняла голову, зачарованно глядя на опадающие лепестки. Они ложились на черную землю белым кружевом, и от их чудесного сияния темнота будто отступала.

Привычного ужаса и отчаяния, которыми обычно были пронизаны человеческие кошмары, не ощущалось. Но, прислушавшись к себе, она почувствовала тихую, едва заметную печаль, как сквозняк сочившуюся из-за каменного забора.

Сан стояла перед богато украшенным ханок с черепичной крышей. Кованые вензеля на воротах говорили о том, что здесь живет кто-то очень важный, возможно, королевский министр. Сердце болезненно заныло, возвращаясь на триста лет назад во времена Чосона. И хоть современный мир ей нравился больше, но душа время от времени тосковала по безвозвратно ушедшему прошлому. Очень необычно было вновь очутиться в родной эпохе.

Сан толкнула ворота. Прямоугольный ханок был погружен в темноту, но в одной комнате горел свет. Приглушенный и тихий, словно боялся нарушить чью-то неизбывную печаль. Кровь застучала в висках, а сердце дернулось в груди. За бумажной дверью таилось что-то очень плохое, страшное, на что девушке совершенно не хотелось смотреть. Но чужая тоска и глухая боль звали, затягивая в пустынный двор.

Оказавшись перед спальней, Сан остановилась. Неподвижный силуэт отбрасывал тень на обтянутую бумагой дверь. Она знала, что хозяин сновидения внутри, переживает какую-то свою трагедию, и ему

нужно помочь. Сбросив туфли, Сан ступила на деревянную террасу и потянула за кованое кольцо. Осторожно шагнула внутрь, ощущая непривычную прохладу коричневого пола босыми ногами. В комнате было холодно, будто дом совсем не отапливался.

Спиной к ней сидел мужчина, одетый как дворянин, и неподвижно смотрел на молодую девушку, до подбородка накрытую стеганым одеялом. Сначала Сан решила, что она спит, но заметила, что лицо женщины словно восковое, с заостренными чертами. Да и грудь не поднималась в такт дыханию. Она была мертва.

Став свидетелем чужого горя, Сан почувствовала себя лишней. Мужчина заботливо поправил одеяло, подоткнув его со всех сторон:

– Холодно? У нас давно не топлено, любимая.

Он разговаривал с мертвой как с живой. Будто никак не мог осознать, что ее больше нет. Сан сжала зубы, пытаясь отгородиться от чужой боли. Она видела только его прямую спину, и действия мужчины выглядели обманчиво спокойными. Однако застывшей в дверях девушке казалось, что это нарочитое спокойствие топит маленькую комнату в беспросветном отчаянии.

Нужно прекращать это самоистязание. Сан собралась с духом и шагнула к незнакомцу, чтобы положить конец его страданиям, но остановилась на полпути. Справа, за ширмой, ей почудилось какое-то движение. В комнате находился кто-то еще. Она не на шутку разволновалась, не зная, что делать. Люди, в чьи сны она попадала, не могли причинить ей вред. Но все же что-то удерживало ее на месте, не давая заглянуть за украшенную шелком перегородку.

Послышались тихие шаги, и из-за ширмы вышел мужчина, одетый в мягкую белую толстовку и черные домашние штаны, что совершенно не соответствовало эпохе сна. Будто он вместе с Сан пришел из современного мира. Бледная кожа, нос с горбинкой, резкий излом губ. Высокий. Красивый. И невероятно печальный. Он поднял взгляд и посмотрел Сан прямо в глаза, и она поняла, что он ее видит. Выражение его лица тут же изменилось, превращаясь в злобную маску.

Сделав несколько шагов, он встал перед ней и схватил за горло:

– Ты!

Хери лавировала между танцующими людьми, сканируя пространство. Она искала красивого, молодого и сексуального парня, с которым можно провести ночь. Красота была для нее главным критерием отбора. Ей хотелось, чтобы каждый красавчик, будь то айдол, чеболь^[6], актер или модель, послушно шел за ней, смотрел с обожанием, как будто она – любовь его жизни.

Хери знала, что злоупотреблять своими чарами нельзя. Она играла в опасную игру, балансируя на грани законов тонкого мира, манипулировала чувствами мужчин в своих целях. Но считала это безвредной шалостью. В конце концов, она же не собиралась за них замуж, ей всего-то нужно немного внимания и любви. А с ее странностями ни один нормальный мужчина даже не посмотрит в ее сторону. Этому ее научила жизнь и единственный человек, которому она открылась.

В темноте, сквозь пульсирующий свет прожекторов, было сложно разглядеть приличную «жертву», и она решила выйти на улицу, чтобы покурить и поискать красавчиков там. Обычно с курильщиками было проще всего завязать разговор. Поднявшись по ступеням, Хери немного отошла от входа и достала сигарету. Но зажигалка как назло закончилась и выбивала лишь искру вместо огня. Промучившись несколько минут, Хери уже хотела в сердцах выбросить сигарету, как вдруг перед ее лицом возник тонкий фитиль пламени. Подняв голову, она встретила с большими раскосыми глазами, в отражении которых увидела свое рассерженное лицо.

Оценив внешность парня как среднестатистическую, она прикурила от его зажигалки и с наслаждением выпустила дым. Первая затяжка сразу же дала по мозгам, и Хери почувствовала, как мир медленно и приятно поплыл. Парень не уходил и пристально на нее смотрел.

– Давно здесь? – незнакомец кивнул на вход в «Октагон».

– Два коктейля назад, – ухмыльнулась ведьма.

Чувак был симпатичным, но слишком простым, скорее во вкусе Сан. Хотя маленькая родинка под правым глазом добавляла ему пикантности.

– А мы только пришли. Не хочешь еще выпить?

Выпить хотелось, но в другой компании. Хери уже собиралась было свернуть знакомство, как рядом с ним возник еще один парень, и

она тут же оживилась. Он был то, что надо: чисто айдольская внешность, умело уложенные светлые волосы, серьги, тонкие черты лица. Холеный и красивый. А еще высокий и широкоплечий.

– Привет, – поздоровался он с ней абсолютно равнодушно и вопросительно взглянул на своего друга. – Мы идем?

– Нет, подожди.

– Слушай, у нас первый общий выходной за месяц, давай не будем терять время.

«Значит, время со мной не хочешь терять? Сейчас я тебе устрою!» – сердито подумала Хери. Энергия, свернувшаяся в груди тугим клубком, стала медленно расправляться и невидимыми глазами нитями потянулась к нахальному незнакомцу. Хери прищурилась и с мстительным удовлетворением наблюдала за тем, как меняется его лицо, а в глазах появляется искренний интерес.

Парень поправил волосы и, прокашлявшись, с улыбкой обратился к ведьме:

– Не ожидал встретить здесь такую красотку! Как тебя зовут? Я Пак Юрим.

Он оттеснил своего друга в сторону и подошел к Хери почти вплотную. Вот так-то лучше.

– Кан Хери, – кокетливо представилась она, в очередной раз радуясь тому, что ее проклятый дар приносит хоть какую-то пользу.

– Пойдем? Я угощу тебя коктейлем, – его рука легла на ее талию, почти невесомо скользя вверх и вниз.

– Я же только что предлагал... – нахмурился его друг, но Юрим только отмахнулся и закрыл собой Хери, словно боялся, что тот схватит ее в охапку и убежит.

– Я не против, – просияла девушка, наслаждаясь явным интересом в глазах блондина. Каждый раз, когда действие ее чар заканчивалось, она с трудом могла устоять перед искушением продлить удовольствие. Но у нее было четкое правило: только на одну ночь, дальше заходить нельзя.

Она игриво улыбнулась и направилась ко входу, полностью увлеченная своим сегодняшним спутником.

– Подожди, – догнал их его друг и преградил Хери путь. – А где твоя подруга?

– Подруга? – нахмурилась ведьма. – Я была здесь одна с самого начала.

Парень замаялся и нервно поправил ворот рубашки.

– Да... то есть... Я хотел сказать, у тебя же наверняка есть подруга? Может, позовешь ее? Я угощаю.

Хери скептически посмотрела на него, практически уверенная в том, что Сан никуда не поедет в такой час. К тому же сейчас она наверняка опять кого-то спасает от кошмаров.

– Три «Лонг-Айленда» в качестве взятки подойдет? – хитро подмигнул ей парень.

«И как он угадал, что это мой любимый коктейль?» – улыбнулась Хери, доставая из сумки телефон.

Глава 2

Мертвец на свадьбе

Мужчина схватил Сан за горло. Горящие яростью глаза затягивали в пропасть. Страх парализовал и обездвижил тело. Все происходящее настолько выбивалось из привычной многолетней схемы, что от неожиданности Сан даже не предприняла попыток вырваться.

– За что?.. – просипела она, чувствуя, как прохладные пальцы все сильнее сжимают шею. Невозможно было сделать вдох, в глазах заплясали черные мушки. Все ощущалось так ярко, будто происходило на самом деле. Но ведь это лишь сон! Сейчас и ее тело, и тело незнакомца погружены в мирный сон в своих постелях. Так почему же она чувствует, будто на самом деле задыхается?

Вцепившись в запястье мужчины, она попыталась воспользоваться привычными способами и прохрипела:

– Это всего лишь сон. Это больше не повторится. Ты перестанешь видеть кошмары и...

– Что за чушь ты бормочешь? – прошипел мужчина, с ненавистью наклоняясь к ее лицу.

Сан в ужасе застыла, понимая, что ее способности ловца на этом человеке не работают. Этот сон не подчинялся ей, нужно было уносить ноги. Она резко ударила мужчину в пах, и он согнулся пополам от боли. Не теряя ни секунды, Сан вылетела на улицу и, не оглядываясь, босиком понеслась за пределы поместья. «Пора возвращаться!» – мысленно крикнула она, и ворота превратились в железную дверь ее квартиры, которую Сан рывком дернула на себя.

Хватая ртом воздух, она села на постели, еще не до конца понимая, что спаслась. Сползла с кровати и, шатаясь, добрела до холодильника, чтобы выпить воды с лимоном. Адреналин все еще бурлил в крови, руки дрожали, но после нескольких жадных глотков Сан, наконец, начала приходить в себя и анализировать произошедшее.

Устроившись на высоком барном стуле, Сан машинально вдохнула аромат свежих азалий и задумчиво тронула ярко-розовые лепестки. Повернула голову и посмотрела в окно на залитый утренним солнцем город. Никто из тех, в чьи сны она попадала, не мог устанавливать с ней физический контакт. Ее могли видеть, только когда она сама хотела. Почему же этот мужчина смог? Она закрыла глаза, вспоминая сновидение. Обычно люди, в чьи сны она попадала, сами являлись участниками событий, но этот человек наблюдал за всем со стороны. Кто же он такой?

Возможно, он тоже был ловцом снов? И Сан, каким-то образом оказавшаяся на его территории, разозлила его? Нет, что-то не сходится... Она ясно слышала, как он выкрикнул «Ты!», будто узнал ее. Но Сан совершенно точно видела его впервые в жизни. Почему же он смотрел на нее с такой ненавистью, словно она угробила всю его семью и прокляла до седьмого колена? Сплошные вопросы без ответов. Нужно поговорить об этом с Хери, возможно, она что-то подскажет.

За спиной послышался томный стон и смачный зевок. Сан резко обернулась, едва не свалившись со стула. На диване в гостиной развалился долговязый парень. Сладко потянувшись, он поднялся на локтях и с шальной улыбкой посмотрел на Сан.

– Доброе утро! Как спалось?

Занятая мыслями о странном погружении в чужое сознание, она совсем забыла, что вчерашний парень из клуба остался у нее на ночь. «Дожили, впустила к себе мужика, переспала с ним и забыла о том, что он все еще здесь! А ведь столько сил потратила на то, чтобы затащить его в постель!» – Она сокрушенно покачала головой, думая, что сейчас ей меньше всего хочется говорить с малознакомым человеком.

– Хорошо, спасибо, – Сан подошла к парню, смутно припоминая, как прогнала его спать на диван после того, как оторвалась с ним за целый месяц воздержания.

– Что приготовим на завтрак? – Он пригладил торчащие волосы и спустил ноги на пол. Пытаясь нашарить тапочки, лучезарно улыбнулся ей. – Или закажем доставку?

Парень выпрямился и, наклонившись к Сан, чмокнул ее в щеку. Из одежды на нем по-прежнему были только боксеры, а джинсы и рубашка аккуратно висели на стуле. При свете дня и после утоленного желания он уже не казался ей таким необыкновенным, хотя она все же невольно скользнула взглядом по подтянутой, жилистой фигуре. Хорош. И можно было бы продолжить их ночные кульбиты, если бы не беспокоивший ее сон, который занимал все мысли. Она мрачно наблюдала за тем, как он по-хозяйски складывает одеяло и берет с журнального столика свой телефон.

– Ты рано проснулась, могла бы еще немного поспать, – он повернул к Сан сотовый, на экране которого высветилось «десять тридцать».

– У меня сегодня много дел, – медленно ответила она, пытаясь вспомнить, как вообще зовут ее ночного гостя, которого она ни разу не назвала по имени. Кажется, Джисан.

– Я думал, мы погуляем после завтрака, тут недалеко есть небольшой парк, – парень сел на подлокотник и притянул Сан к себе, прижимаясь к ней настойчиво, но мягко. Он ласково заправил ей волосы за ухо, и при свете дня Сан рассмотрела идеально гладкую кожу, длинные ресницы и прямые, угольно-черные брови. Сплошная эстетика. Он обнял ее еще крепче и доверчиво уткнулся носом в шею, щекоча кожу теплым дыханием.

Сан сглотнула, вспоминая все, чем они занимались ночью. Секс был превосходным. Лучшим за последние несколько месяцев. Такого внимательного любовника терять не хотелось, но его откровенные попытки вторгнуться в ее жизнь злили. Лучше обрубить все на корню, пока он не успел себе ничего нафантазировать.

– Послушай, Джисан... – начала Сан, аккуратно выбираясь из его объятий.

– Джисон, – поправил он, и мальчишеская улыбка сползла с его лица.

– Извини. В общем, все было классно, но тебе пора.

Это был разовый секс, ничего личного, и Сан считала это абсолютно нормальным. От физиологии никуда не деться, даже если

ты бессмертная, но что-то в глазах парня заставляло ее чувствовать себя беспринципной стервой.

– Я думал, тебе понравилось... – он выглядел растерянным.

– Понравилось, но это был всего лишь секс. Я не хочу никакого продолжения, – категорично ответила Сан, отворачиваясь, чтобы скрыться от его обескураженного взгляда.

– Значит, я был всего лишь игрушкой на одну ночь? – в его голосе послышались ледяные нотки. – Ты всегда используешь людей, а потом выбрасываешь их на свалку?

– Видимо, ты рассчитывал на свадьбу и троих детей, переспав с девушкой после пяти минут знакомства? – остатки угрызений совести испарились, Сан вновь начала злиться. – Мы прекрасно провели время, в чем проблема? Для этого и ходят в клубы!

– Ну да, тебе виднее, похоже, у тебя большой опыт, – Джисон выдернул торчащие из-под дивана носки и смерил Сан уничтожающим взглядом. – Умыться-то хоть можно? Или я должен свалить отсюда немедленно?

– Где ванная, ты знаешь, – скрипнула зубами Сан.

Пока наглец плескался, она ожесточенно уничтожала все следы его пребывания в ее квартире: побрызгала диван антисептиком, сорвала с кровати белье и бросила его на пол вместе с пледом, которым он накрывался.

– Полотенце не забудь, – съязвил негодяй, бросая его в ту же кучу. – А лучше сожги все на всякий случай.

Сан смотрела, как он уходит, застегивая на ходу рубашку, и полыхала от злости. Невыносимый придурок! Какого черта он не может относиться ко всему по-взрослому? Что за идиотский бред? Она схватила белье и бросила в корзину, только сейчас вспомнив, что хотела поговорить с Хери. Перепалка с Джисоном на время выбила ее из колеи и стерла неприятный осадок после увиденного сна. Но когда за ним закрылась дверь, тревога вернулась.

Выдохнув, Сан потрясла головой и набрала номер подруги. Соплячка хоть и злоупотребляла время от времени алкоголем, зато была сильной ведьмой и много чего знала.

– Слушаю... – раздался в трубке умирающий голос.

– Время одиннадцать, и, я так понимаю, ты уже в магазине? – Сан еще вчера знала, что подруга, конечно же, не проснется вовремя, но не

могла не подколоть ее.

– О боже! Уже бегу! – голос мгновенно изменился, в трубке послышалось шуршание, грохот и затем – отборный мат.

– Не убейся там, ты еще нужна мне живой, – хохотнула Сан, представляя, как Хери с жуткого похмелья пытается собраться на работу.

– Прости, Сан, честно, я заводила будильник, но, наверное, выключила его и снова уснула... – лепетала подруга.

– Ладно, успокойся, – смилостивилась Сан. – Я сейчас за тобой заеду, и вместе отправимся в магазин. Представлю тебя твоему сменщику. И у меня к тебе разговор.

– Что-то случилось? – Хери насторожилась, и звуки торопливых сборов на другом конце трубки затихли.

– Пока не знаю.

Конец августа в этом году выдался необычайно жарким. Редкие туристы, гуляющие на опустевшем Инсандоне в этот час, жались в тень от магазинов и лавочек, вытирая платочками потные лица. Почти у каждого в руке был корейский веер с традиционным восточным рисунком или мини-вентилятор, которые хоть немного спасали от адской сеульской жары.

Сине-красные фонарики, украшавшие начало торговой улицы, терпеливо замерли в предвкушении вечерней прохлады. Хери и Сан вышли из такси и не спеша направились к сувенирному магазину, где ведьме предстояло работать.

– Может, рамен? С похмелья он самое то, – предложила Сан, кивнув на магазин СУ. Подруга выглядела бледной и наверняка ничего еще не успела поесть.

– Меня от одной мысли о еде сейчас вывернет. Пить ужасно хочется. – По всему было видно, что Хери мужественно держится из последних сил. – Так о чем ты хотела поговорить? Что, чувак, с которым ты ушла из клуба, оказался не очень?

– Наоборот! У меня давно не было такого классного любовника, который знает как, куда, что и когда. Ему бы написать путеводитель для большинства мужиков, которые до пенсии не знают, где найти клитор, – фыркнула Сан, пытаясь представить в процентном соотношении, сколько мужчин за триста лет ее жизни хоть немного разбирались в сексе и женской физиологии. От силы десять.

– Повезло тебе, – грустно вздохнула Хери. Она остановилась, чтобы купить воды, и задумчиво смотрела на автомат, проглотивший тысячу вон.

– А что твой? Не оправдал надежд? – Сан заинтересованно наблюдала за выражением лица подруги.

– Это мрак, – ведьма закатила глаза и покачала головой, тут же схватившись за висок. – После того, как мы ушли из клуба, его за каким-то хреном понесло в магазин за вином. А когда пришли в квартиру, он достал бокалы, уселся на кухне и завел душевные разговоры. Типа чем ты увлекаешься, где работаешь и прочее. Я аж протрезвела! Так и не поняла, для чего был этот подкат, если я сама пригласила его домой для перепиха.

– У меня то же самое! – закивала Сан. Она взяла Хери за руку и повела ее к лавочке, укрытой тенью раскидистой вишни. – Я еле довела его до кровати, а он заладил: «Как хорошо ты обставила квартиру! Какая красивая фотка на стене!» Мужчины такие странные...

Хери изумленно пожала плечами и жадно отпила из бутылки.

– Может, они переволновались? Проблемы с потенцией? Носки дырявые? Девственники? – набрасывала предположения Хери.

– Что, сразу оба? В моем случае все было в порядке с самого начала: и с эрекцией, и с носками. Да и девственником он точно не был.

– Тогда не знаю.

– Мой еще мне с утра истерику закатил, потому что я сказала, что это было на один раз. А чего он ожидал? Долго и счастливо? Точно не в моем случае. – Сан полезла в сумочку за обезболивающими и протянула таблетку подруге.

– Потому что мужики сами привыкли так поступать: переспали и забыли. А когда так себя ведет женщина, считают себя использованными. Они же властелины мира, каждый хочет чувствовать себя особенным и самым важным. – Хери выпила таблетку и прислонилась спиной к шершавому стволу. – В принципе, можно было бы и подыграть, но после того, как он бессмысленно пыхтел на мне пятнадцать минут, я просто выставила его за дверь без лишних разговоров и легла спать.

– Не повезло тебе, у меня хотя бы секс был отменным.

– погоди, ты ведь о чем-то хотела поговорить, – напомнила Хери.

Сан скептически смотрела на подругу, решая, стоит ли сейчас забивать ее гудящую голову своими вопросами. Выглядела она сегодня паршиво: темные круги под глазами, ноль косметики, а волосы, похоже, не расчесывались с прошедшей ночи; футболка оверсайз и широкие джинсы. Сан усмехнулась, представив, как контрастно они, должно быть, выглядят рядом: сама она не изменяла себе и надела яркое-красное платье чуть выше колен с изящной вышивкой в национальном стиле по горловине. По сравнению с Хери она выглядела как рождественская елка. Хотя Сан искренне считала подругу очень милостивой, но ее манера тускло одеваться ей категорически не нравилась. То ли дело вчера в «Октагоне»! В коротком черном топе, с густой копной рыжих волос Хери выглядела роковой красоткой. И вчерашние парни наверняка клюнули бы на нее и без ведьминских чар. Но Хери совсем в себя не верила, поэтому полагалась исключительно на силу своего дара.

– Давай, выкладывай, мне уже лучше, – пробурчала она и слегка улыбнулась.

– Я сегодня попала в очень странный сон...

Сан рассказала о ночном происшествии, стараясь не упустить ни одной детали.

– Даже не знаю, что тебе сказать, – покачала кудрявой головой Хери.

– Может, я случайно забрела на территорию другого ловца? – предположила Сан. Ее очень беспокоил сегодняшней кошмар, и она никак не могла отделаться от мысли, что за этим кроется что-то серьезное.

– Неа, не может быть. Он точно не ловец. Ваши территории четко ограничены, и за тем, чтобы вы не пересекались, строго следят, – уверенно сказала Хери, допивая воду.

– Кто следит? – живо заинтересовалась Сан.

– Это не твоего ума дело, и я не могу распространяться о таких вещах. Ты и так бессмертная, чего тебе еще надо? – обиженно поджала губы Хери.

– В том-то и дело! Я не помню своего прошлого до того момента, как перестала стареть и начала прыгать в чужие сны! А может, сегодняшней чувак как-то связан с этим?

– Тоже маловероятно. Как он может быть связан с женщиной, которая родилась триста лет назад? Ты сказала, что одет он был современно, – Хери выпрямила спину и подняла голову, вероятно постепенно оживая после вчерашней попойки.

– Да, но события во сне происходили в эпоху Чосон. Это странно, не находишь?

– Ничего странного. Человеческая психика иногда выдает такие финты, что диву даешься, – пожала плечами подруга. Она с любопытством оглядывала магазинчики по обе стороны улицы, наверное, пытаюсь угадать, какой из них принадлежит Сан.

Бессмертная была разочарована, что ведьма ей ничем не помогла и так легкомысленно отнеслась к ее опасениям.

– Ты бы хоть синяки под глазами замазала, – Сан с досадой помахала рукой перед глазами. – А то еще напугаешь моего временного работника.

– Ой, да что вы! Думаю, после твоего внешнего вида его уже ничто не напугает! – язвительно скривилась Хери. – Судя по твоей манере одеваться и краситься, ты уже триста лет не можешь забыть, что когда-то была кисен^[7].

– Чем тебе не угодил мой внешний вид? – Сан достала зеркальце и посмотрела на свое отражение.

– Да ты только посмотри на себя. Кто в наше время так выглядит? Ты в курсе, что кроме красного есть еще масса других цветов? Когда мы шли, на тебя вся улица пялилась!

– Это потому, что я красивая, – привычно отмахнулась Сан. – Мне нравится такой стиль, ясно тебе?

– Мне-то давно все с тобой ясно, бессмертная, – Хери выделила последнее слово.

– Да, бессмертная, – высокомерно вскинула голову Сан. – По моему, круче этого нет ничего в мире. Я столько фильмов об этом пересмотрела и никогда не понимала, почему бессмертные так стремятся умереть. Это же чушь какая-то! Как можно устать от жизни? – Сан удивленно пожала плечами и повернулась к подруге, явно желая услышать ее мнение.

– От меня-то ты чего хочешь? Я не бессмертная, – Хери вздернула брови. – Но мое мнение...

– Ну?

– Очень сложно жить дальше, когда все близкие люди уже умерли. Пройдет время, и, даже если ты встретишь любимого человека, неизбежность его смерти будет всегда стоять за спиной. В итоге бессмертных гнетет не усталость от жизни или потеря новизны, а одиночество.

Сан промолчала. Каждый раз она зарекалась привязываться к людям, но снова и снова попадала в эту ловушку. Скольких она потеряла? Ее подруги в гёбане, мужчины, которых она любила, все они оставили ее. Последний человек, который был ей дорог, умер почти семьдесят лет назад во время Корейской войны. Сан закрыла свое сердце, боясь новых страданий. Гораздо проще вообще никого не любить, тогда и боли не будет. И вот теперь в ее жизни появилась Хери...

Она посмотрела на прохожих. Все эти люди родились со знанием, что существование каждого из них конечно. Но ведь в течение жизни они все равно теряют близких: кто-то умирает от старости, кто-то от болезни, а кто-то от несчастного случая. Потери неизбежны для всех, и каждый пытается их пережить и смириться с тем, что не в силах изменить. Так, может, простые смертные не так уж и сильно отличаются от бессмертных?

– Ну так мы идем или будем сидеть тут до вечера? – спросила Хери.

– Да, пошли.

Подруга потрясла пустой бутылкой и устремила к урне на другой стороне улицы. Сан задумчиво смотрела, как она выбрасывает мусор и, приложив ко лбу ладонь, закрывает лицо от слепящего солнца. Машет рукой и вприпрыжку бежит обратно. На мгновение сердце опять уколола мысль, которую она упорно гнала от себя. Ведь когда-то Хери состарится. Сколько еще она будет рядом? Пятьдесят? Шестьдесят лет? А потом? Ее не станет, и в груди снова образуется огромная зияющая дыра, которую заполнить будет нечем. Сан очень любила Хери, но иногда жалела, что дала слабину и спустя десятки лет вновь пустила кого-то в свое сердце.

– Эй, ты чего? Призрака увидела? Призраки – это по моей части, – звонко рассмеялась Хери, взяв подругу под руку.

– Я смотрю, тебе действительно лучше, – проворчала Сан. – Голова прошла?

– Чувствую себя отлично! Мне не терпится поскорее приступить к своим новым обязанностям!

Сувенирная лавка Сан отличалась от других точной стилизацией под старину и привлекала внимание, особенно иностранцев. Над входом висела деревянная вывеска с нарисованными черной краской иероглифами, под которыми на хангыле^[8] дублировалось название: «Комната кисен». Вверху магазин украшала выдающаяся вперед часть традиционной крыши, а двери были обтянуты настоящей рисовой бумагой. Сан сама занималась оформлением и осталась очень довольна проделанной работой.

Поначалу Сан сама обслуживала клиентов, и ей нравилось рассказывать о значении того или иного сувенира. Но несколько месяцев назад она наняла работника на полставки. Это был молодой мужчина примерно одного возраста с Хери. Он еще учился в университете, и по закону Сан не имела права нанимать его на полный день. К тому же совмещать работу и занятия в университете ему было тяжело, поэтому она стала подыскивать ему сменщика. Хери нуждалась в деньгах, и Сан решила доверить ей свой магазин.

Когда они зашли в лавку, продавец по привычке поклонился и вежливо поприветствовал вошедших, но, увидев, что это хозяйка, расплылся в радостной улыбке.

– Прости, Джумок, мы опоздали, – Сан обернулась на стоявшую за спиной Хери.

– Ничего страшного, госпожа, спасибо, что пришли.

– Хери, знакомься, это Джумок, ты будешь подменять его по графику. Джумок, это Хери, научи ее всему, – представила она молодых людей друг другу.

Последовало напряженное молчание. Не понимая, в чем дело, Сан недоуменно смотрела на подругу и своего работника. Они сканировали друг друга колючими взглядами и молчали.

– Что такое? Вы знакомы?

– Да, было дело, госпожа... – промямлил Джумок, опуская глаза. Он сконфуженно поправил очки, его щеки покрылись красными пятнами.

– Почему не сказала, что у тебя работает ведьмак? – злобно бросила Хери.

Парень странно крикнул и метнул испуганный взгляд на хозяйку. Его круглое лицо выражало сильнейшее удивление.

– Я не знала, – удивленно ответила Сан и вовремя спохватилась, объясняя свою просвещенность о потустороннем мире работнику. – Я в курсе способностей Хери. Не подозревала, что ты тоже ими обладаешь.

– Он? Обладает способностями?! Не смеди меня! – саркастично хмыкнула Хери и закатила глаза. Скрестив руки на груди, она демонстративно не смотрела на Джумока, который от волнения и растерянности не знал, как реагировать, и нервно теребил в пальцах край клетчатой рубашки.

– Так. Ясно. Вас связывает какая-то история, – Сан решила положить конец этой безмолвной битве и подвести черту. – Меня не интересует, почему вы так реагируете друг на друга, но если хотите здесь работать, то должны поладить.

Хери возмущенно пыхтела, нервно постукивая носком кроссовка. Сан хотела было уже сказать ей, что аннулирует предложение о работе, как вдруг зазвонил сотовый. Взглянув на экран, она удивленно вскинула брови: Пак Ёндже. Контактных среди обычных людей у нее было мало, однако этого человека Сан знала очень хорошо. Поэтому показала Джумоку знаками, чтобы он приступил к обучению новой сотрудницы, а сама вышла на улицу, поспешно отвечая на звонок:

– Профессор! Давно вас не слышала!

– Здравствуй, Сан! – по хриловатому голосу господина Пака было понятно, как он рад ее слышать. – Как поживаешь? Сколько мы не виделись? Лет пять?

– Именно так, – кивнула она, расплываясь в улыбке.

С профессором Пак Ёндже она случайно познакомилась несколько лет назад на конференции по истории позднего Чосона. В то время Сан не знала, чем себя занять, поэтому решила удариться в науку, тем более особых усилий для этого ей прилагать и не пришлось, потому что она сама являлась свидетелем и непосредственным участником многих исторических событий. Тогда она выступала с докладом об одной из самых спорных и неоднозначных фигур корейской истории – принце Садо. И именно с ее подачи современные историки начали сомневаться в казавшихся до этого неопровержимыми фактах о безумии наследного принца.

– Все еще занимаешься изучением истории? Помнится, ты говорила, что это не основная твоя деятельность, – кашлянув, спросил профессор.

– Уже не занимаюсь, теперь я хозяйка сувенирного магазина на Инсандоне.

Сан была заинтригована. Почему профессор вдруг позвонил ей спустя столько лет? Какое-то время после той фееричной конференции они общались, обменивались мнениями и вместе пытались трактовать документы, но после разошлись, потому что Сан надоела кропотливая работа.

– Как жаль... – расстроено протянул профессор Пак.

– Профессор, что вы хотите, говорите прямо, – для кого-то другого эти слова прозвучали бы грубо, но между господином Паком и Сан давно установились дружеско-панибратские отношения, и они прекрасно чувствовали настроение друг друга.

– Ты как всегда слишком прямолинейна, ничуть не изменилась, – мягко рассмеялся профессор.

– Мне уже поздно меняться, – в ответ улыбнулась Сан.

– Ну-ну, ты еще очень молода! Говоришь так, будто тебе триста лет!

«Триста двенадцать», – мысленно поправила она его.

– В общем, я к тебе за помощью, – голос профессора стал серьезным. – У меня заболел преподаватель по истории Чосона, и мне совершенно нечем его заменить: одна половина преподавателей тоже болеет, у другой – колоссальная нагрузка. Не могла бы ты провести вместо него несколько занятий? Это займет всего пару недель, не больше.

– Неожиданно.

Сан действительно удивилась. Она никогда таким не занималась и даже не имела общих понятий, как преподносить материал студентам. Но отказываться не спешила – это очередной навык и бесценный опыт в копилку ее умений. А эксперименты она любила.

– Прости, что свалился как снег на голову, но если бы не эта эпидемия, я бы не стал тебя тревожить. Положение у меня безвыходное, – голос профессора стал виноватым.

– Если на пару недель, я согласна, – Сан быстро прикинула, что смена деятельности ей совсем не мешает, и уже мысленно рисовала

себя стоящей за кафедрой перед восторженными студентами.

– Спасибо тебе огромное! Ты меня спасла! – облегченно выдохнул профессор Пак.

– Когда у меня первое занятие?

– Э-э... вообще завтра. Тема твоя любимая – «Безумие принца Садо». Успеешь подготовиться?

Сан очень хотелось спросить: «А у меня есть выбор?» – но из уважения к профессору, ответила:

– Да, конечно, господин Пак.

Выслушав долгие благодарности, она положила трубку и задумчиво посмотрела на вывеску своего магазина. За стеклом Джумок водил рукой вдоль стеллажей, вероятно, рассказывая о товаре ее хмурой подруге. На улице стало еще жарче, и Сан вытерла испарину со лба, соображая, что именно рассказать завтра студентам. Похоже, придется проштудировать немало информации о методике преподавания и построении лекций. Знаний у нее имелось много, но нужно было их систематизировать, чтобы не вываливать хаотично все, что знала.

Толкнув дверь, Сан вернулась в магазин, с наслаждением чувствуя прохладу от работающего кондиционера. Все-таки человечество придумало два гениальных изобретения: интернет и кондиционеры.

– Каждый день нужно протирать пыль, – монотонно вещал Джумок, который, судя по всему, уже немного оправился от первоначального шока, что его начальница знает о существовании потусторонних сил. Его коренастая фигура закрывала Хери, и Сан не видела ее лица.

– Извините, что прерываю, – вклинулась Сан. – Мне нужно срочно уйти. Есть надежда, что вы не поубиваете друг друга и не развалите мне бизнес?

Она многозначительно посмотрела на выглянувшую из-за плеча Джумока Хери, которая недовольно закатила глаза и фыркнула.

– Если ты намекаешь на меня, то я не собираюсь устраивать скандал. Иди, – нехотя ответила она.

– В ближайшие две недели я буду очень занята, поэтому рассчитываю на вас.

Мысленно поставив галочку позже расспросить Хери о ее странных взаимоотношениях с Джумоком, Сан помахала им обоим на

прощание и вышла на улицу.

Прячась от жгучего солнца на теневой стороне, она вышла с центральной улицы Инсандона и быстрым шагом направилась к станции метро. Был самый разгар рабочего дня, и Сан не хотела трястись полтора часа в такси по пробкам. Туфли на высоком каблуке чудовищно сдавливали ноги, а в облегающем платье было невероятно жарко. Она то и дело ловила на себе удивленные взгляды прохожих, вдруг вспомнив слова Хери о том, что ее внешний вид кажется совершенно нелепым. Поймав в одной из витрин свое отражение, она и правда поразилась, насколько выделяется среди демократично одетых корейцев, которые в последние годы стали выглядеть просто, но стильно. Возможно, и правда стоит немного пересмотреть свои взгляды? Хотя... что могут понимать ничтожные людишки в красоте?

В вагоне метро было не жарко, и Сан отошла подальше от дувшего прямо в шею кондиционера. Она, конечно, бессмертная, но болезни не раз мучили ее тело. Не хотелось свалиться с температурой и подвести профессора Пака. Усевшись на освободившееся место, она наполовину вытащила нившие ступни из туфель и стала искать информацию о том, как строятся лекции. В животе что-то неприятно задрожало, и Сан с удивлением обнаружила, что волнуется. Нельзя ударить в грязь лицом, нужно произвести хорошее впечатление на студентов и постараться, чтобы они не уснули на первых минутах.

Любимая квартира на двадцатом этаже встретила ее прохладой и родным запахом дома. Скинув туфли, которые Сан уже успела окрестить про себя «испанским сапогом», она наконец-то приняла душ, смывая с себя жару и усталость после бессонной ночи.

Сварив кофе, Сан забралась с ногами в уютное кресло в гостиной и открыла ноутбук. Почерпнув кое-какую информацию по дороге домой, она набросала план завтрашней лекции, постепенно расширяя каждый из пунктов. Делая сноски, отмечала ссылки на источники и статьи известных исследователей. Эта работа оказалась совсем не такой простой, как ей казалось. Нужно было не только изложить студентам свои знания, но и обосновать каждый из пунктов. При этом добавив частичку себя, своей точки зрения и, конечно же, харизмы. Потому что именно личность преподавателя, а не научные факты в первую очередь привлекает внимание к материалу. До сегодняшнего дня Сан была полностью уверена в своей женской притягательности,

но сейчас предательские мыслишки заползали в голову: что, если она слишком себя переоценивает? Как ей стать интересной для абсолютно чужих людей, да еще из совершенно незнакомого поколения? Вдруг студенты будут смотреть на нее с таким же вежливым недоумением, как и прохожие на улице? Или, что еще хуже – откровенно насмеяться над ее манерой одеваться и краситься? Странно, но почему-то именно в этот момент ее абсолютное равнодушие к чужому мнению вдруг дало трещину.

Она тряхнула головой: ну уж нет, не пойдет она на поводу у жалких смертных и не станет играть по их правилам. Нужно оставаться собой в любой ситуации. Она умна и обладает огромным багажом знаний, поэтому без сомнений сумеет завоевать их расположение.

Провозившись с конспектом лекции несколько часов, она не заметила, как начало темнеть, и город за окном зажег огни. Сан с наслаждением потянулась и поворачивала плечами. Сегодняшний день оказался на удивление насыщенным, а почти бессонная ночь давала о себе знать болезненно пульсирующим виском. Прикрыв глаза, она откинула голову на спинку кресла. В мозгу крутились обрывки завтрашней лекции, перемежающиеся отрывками безобразной утренней ссоры и странного сновидения. Все же интересно, кем был тот мужчина и чем она успела вызвать такую ненависть?

Яркие огни рекламных щитов ложились на закрытые веки, заставив Сан недовольно замычать и повернуть голову в другую сторону. Бледное лицо незнакомца никак не хотело уходить из мыслей, собирая вокруг себя хаотичный калейдоскоп разрозненных деталей: створки ворот, мощный аккуратными камнями двор ханока и прямая спина убитого горем мужчины, склонившегося над телом возлюбленной.

Сан проснулась от собственного всхрапа и потерла лоб. Нужно идти в кровать. Завтра она должна хорошо выглядеть. Отправившись в спальню, закуталась в мягкое одеяло и мгновенно уснула, надеясь, что сегодня ночью ей не придется никого спасать.

К счастью, никто не тянул ее в свои кошмары, и утром Сан проснулась с прекрасным ощущением, что хорошенько отдохнула и выспалась. Все терзавшие ее мысли пока нужно оставить и

сосредоточиться на предстоящих занятиях, чтобы не подвести профессора Пака.

Заваривая кофе, она почувствовала непривычный мандраж, которого не ощущала уже давно. Это было приятное, щекотавшее нервы предвкушение чего-то неизведанного. Покорение новой, пусть и небольшой, вершины. Сан никогда не пасовала перед трудностями, всю свою жизнь бросая себе вызов, и сейчас нисколько не сомневалась в успехе.

Тщательно просмотрев свой экстравагантный гардероб, она все же остановилась на классической кремовой блузке и черных брюках. Не стоит вот так сразу шокировать студентов своим внешним видом. Она собрала волосы в низкий аккуратный хвост и осталась довольна образом умной деловой женщины, которая смотрела на нее из зеркала. Однако от ярко-алой помады отказаться не смогла.

Всю дорогу до университета Хонгик Сан повторяла про себя конспект лекции, не сбившись ни на одном из пунктов. Она подготовила хорошую презентацию и была во всеоружии.

Расплатившись с таксистом, посмотрела на часы: до начала занятий оставалось пятнадцать минут. Слегка волнуясь, она позвонила профессору Паку, который пообещал встретить ее в фойе и выдать временный пропуск.

– Сан, дорогая моя! – услышала она за спиной знакомый голос и обернулась.

Улыбка сама собой расплылась на лице, когда она увидела спешившего к ней профессора. Ему было чуть за пятьдесят, но за прошедшие пять лет, что они не виделись, он ничуть не постарел и выглядел все таким же подтянутым и энергичным.

– Рада встрече, профессор! – она поклонилась и пожала протянутую руку.

– Ты совсем не изменилась! Признайся, варишь зелье молодости? – заговорщически подмигнул мужчина, по-отечески похлопав ее по плечу.

– Просто живу в свое удовольствие, – Сан не переставала улыбаться, понимая, что действительно очень рада видеть старого знакомого.

– Ох завидую тебе. А у меня одни заботы. Жена, дети, студенты... Изредка удается вырваться на пару дней в отпуск.

– Понимаю, – вежливо кивнула Сан, следуя за профессором в кампус. Мимо сновали озабоченные студенты, некоторые из которых оборачивались, провожая Сан заинтересованным взглядом.

– На твоём потоке большинство парней, а ты у нас барышня видная, поэтому, если понадобится помощь по части дисциплины, обращайся, – господин Пак широко шагал к лестнице, на ходу наставляя Сан.

– Не беспокойтесь, я справлюсь.

Сан всегда считала, что умеет завладевать вниманием аудитории, но немного сомневалась в том, что сможет заинтересовать молодежь: все же прежде она выступала перед взрослой, серьезной публикой.

– Ну и отлично. Я познакомлю тебя с коллегами и покажу место профессора Квона, которое ты займешь. – Он остановился перед дверью кафедры истории Кореи и обернулся к Сан. – Не тушуйся.

– Профессор, вы слишком обо мне беспокоитесь. Не волнуйтесь, я не ребенок. – Ее умиляла опека профессора, к которому она действительно питала теплые чувства. У нее не было отца, который бы заботился о ней, и в Пак Ёндже она невольно видела родительскую защиту и опору, которой ей не хватало.

– Отлично, нисколько в тебе не сомневаюсь, – мужчина весело подмигнул и открыл дверь.

Быстро представив Сан временным коллегам, он подвел ее к столу, заваленному кипами бумаг и исписанных стикеров.

– Это место Квон Доёна, которого ты будешь замещать. У него вечно беспорядок, уж такой он... Но ты убери все, если тебе мешает, – профессор Пак сгреб в сторону наваленные в беспорядке бумаги, чтобы освободить место для Сан. – И вот листок с расписанием.

– Да все в порядке, я разберусь. – Она опять улыбнулась и, спохватившись, посмотрела на часы. – Скоро начало пары, мне пора.

– Файтинг^[9]! – профессор сжал кулаки и широко улыбнулся.

Стуча каблуками по ламинату, Сан спешила на свое первое занятие. Нервно сжимала пальцами ручку сумки с ноутбуком, мысленно репетируя начало лекции.

В аудиторию триста двадцать она пришла за пять минут до начала. Прежде чем открыть дверь, вздернула подбородок и расправила плечи. Ее будут пристально изучать более пятидесяти молодых людей, и она должна выглядеть уверенно. Не глядя на вяло

стекавшихся в аудиторию студентов, прошагала к кафедре и подключила ноут для демонстрации презентации. Едва уловимые шепотки, начавшись с первых рядов, волной потекли к задней части аудитории. У нее не получалось перейти на демонстрацию экрана, и она разнервничалась, услышав мелодичный сигнал, оповещающий о начале занятия.

– Помочь? – услышала она справа мужской голос, показавшийся ей смутно знакомым.

– Да, если мо... – Сан повернулась к студенту и потеряла дар речи. Холодно улыбаясь, перед ней стоял тот самый парень, которого она вчера утром довольно невежливо вытолкала за дверь. Просто отлично!

– Рад тебя видеть, Сан. Или мне лучше называть тебя профессор Ким? – нагло ухмыльнувшись, Джисон сложил руки на груди, наслаждаясь ее обескураженным видом.

Сан мысленно досчитала до трех, удерживая готовый сорваться ответ.

– Лучше просто госпожа Ким, все-таки я не профессор, – она натянуто улыбнулась и заговорила, стараясь, чтобы ее слова звучали нейтрально. – Ты вроде предложил помощь.

– Да, конечно, – ухмыльнулся Джисон и еще некоторое время смотрел на Сан, прежде чем склониться к монитору. – Я удивился, когда тебя увидел. Не знал, что ты работаешь в нашем универе.

– Я всего лишь временно замещаю вашего преподавателя. Это только на две недели, – она невольно обернулась, пытаясь понять, слышал ли кто-нибудь их диалог.

В сущности, ей было плевать, даже если студенты узнают о проведенной ею с Джисоном ночи, но Сан боялась, что грязные слухи могут дойти до профессора Пака. В его глазах хотелось выглядеть лучше, чем она была на самом деле.

– Готово, – парень нажал несколько клавиш и повернулся к большому экрану на стене.

– Спасибо, – вежливо поблагодарила Сан и, видя, что Джисон не собирается уходить, повела рукой в сторону сидящих студентов. – Можешь вернуться на свое место.

Парень как-то недобро усмехнулся и нехотя пошел на свое место.

Сан проследила за ним, чтобы знать, куда лучше не смотреть во время лекции. Студенты шуршали и возились, кто-то лежал на столе, видимо, пытаясь отоспаться после бессонной ночи, кто-то копался в телефоне, некоторые с любопытством смотрели на новенькую, вероятно, пока не зная, чего ждать от ее занятий.

– Доброе утро, – Сан вышла из-за кафедры. Руки вдоль туловища, никаких закрытых поз. Голова поднята, уверенный взгляд. – Меня зовут Ким Сан, я буду временно замещать профессора Квон Доёна.

По аудитории опять пролетел шепоток. Боковым зрением Сан заметила, что Джисон вальяжно откинулся на спинку стула. Показывает свое пренебрежение?

– Первое, что я хочу у вас спросить: что бы вы сделали, если бы знали, что завтра умрете?

Она щелкнула пультом, и на экране появилось фото грубо сколоченного деревянного ящика квадратной формы. Студенты недоуменно переглянулись между собой, не понимая, чем вызван такой странный вопрос.

– Не стесняйтесь, я понимаю, что многие хотели бы напиться до беспамятства в последний раз или оторваться в клубе с какой-нибудь красоткой. Это нормально.

Со стороны Джисона послышался едкий смешок.

– Ну, я бы так и сделал, – негромко сказал он, и Сан вынуждена была посмотреть на него. В его глазах таилась угроза и желание мелкой мести. Она понимающе улыбнулась.

– Обычные человеческие желания, в них нет ничего плохого. У кого еще какие варианты?

– Я бы провела этот день с родными, – робко ответила девушка с первого ряда.

– Фу, как стремно, ты что, монашка? – прокомментировал лопоухий парень позади нее.

– Я бы уехала в горы, чтобы последний раз полюбоваться закатом...

– А я бы отомстил всем, кто меня бесил...

Версии и желания множились, аудитория расшевелилась, с упоением представляя все, что могла бы сделать, когда нечего терять.

– Отлично! – Сан слегка повысила голос, пресекая дальнейшие обсуждения, плавно перетекающие в футуристические фантазии. – Вас

объединяет одно: у вас есть выбор. А у принца Садо его не было. Потому что король Ёнджо, его родной отец, на восемь дней запер его в деревянном ящике посреди дворцовой площади. И принц, чье имя еще при жизни обросло чудовищными слухами о злодеяниях, на которые его толкало безумие, умер от обезвоживания. Но так ли все однозначно на самом деле? Возможно, кто-то просто хотел избавиться от умного и дальновидного политика, который вел страну в направлении, которое было не выгодно существующей тогда власти...

Сан провела отличное занятие. Она натолкнула студентов на мысли о том, что многие факты в истории совсем не такие, какими кажутся. Ей удалось по-настоящему заинтересовать их, и к середине лекции даже Джисон внимательно слушал. Правда, мстительный огонек из его глаз не исчез, а словно затаился до поры до времени.

Попрощавшись со студентами, Сан вышла из аудитории, очень довольная собой. Все прошло именно так, как она запланировала, если не считать маленький неприятный нюанс в виде Джисона. Но и он ее не очень тревожил, потому что по большому счету ей были безразличны сплетни. А доказательств их единичной связи у мальчишки не было.

Проведя еще три лекции на других потоках, она вызвала такси, чтобы вернуться домой. Ожидая машину у входа, Сан пробежала глазами завтрашнее расписание. Лекции начинались с одиннадцати, так что можно как следует подготовиться к занятиям и выспаться.

Приложение оповестило, что машина прибыла на место, и Сан посмотрела на карту, пытаясь понять, где ее ждет водитель. Нужно было выйти за территорию университета и пройти еще метров сто до парковки.

Поморщившись от боли в ногах, она выпрямила спину и сжала зубы, чтобы на лице не отразился физический дискомфорт. Все-таки Хери, наверное, права насчет ее гардероба, и каблуки ей уже не по возрасту. Обогнув корпус, она приблизилась к комнате для курения, из-за стеклянных дверей которой доносился гогот и обрывки фраз:

– Видели новую преподшу?

– Огонь! Я бы изучил с ней историю индивидуально...

– Да-а, задница у нее аппетитная... Когда она спросила про последний день, так и подмывало сказать, что провел бы его с ней в постели...

Сан замедлила шаг, с интересом прислушиваясь к разговору.

– Губу закатай, умник, – услышала она знакомый голос, в котором узнала Джисона. – Не твоего полета птица.

– Твоего, что ли?

– Видели, как он подорвался помогать ей подключать ноут? – заржал кто-то. – Телефончик спросил?

Сан ухмыльнулась и решительно открыла дверь курилки. Внутри было так дымно, что она едва разглядела Джисона, который повернул голову и посмотрел прямо на нее.

– Привет, мальчики, – мило улыбнулась она, наслаждаясь обескураженным видом парней, застывших с сигаретами в пальцах. – Извините, что прерываю, просто хотела уточнить: мне нравятся более опытные и взрослые мужчины. Но за комплимент спасибо, задница у меня действительно классная.

Отсалютовав студентам, она продолжила путь на парковку, тихонько посмеиваясь про себя. Стоило, конечно, промолчать, собственно, ей и дела не было до того, что о ней говорят и думают. Но хотелось подшутить над сопляками, возомнившими себя великими соблазнителями.

Сан вернулась домой уставшая, но очень довольная собой. Она попробовала новое для себя дело, и оно ей понравилось. Понравились заинтересованные взгляды студентов, которые оценили ее знания и интеллект, понравилось, что она завладела вниманием молодой аудитории, которая оторвалась ради нее от своих гаджетов и впитывала каждое слово. В общем, это был успех.

Она взяла книгу, зажгла аромасвечи и легла в кровать. «Госпожа Ким Чжи Ен, рожденная в 1982 году» – нашумевший роман, написанный Те Нэм Джу в две тысячи шестнадцатом году, попал в руки Сан только сейчас. Она с интересом погрузилась в чтение, вспоминая восьмидесятые годы, когда вернулась в Корею из Штатов в надежде, что патриархальные традиции в корейском обществе перестали управлять людьми и страной. Сан прекрасно помнила, как тяжело ей было получить работу, когда предпочтение всегда отдавали мужчине, даже если на руках у тебя диплом Сеульского университета с отличием, а у него только член в штанах, который почему-то решает все. После свободной Америки Сан долго не могла привыкнуть к тому, что в родной стране она лишь человек второго сорта. Закостенелое

сознание людей всегда будет безнадежно отставать от стремительно меняющегося мира. Потребуется сотни лет, прежде чем все, о чем говорилось в этой книге, и все, что на себе испытала Сан, станет казаться такими же дикими пережитками прошлого, как европейская инквизиция.

Тяжело вздохнув, она отложила книгу и закуталась в одеяло, невольно перебирая в памяти отрывки из своей долгой и насыщенной жизни. Закрыла глаза и, уже засыпая, услышала Зов.

Сан медленно шла в кромешной темноте, осторожно ступая по неровной поверхности. Воздух был затхлым, тяжелым, словно она находилась в подземелье. Похоже на то, если учесть, что ни единого проблеска света не разгоняло эту тьму. Сколько Сан шла, неясно, но ей показалось, что очень долго.

Странно, но Зов, потянувший ее сюда, исчез, и она не чувствовала чужих эмоций: ни боли, ни страха, ни горя. Ничего.

Через несколько шагов Сан споткнулась, нащупав в темноте ступеньку, и начала наощупь подниматься куда-то вверх. Она силилась уловить человеческие эмоции, но не могла, как ни старалась.

Вдруг ее ослепила яркая вспышка света, и Сан зажмурилась, закрывая лицо руками. Когда она немного проморгалась, то увидела, как прямо над головой медленно расходится земля, открывая ее глазам голубое небо и бегущие по нему пушистые облака. Она медленно вышла на поверхность, с удивлением обнаружив, что оказалась посреди рыночной площади Ханяна. А в том, что это была именно она, Сан не сомневалась ни секунды – слишком хорошо ее помнила до сих пор.

Сан шла мимо торопливо снующих по своим делам людей, с тоскливой улыбкой разглядывая плетеные корзины за спинами крестьян, соломенные шляпы, грубую загоревшую кожу. Да, корейцы сейчас совсем другие... То и дело наносят крем от загара и прячут лицо от солнца, чтобы сохранить аристократическую бледность. Что они, нынешние, знают о тяжелом труде своих предков?

Сан по-прежнему не чувствовала присутствия хозяина сна и подумала: «Может быть, это мой сон?»

Резкий порыв ветра бросил в глаза пыль и волчком закружил растерявшуюся девушку. Она зажмурилась, а когда открыла глаза, едва

устояла на ногах, в последний момент ухватившись рукой за раскрытую дверь.

Рыночная площадь исчезла, она вновь оказалась в деревне Букчон, и чувство чужой тоски сдавило сердце. И вот тогда она поняла, что это все-таки не ее сон.

Вокруг сновали люди, метались яркими пятнами разноцветные ханбоки, смех и голоса раздавались приглушенно, словно из-за высокой каменной стены. Тревога вдруг зазвенела в груди колокольчиками: Сан чувствовала, что находится в опасности. Но чтобы сбежать, нужно найти владельца сна. И Сан нутром ощутила, что ей предстоит новая встреча с незнакомцем, который схватил ее за горло в прошлый раз.

Девушка в страхе оглянулась. Нарядно одетые люди куда-то спешили, смеялись и весело переговаривались между собой. Будто торопились на какое-то торжество. Важные чиновники в синих и красных официальных одеждах тихонько посмеивались, глядя ровные треугольные бороды. Дамы, прикрываясь накидками чанот, переглядывались и прятали улыбки. Яркий поток народа заворачивал за угол широкой улицы и терялся за высоким каменным забором. Не сумев побороть любопытство, Сан тихонько двинулась за ними. Агрессивного незнакомца рядом пока не наблюдалось, поэтому Сан спокойно влилась в пеструю толпу.

– Слышала, сын министра Мина такой красавчик...

– Да и невеста у него хороша! Повезло ведь жениться по любви...

– Это судьба...

– Говорят, свадьба у них будет роскошная!..

Сан прислушалась к доносившимся тут и там шепоткам. Значит, все эти знатные дамы и господа спешат на свадьбу некоего сына министра. Любопытно. Это не походило на обычный сон со смазанными образами и фигурами. Словно все, что сейчас видела Сан, было чьим-то воспоминанием, до того четким и ясным, что она могла разглядеть до мельчайших деталей складки шелка на пышных юбках, трепещущие заколки в волосах и подвески на поясах.

Толпа остановилась перед богатым ханокм с черепичной крышей. Через распахнутые ворота, в которые пускали только по именным табличкам, Сан видела украшенный двор и нарядных гостей в ожидании свадебной церемонии. Обведя взглядом уже прибывших,

она вдруг застыла: уже знакомая прямая спина приковывала взгляд, словно магнит. Сан не видела лица убитого горем мужчины из прошлого сна, но могла поспорить на что угодно, что это был именно он.

Притаившись за углом, она наблюдала за происходящим, затаив дыхание. И не сомневалась, что хозяин сна где-то здесь, кожей чувствовала его присутствие, но не видела из-за толпы людей. Было страшно, что и он тоже ее чувствует.

Началась церемония. Деревянные двери распахнулись, и из своих покоев вышла невеста. Ее ярко-алое платье кровавым пятном выделялось среди разноцветных нарядов. Нижнюю часть лица закрывали поднятые руки со спускающимися до пояса широкими рукавами. Все замерли, наблюдая, как она торжественно спускается во двор, а две служанки поддерживают ее с двух сторон, помогая идти. Сан все еще хорошо помнила, какими тяжелыми были наряды кисен, а одежда для свадебного обряда весила куда больше.

Невеста обвела взглядом гостей и посмотрела на жениха. Безудержное счастье брызнуло из ее глаз. Она любила его, в этом не было никаких сомнений, и какое-то щемящее чувство вдруг сдавило сердце Сан. Или это была... зависть? Молодые поклонились друг другу, как того требовал обычай, и невеста медленно опустила руки. Невольно увлеченная зрелищем, Сан не сразу заметила позади какое-то движение. Зато почувствовала, как холодная волна страха прошлась по спине. Резко обернувшись, она встретила с темными глазами, горевшими той же ненавистью, что и в прошлый раз.

Отшатнувшись, она бросилась прочь, но горячие пальцы грубо схватили ее за запястье и дернули назад. Не успев среагировать, Сан врезалась в широкую грудь и едва не задохнулась от сумасшедшего запаха, который мгновенно затмил разум и взбудоражил душу. Терпкий, горько-сладкий аромат мужской кожи – такой знакомый, родной и одновременно ненавистный, что она поперхнулась и замерла, совершенно оглушенная лавиной поднявшихся в душе эмоций. Давно забытых, похороненных так глубоко, что, казалось, ничто уже не сможет вернуть их к жизни. Боль, обида и отчаянная, черная страсть на миг потопили вокруг себя все: и солнечную улицу, и голоса молодоженов, и смех гостей. Сан крупно вздрогнула. Горячая ладонь

обжигала запястье, словно эти пальцы оставляли на ее коже вечное клеймо.

Она подняла глаза, встретившись с ненавидящим взглядом.

– Мертвецам не место на празднике жизни, – процедил мужчина сквозь сжатые зубы.

Сан выдернула руку и отступила на шаг. Оглядела высокую фигуру, широкие плечи под тонкой футболкой, тяжело вздымавшуюся грудь, хищный нос с горбинкой и бледное лицо. Незнакомец выглядел болезненно, а лихорадочный блеск в глазах добавлял ему безумия.

– Кто ты такой и что тебе от меня надо? – выдавила она, пытаясь унять срывающееся с ритма сердце.

Он возбуждал в ней неукротимое, яростное желание и вызывал дикую, ни с чем не сравнимую ненависть. Хотелось вцепиться в спадавшие на лоб волосы, впиться в его губы, а потом хорошенько приложить головой о каменную кладку забора. Что с ней такое? Откуда эти чувства?

– А ты не помнишь? – полные губы искривились в ядовитой усмешке.

– Это твой сон, и я оказалась здесь не по своей воле. Ты меня позвал! – вспыхнула она, сжимая руки в кулаки.

Большие глаза сощурились, будто мужчина о чем-то размышлял.

– Мой сон? – переспросил он.

– Ну не мой же! – фыркнула Сан, отводя взгляд. Ей хотелось сбежать, но в то же время выяснить, почему она второй раз попадает к этому психопату.

– Кем же ты стала?

– Кто я, не имеет значения. А вот кто ты такой и откуда меня знаешь? Что это за исторические зарисовки? – она раздраженно махнула рукой в сторону ханока, во дворе которого проходила свадебная церемония.

– Это мое прошлое, – мужчина сложил на груди руки и смотрел на Сан так, словно в чем-то подозревал. – Не пойму, ты делаешь вид или действительно ничего не помнишь?

– Что я должна помнить? – сердце пропустило удар. Неужели этот человек может пролить свет на ее прошлое?

– У меня нет желания рассказывать тебе все с сотворения мира. Убирайся вон, пока я еще держу себя в руках. Мертвецам не место

среди живых, – повторил он и сделал угрожающий шаг вперед. Сан попятилась. Что за чушь он несет?

– Ты ненормальный психопат! И не смей больше втягивать меня в свои сны! – выкрикнула она и, не дожидаясь, пока он придушит ее, бросилась бежать.

«Пора возвращаться!» – как заклинание повторила она, завернула за угол улицы и подскочила на постели в своей спальне.

P.S. 2

Джисон набрал код и бешено дернул на себя дверь. Скинув кроссовки, протопал в комнату и остановился: Юрим сладко спал на диване. Услышав шум, друг заворочался и открыл один глаз. Всклокоченный, заспанный и опухший, он сейчас совсем не походил на айдола, под которого усиленно косил не один год.

– Ты уже вернулся? Который час?

– Почти полдень, – коротко бросил Джисон, сорвал с себя рубашку, пропахшую ее духами, снял джинсы и швырнул все в грязное белье. Если она хочет удалить все следы его пребывания в своем драгоценном доме, то он поступит точно так же!

Вернувшись в комнату, плюхнулся в кресло и посмотрел на друга.

– А ты почему здесь? Я думал, ты останешься у Хери на ночь.

– Я тоже так думал, – широко зевнул Юрим. – Но она выгнала меня сразу после секса.

«Ну и женщины сейчас пошли! Никакого уважения к мужчинам!» – фыркнул про себя Джисон.

– Похожая ситуация.

– Реально? – Юрим так удивился, что резко сел и выпучил опухшие глаза. – Не думал, что и с тобой такое может случиться.

Джисон неопределенно пожал плечами. Он сейчас не хотел обсуждать то, что произошло, даже с другом. Вообще было желание снова напиться и подцепить какую-нибудь одноразовую девчонку, чтобы стереть из памяти последние несколько часов. А ведь он думал, что все будет совсем не так! Как он удивился и обрадовался, когда Сан пригласила его к себе! Дурак!

– В целом мне пофигу, – еще раз зевнул Юрий и откинул одеяло, спуская ноги на пол. – Сначала она мне вообще не понравилась. Потом показалась интересной, а потом... Не знаю, зачем я купил вина и завел душевные разговоры. Просто хотел...

Он развел руками, не зная, как объяснить свое поведение. Джисону еще в клубе показалась странной такая резкая смена настроения друга. У входа, когда он только увидел Хери, было очевидно, что она его совершенно не заинтересовала. А затем он изменился как по щелчку пальцев и прилип к ней, словно всю жизнь только и ждал встречи с такой девушкой. Джисон не узнавал обычно сдержанного и равнодушного ко всему друга, будто его околдовали. А может, так оно и было...

Юрий подошел к холодильнику и достал охлажденную воду.

– Больше не буду столько пить, – сказал он, выпив залпом поллитровую бутылку.

– Ты каждый раз так говоришь, – хмыкнул Джисон.

Он все перебирал в уме детали разговора с Сан, пытаясь найти свой прокол. Все же было так классно, что он сделал не так? А может, она просто стала беспринципной стервой, которой плевать на чувства окружающих?

– Ну... работа обязывает, сам понимаешь. Это ты у нас элита и можешь позволить себе не пить, – хмыкнул Юрий. – У нас есть обезболивающее?

– Посмотри на верхней полке, по-моему, было.

Юрий копался в домашней аптечке и бубнил себе под нос:

– Блин, это ж надо было напороться на такую дамочку... О, нашел! – Он закинул таблетку в рот и шумно запил водой. – Когда мы пришли к ней домой, она обращалась со мной так, будто я мальчик по вызову. Такое себе чувство.

– Аналогично, – фыркнул Джисон, откинувшись на подголовник. Эйфория от встречи с Сан бесследно испарилась. Он чувствовал себя обманутым и использованным. Гадко.

– Не зря они дружат, два сапога пара, – поддакнул Юрий. – Мне стало так стремно, что даже спать с ней расхотелось. Сходил в магазин за вином, думал хоть поговорить, чтобы не было вот этого ощущения... – он защелкал пальцами, подбирая слова.

– Словно ты одноразовая подстилка. Или живая замена вибратору, – мрачно подсказал Джисон.

– Точно! И когда женщины успели стать такими? Все мои вопросы пропускала мимо ушей, все разговоры сводила к сексу и постоянно пыталась залезть ко мне в штаны.

Джисон вспомнил, как Сан набросилась на него у дверей, не дав сказать и слова. Тогда он подумал, что просто очень ей понравился, но утренний разговор быстро вернул его с небес на землю. Видимо, у нее давно не было мужчины, и на его месте с тем же успехом мог оказаться любой другой. Например, тот же Юрим.

Вот что делают с людьми деньги и современные нравы. Даже самых чутких и милых девушек превращают в хладнокровных, равнодушных потребительниц. Но, возможно, он чего-то не знает? Может, это защитная реакция? Так хотелось пробиться к ее сердцу сквозь это безразличие... Но Джисон даже не успел спросить ее номер и не мог придумать ни одного более-менее внятного предложения для встречи. Можно, конечно, подкараулить ее у дома, но тогда она решит, что он сталкер. Нужно сделать все естественно и не вызывая подозрений. Но как?

Глава 3

Шпилька в волосах

Сан несколько минут неподвижно сидела, глядя в противоположную стену, и пыталась обуздать сумасшедший вихрь эмоций, захлестывающий все внутри. Ужасно хотелось пить, но она не решалась встать с кровати, боясь, что ноги не удержат. Руки дрожали. На кухне тихо загудел холодильник, и она подпрыгнула на постели. В голове копошились иррациональные мысли: а вдруг псих из сна последовал за ней в реальность? Появилась зудящая потребность обследовать каждый угол квартиры, чтобы убедиться, что здесь никого больше нет.

Тело напряглось, она сделала над собой усилие и бесшумно опустила босые ступни на пол. Прислушиваясь к каждому шороху, осторожно прокралась на кухню, взяла нож и отправилась осматривать другие помещения. Каждую секунду боясь, что из-за угла выскочит ненормальный с безумными глазами, Сан обошла всю квартиру и облегченно вытерла пот со лба. Дом был пуст и по-прежнему надежен.

Убедившись в своей безопасности, она открыла холодильник и достала бутылку соджу. Сегодня только соджу, никаких лимонов. Налив полную рюмку, осушила ее залпом и громко поставила на столешницу. Нужно хорошенько обдумать все, что случилось.

Итак, что мы имеем. Какой-то неизвестный мужчина второй раз затягивает ее в свои сны. Он откуда-то знает Сан и относится к ней крайне враждебно. Почему? Он сказал, что эти сны – его прошлое. В смысле жизнь его прошлого воплощения? Или же он тоже бессмертный? Если это реинкарнация, то почему он все помнит? Хери

говорила, что все воспоминания о прошлых жизнях блокируются при перерождении, и вытащить их можно только под мощным гипнозом или с помощью магии. И то получается это далеко не всегда, потому что они запечатаны слишком глубоко в подсознании.

Но даже если представить, что мужик помнит свою прошлую жизнь, то Сан-то тут при чем? Ее в его снах не было! Откуда такая ненависть? Девушка налила еще одну стопку, напряженно размышляя. Если психопат-незнакомец жил в эпоху Чосон, может ли быть, что он знал Сан еще тогда? Она замерла, пытаясь уловить ускользающие мысли. Она точно видела его впервые в жизни, значит, их возможное знакомство состоялось, когда еще Сан была обычным человеком. А о той части своего прошлого она ничего не помнила. Все, круг замкнулся.

Даже ночь, когда стала ловцом снов, она помнила очень смутно. Почему-то ее пугали эти воспоминания. Это был первый кошмар, в который она попала. Все, что осталось в памяти – ярко-алое пятно на белой блузке чогори, растрепанные волосы и безжизненно лежащая поверх красной юбки рука с бледным нефритовым кольцом на указательном пальце. Сан видела смерть какой-то девушки, и это до сих пор пугало ее до жути, хотя за триста лет она успела немало повидать как во сне, так и наяву. Тогда же к ней явился мужчина в длинном черном балахоне, закрыл ей глаза ладонью и сказал:

– Отныне ты станешь бессмертной и будешь лечить души людей, избавляя их от кошмаров. Повторяй за мной: «Все это только сон. Это никогда не повторится ни во сне, ни наяву. Ты перестанешь видеть кошмары и будешь спать спокойно».

Кем был тот человек, она не знала. Но когда рассказывала об этом Хери, та хмурилась и качала головой:

– Похож на Темного жнеца, только вот они должны сопровождать души людей в загробный мир, а не дарить бессмертие. Не знаю, кто он, впервые о таком слышу.

Лица загадочного благодетеля Сан не видела. А очнулась на пороге гёбана^[10], помня только свое имя. Хозяйка приняла ее, оценила навыки в музицировании и танцах, восхитилась поэтическими умениями и со временем сделала из нее одну из самых востребованных кисен Ханяна. Другие девушки сначала относились к ней настороженно и обходили стороной странного найденыша без

памяти. Никто из них не знал, кто она, откуда пришла и почему оказалась у ворот гёбана, но со временем Сан нашла общий язык со всеми.

Какое-то время бессмертная искала хоть какую-то информацию о себе, но не смогла ничего найти, как будто свалилась в этот мир с неба. Днем своего рождения она стала считать день, когда стала ловцом снов: пятое мая на тридцать шестом году правления короля Сукчона. Судя по отражению в зеркале, ей было около двадцати-двадцати трех, возраст, в котором кисен уже переставали пользоваться спросом у мужчин. Поэтому Сан приглашали только музицировать на торжественных мероприятиях и приемах с высокопоставленными гостями.

Были они с психопатом знакомы или нет, она не могла вспомнить при всем желании. С одной стороны, ей хотелось узнать свое прошлое, но в то же время она боялась: а вдруг для такой ненависти, которая не угасла даже спустя три столетия, есть причина? Сан всегда была очень довольна собой: она умна, красива, богата. Ей многое удавалось, она с легкостью осваивала новые области знаний и по праву гордилась своими достижениями. И вдруг, совершенно неожиданно, столкнулась с человеком, который не только не восхищается ею, но и ненавидит. Неужели в ее прошлом произошло что-то, чего ей стоило стыдиться?

Ко всему прочему ее беспокоило, почему хозяин снов вызывает в ее душе такие сильные чувства. Она с содроганием вспомнила стремление обладать этим мужчиной и одновременное желание его убить. Абсолютно деструктивные эмоции.

Покрутив в пальцах пустую стопку, она немного подумала и вновь ее наполнила. Снова выпила залпом и с грустью посмотрела в окно. Как неприятно сознавать, что в привычной, комфортной и удобной жизни все вдруг изменилось. Причем изменилось по совершенно не зависящей от нее причине. И забыть о внезапно обозначившейся проблеме уже невозможно, потому что эти загадки не дадут спокойно жить. Встречаться с тем сумасшедшим психом опасно, но прятаться от проблем не выход, поэтому она должна разобраться со всем как можно скорее.

Сан посмотрела на время. Три часа. До будильника можно было еще поспать, и она поплелась обратно в спальню, взирая на свою любимую кровать едва ли не с ужасом. Но деваться некуда, она же

решила все выяснить. И, если незнакомец снова затянет ее в свой сон, нужно постараться узнать как можно больше информации. Укладываясь в постель, Сан подумала, что должна завтра встретиться с Хери и попытаться с помощью ее способностей узнать, что же случилось триста лет назад.

Хорошо, что на следующий день ее лекции начинались не с самого утра. Сан хотя бы немного поспала, но все равно чувствовала себя разбитой и больной. Выглядела так же. Даже чудеса корейской косметики не смогли скрыть усталость и синяки под глазами. Сердце тревожно колотилось, будто чуяло надвигающуюся беду, руки мелко подрагивали.

В такси Сан заставила себя посмотреть несколько клипов к-поп групп, которые всегда действовали на нее исцеляюще, но в этот раз почему-то не сработали. Убрав телефон, она откинулась на спинку и отрешенно посмотрела в окно. Унылое серое небо полностью отражало ее внутреннее состояние. В такую погоду Сеул казался холодным и чужим. Урбанистические махины мостов – враждебными и пугающими, а высотки бизнес-центров – диковинными стеклянными громадами.

От плохого предчувствия, возникшего после сегодняшнего сна, спирало в груди. А воспоминания о знакомце взрывали нутро чудовищным коктейлем эмоций. Нависшие над городом тучи давили почти физически. После многодневной жары надвигалась гроза, и ломило виски. Сан немного подташнивало, и, расплатившись с таксистом, она неохотно двинулась к корпусу университета. Больше всего ей сейчас хотелось закрыть глаза и проспать целую вечность, но сон в последнее время вызывал панический ужас.

Проходя мимо зоны для курения, она увидела Джисона. Заметив Сан, он быстро выкинул сигарету и стремительно направился к ней. Она закатила глаза. Ну за что ей это наказание в виде приставучего малолетки?

– Привет, госпожа Ким, – чуть насмешливо поздоровался он, подстраиваясь под ее шаг.

– Привет.

– Вчерашнее занятие было просто огонь! – он поднял большой палец вверх и лучезарно улыбнулся. – Не думал, что ты такая умная.

Сан ничего не сказала не столько из-за того, что не хотелось отвечать на глупости, а потому что было лень шевелить губами. Голова раскалывалась адски. Джисон помолчал, вероятно, рассчитывая на какую-то реакцию, но ее не последовало, и он продолжил:

– Кто бы мог подумать...

– Что опять? – устало спросила Сан, остановившись перед входом. Прежде чем войти, она посмотрела на парня, с которым переспала всего пару дней назад. И что она в нем нашла? Глупый, незрелый сосунок! Хотя, конечно, привлекательный. Особенно эта чертова родинка, которая так и притягивала взгляд.

– Что девчонка, которую я снял в клубе, будет моим преподавом, – он усмехнулся, наклоняясь к ней.

Нет, больше никаких малолеток на одну ночь, они слишком опасны и непредсказуемы.

– Это я тебя сняла, не приписывай себе чужие заслуги, – пробурчала она, шагнув назад.

– Да какая разница! Ночь была потрясной, только вот утро не очень, – его глаза опять стали колючими. Было в них что-то странное, пугающее. В клубе он показался ей среднестатистическим студентом с небольшим сексуальным опытом, но большим желанием его получить. Потом удивил совсем не юношескими умениями в постели. Сейчас же она вдруг почувствовала, что за его приставаниями что-то кроется. Может, он маньяк?

– Послушай, – терпеливо начала Сан. – Мы переспали всего раз...

– Четыре, – поправил Джисон, – четыре раза за одну ночь. Я просто уточняю.

Он невинно пожал плечами и засунул руки в карманы.

– Окей, четыре, – терпеливо согласилась Сан. – Сути дела не меняет. Я не понимаю, почему это событие никак не выходит у тебя из головы. Но твои подкаты меня не трогают, и между нами ничего не может быть. Уясни это, пожалуйста, и не доставай меня.

Она растянула губы в неискренней улыбке и пошла прочь.

– А если профессор Пак узнает об этом? – донеслось вслед. – Ты ведь его протеже?

«Ну что за безмозглый идиот!» – в сердцах подумала она, но не стала оборачиваться.

Пары тянулись бесконечно долго. Сан казалось, что эта пытка никогда не закончится. Она изо всех сил старалась не показывать, что плохо себя чувствует, и делала все, чтобы лекция была интересной. К счастью, похоже, ей это удалось, потому что студенты слушали внимательно, а половина даже конспектировала.

После окончания занятий Сан зашла на кафедру, чтобы внести сегодняшние результаты в электронную ведомость. Вяло поздоровавшись с коллегами, плюхнулась на кресло и включила компьютер. Пока ждала, когда он загрузится, равнодушно скользила взглядом по столу профессора Квона, которого так некстати подкосила неожиданная болезнь.

По всему было видно, что человек он неаккуратный: документы, книги, распечатанные статьи и куча исписанных мелким почерком желтых стикеров усеивали стол. Сан раздражал беспорядок, поэтому она решила убрать его вещи в ящик до того момента, пока он не выйдет с больничного. Постаравшись аккуратно собрать все в одну большую стопку, она вдруг остановилась.

Ее внимание привлекла фотография в рамке, не замеченная в первый день за кипой бумаг. Осторожно сложив все в верхний ящик, Сан наклонилась, чтобы рассмотреть снимок. На нем была симпатичная молодая женщина на фоне Карлова моста в Праге. Похоже, это девушка или жена заболевшего профессора.

Пожав плечами, Сан погрузилась в отчетность, проведя за этим занятием больше часа. Головная боль не только не уменьшилась, но, казалось, с каждой минутой набирала обороты. Организм сигнализировал о нехватке кофеина, и, попрощавшись с коллегами, Сан медленно побрела вниз, чтобы купить кофе в автомате. И на первом этаже опять столкнулась с Джисоном, который нес стаканчик из Coffeabay. Заметив Сан, он на секунду остановился и поспешил к ней.

– Держи, – протянул он ей кофе.

– Спасибо, обойдусь, – она качнула головой и попыталась его обойти, но надоедливый мальчишка преградил ей путь.

– Выпей. Ты сегодня очень бледная, наверное, опять реагируешь на погоду.

Сан вскинула на него глаза.

– Опять? – тихо повторила она. – Откуда ты знаешь про мое самочувствие? Ты что, следил за мной?

Вот только сталкера ей еще не хватало вдобавок ко всем проблемам! На мгновение в глазах Джисона мелькнул испуг, как будто его поймали с поличным, но затем он широко улыбнулся, продемонстрировав милые ямочки на щеках.

– Ты с самого утра вялая и бледная, вот я и решил, что плохо себя чувствуешь. На улице жесть, я тоже реагирую на перемену погоды.

– Все нормально, спасибо за заботу, но я обойдусь и без нее. Не люблю, когда меня преследуют, – сказала Сан, решительно отодвигая его с дороги.

– Ты даже за обычным человеческим участием умудряешься углядеть преследование. Очень похоже на тебя, – съязвил Джисон, продолжая идти рядом.

– Человеческое участие, говоришь? Не ты ли всего пару часов назад угрожал рассказать профессору Паку о моей сексуальной жизни? Оставь меня в покое! Я не нуждаюсь ни в твоей заботе, ни в беспокойстве, ни в симпатии, ясно? – жестко сказала она, зло глядя на его профиль. Парень замер, остановив на ней тяжелый взгляд. Криво усмехнувшись, выбросил полный стакан в ближайшую урну и ушел, оставив, наконец, Сан одну.

Выйдя из универа, она набрала номер Хери. Ей очень хотелось поговорить с подругой о загадочных снах, в которые она попадала уже вторую ночь подряд. Заодно узнать, как она пережила вчерашний день с Джумоком. Недовольный голос соплячки подтвердил опасения, что ей придется несладко:

– Ну что, отвела лекцию?

– Отвела, – Сан улыбнулась. Вчера они не созванивались, и слышать голос подруги было неожиданно приятно. Даже голова, кажется, стала болеть меньше. – Как твои успехи?

– Да никак! – вспыхнула Хери и сделала паузу, вероятно, сдерживаясь, чтобы облечь свои слова в приличные выражения. – Нахрена тебе такой огромный ассортимент безделушек? Эти твои магниты, сувенирные палочки, зеркала, заколки и фарфоровые куколочки уже в печенках сидят. Не могла открыть магазин со шмотками? Я хоть в них разбираюсь.

– Со шмотками я уже открывала, пришло время нового этапа, – Сан улыбалась, представляя возмущенное лицо подруги и ее хмуро сдвинутые брови.

– Еще и этот идиот Джумок ни черта не помогает! Ну чего от него можно было ожидать...

Сан взглянула на часы.

– Он должен подменить тебя через полтора часа?

– Да. Если не опоздает, конечно, – голос Хери так и сочился ядом.

– Давай погуляем возле Чхонгечхона^[11]? Устроим маленький пикник, – предложила Сан.

– Отличная идея! – подруга заметно оживилась. – Только соджу купи, я без этого не пойду.

– Мне кажется, я скоро тебя закодирую, – проворчала Сан.

– Да как не пить с такой жизнью?

У Хери была действительно сложная судьба. Сан снисходительно относилась к ее пристрастию, потому что только это помогало подруге на время забыть о проблемах и окунуться в иллюзорный мир, где все не так страшно, как есть на самом деле.

Хери от природы обладала сильным даром, но он всю жизнь мешал ей нормально существовать в обществе. Призраки, которых она видела с детства, пугали ее до дрожи, но через них она получала свою силу и знания. Хери росла нелюдимым, замкнутым ребенком. В школе сверстники считали ее странной и боялись, когда она неожиданно вскакивала посреди урока, пугаясь возникшего перед ней духа. Никто не сблизился с ней, а позже начались нападки и откровенные издевки. Хери причиняло боль, что мир ее не принимал. Она хотела быть нормальной, хотела перестать видеть призраков, но не могла ничего с этим поделать. Спустя несколько лет, уже когда выросла, она привыкла и даже иногда извлекала пользу от того, что ей рассказывали души умерших. Они были проводниками из мира мертвых, отдавали ей магическую силу и подарили умение видеть прошлое и будущее. Но эти способности лишили ее надежды на дружбу и какие-либо нормальные отношения с противоположным полом. Ведьма страдала от своего дара, отталкивала его и к пятнадцати годам всеми силами пыталась игнорировать. Но судьба сделала за нее выбор еще при рождении: такие способности не могли исчезнуть. И чем больше она подавляла их, тем более страшными последствиями они

оборачивались, неся разрушения всем, кто ее окружал. Рикошетом отлетали от нее и поражали самых близких и дорогих людей. Неожиданно погибли ее родители, а старший брат сошел с ума. Сейчас он находился в хорошей клинике, и Сан оплачивала больничные счета, потому что у подруги не было на это денег.

Не сумев поступить в университет, Хери вынуждена была согласиться со своим проклятием и открыла магический салон. У нее даже были клиенты, но из-за того, что она никогда не развивала свои способности и не умела как следует читать знаки духов, ее предсказания часто оказывались ложными. О ней пошла дурная слава, и салон пришлось закрыть. У Хери пока еще оставалось несколько постоянных клиенток, в основном недалекие женщины среднего возраста, которые мстили мужьям за измену или просили навести порчу на соперниц. Но тех денег, что она от них получала, на жизнь едва хватало. Поэтому Сан и согласилась дать ей работу, чтобы хоть как-то помочь. Она частенько дарила ей одежду, покупала продукты, но понимала, что этим проблемы подруги не решить.

Сан много раз пыталась убедить ее, что нужно принять себя такой, какая она есть. Перестать бежать от своего дара и получать от него выгоду. Но Хери ненавидела ведьминские способности за то, что они сломали ей жизнь и разрушили ее семью. Она до сих пор стояла на перепутье где-то между принятием и отторжением, и страдала от этого больше всех.

Сан познакомилась с Хери весьма необычным способом. Однажды она попала в сон молоденькой девушки, пропитанный таким черным отчаянием, что ей самой захотелось наложить на себя руки.

Это была чудовищная автокатастрофа. Сан шла по усеянному стеклянной крошкой асфальту к дымящейся покореженной машине, в которой сквозь дым разглядела двух пострадавших. Небо было ярко-красным, а высотки, кафе и магазины окрашены в алый – цвет боли хозяйки сна. Совсем юная девочка, которая едва ли перешла в старшую школу, металась возле разбитого авто и кричала без остановки:

– Мама! Папа! Помогите, кто-нибудь!

На улице не было никого, даже случайных прохожих. Школьница была совсем одна, наедине со своим горем. Сан подошла ближе и

увидела на бейдже, прикрепленном к школьной форме, имя: «Кай Хери».

Девчонка рухнула на колени и захрипела, из ее ладоней вырвались черные ленты, оплели туловище и шею. Это чувство вины душило ее. Сан щелкнула пальцами, и путы рассыпались по асфальту белыми жемчужинами. Бессмертная присела рядом с девушкой, взяла ее за плечи и сказала:

– Посмотри на меня.

Обезумевшие от горя глаза пропороли сердце Сан, словно ржавый гвоздь. Она не часто сталкивалась с такой обнаженной болью.

– Это не твоя вина. Это был несчастный случай. Твои родители любили тебя и хотели для тебя только счастья. Ты больше не увидишь этот сон и никогда не будешь чувствовать вину за то, чего не совершала.

Девушка закрыла глаза и опустилась на асфальт. Стекло крошка поднялась в воздух и растаяла, дома вновь вернули себе обычные цвета. Сан вместе со школьницей оказалась в уютной маленькой комнате на чердаке с большим окном, выходящим прямо на крышу. Яркий солнечный свет заливал спальню, щекотал спящую девушку, вызывая на ее лице улыбку.

После этого кошмара Сан долго приходила в себя. Перед глазами так и стояло искаженное мукой лицо девушки по имени Кан Хери.

Прошло несколько лет, и Сан стал сниться один и тот же сон. Ее собственный, не чужой. Это были бессвязные отрывки, в которых она оказывалась в комнате с красными стенами и старомодным интерьером. Она видела чей-то мелькавший силуэт, но никак не могла разглядеть, кто это. Но самым удивительным было то, что каждый раз во сне возникали два слова: «Музыка пустоты». Они вскрывались красным на брошенной на столе черной визитке, нестройно мерцали на крупной безвкусной вывеске, и в итоге Сан решила загуглить, что это могло значить. Среди выпавших результатов она обнаружила, что на Инсандоне есть магический салон с таким названием. И, что еще более странно, его вывеска выглядела в точности так же, как во сне Сан.

Заинтригованная, она на следующий же день отправилась туда и, только зайдя внутрь душного помещения, в котором витали

алкогольные пары, сразу же узнала и красные стены, и вычурные старомодные кресла, которые видела много раз.

За большим столом, опустив голову на руки, сидела рыжеволосая девушка. Она услышала звук хлопнувшей двери и резко выпрямилась на стуле. Сан немного постояла в нерешительности, но, так и не дождавшись приглашения, села в одно из кресел по другую сторону стола.

Оказавшись от незнакомки на расстоянии вытянутой руки, она пристально смотрела в изумленно распахнутые глаза, смутно осознавая, что ее лицо выглядит знакомо.

– Что привело ко мне бессмертную? – наконец, спросила девушка. Теперь настала очередь Сан удивляться. В своей жизни она несколько раз встречала ведьм, но в последнее время развелось столько шарлатанов, что она искренне удивилась, попав в логово настоящей ведьмы.

– Мне снился твой салон, – медленно произнесла она, силясь вспомнить, где же ее видела. – Если ты сразу определила мою сущность, то, наверное, можешь предсказать мое будущее? Или рассказать о прошлом.

Ведьма опустила взгляд на свою правую руку и посмотрела на правую руку Сан. Задумчиво покачала головой.

– Я вижу только Красную нить, которая нас связывает. Но не могу разглядеть ни прошлого, ни будущего.

– Красная нить? – Сан заинтересованно подалась вперед.

– Наши судьбы связаны. И эта связь тянется из прошлого, – ведьма внимательно разглядывала собеседницу. – Сколько бы мы ни перерождались, все равно встретимся, пока кто-то из нас не разорвет эту связь.

– Я думала, что Красная нить связывает только пары, – удивилась Сан. – В смысле, мужчину и женщину, которым суждено быть вместе.

– Ты вроде бессмертная, а так мало знаешь! – фыркнула девчонка и закатила глаза. – Нитями Судьбы могут быть связаны родители и дети, братья, сестры, друзья, любовники. Это в кино все сводится только к любви между полами.

Сан ухмыльнулась. Ей нравилась эта ведьма.

– Как тебя зовут? – спросила она.

– Кан Хери, – представилась девушка, и в голове Сан что-то щелкнуло, она вспомнила отчаявшуюся школьницу, которую спасла во сне несколько лет назад.

– Я Ким Сан, – улыбнулась она. – Я ловец снов. Рада, что мы снова встретились.

С тех пор девушки стали часто видеться и в итоге настолько сблизились, что стали почти как сестры. Обе были одиночками, и хоть Сан одиночество не тяготило, но молоденькая ведьма привнесла в ее жизнь теплоту, заботу и привязанность. И очень скоро Сан поняла, как проявляется связь из прошлой жизни: ты чувствуешь, что знаешь этого человека уже много лет. И хоть сейчас у него другое лицо и ты не помнишь, кем вы были друг для друга раньше, но это родство душ невозможно не узнать.

* * *

Договорившись встретиться с Хери возле большой инсталляции в виде ракушки, откуда брал начало ручей Чхонгечхон, Сан забежала в магазин, чтобы купить снеки и обожаемую подругой соджу. Пройдясь мимо полок с готовыми блюдами, подумала, что Хери наверняка голодная, поэтому прихватила парочку ланч-боксов.

До Чхонгечхона пришлось ехать на такси, потому что не хотелось толкаться в метро в час пик с пакетами. От Инсандона, где находился магазин сувениров, до ручья было не больше двадцати минут пешком, и Сан ждала подругу возле ракушки, то и дело посматривая на часы. Хери задерживалась. Наконец, спустя пятнадцать минут, она показалась у светофора на противоположной стороне улицы и активно замахала рукой, обозначая свое присутствие.

– Этот идиот, конечно, опоздал! – ведьма подбежала к Сан, едва переводя дух. – Извини, что заставила ждать.

– Все нормально. Ну что, спустимся вниз?

– А что у тебя там? – Хери взяла подругу под локоть, пытаясь разглядеть ее покупки в черном, непрозрачном пакете.

– Да вот решила тебя накормить после тяжелого трудового дня. Кстати! Откуда ты знаешь Джумока? Кажется, вы знакомы довольно близко, но ты никогда мне о нем не рассказывала, – Сан

придерживалась одной рукой за перила крутой металлической лестницы, чтобы не сверзиться со своих высоченных каблуков.

– Рассказывала... – Хери нахмурилась. – Это тот самый идиот, который отшил меня в старшей школе.

– Да ладно! – Сан пораженно распахнула глаза и едва не оступилась.

Хери выхватила у нее пакет и скептически скривилась:

– Я понесу, смотри под ноги.

– Подожди, это тот парень, который выставил тебя на посмешище?

– Не совсем так, – неохотно ответила Хери. – На самом деле, начиналось все довольно мило. Мы оба были так называемыми изгоями, нас считали странными из-за наших способностей. Ну, сама знаешь, как их ни скрывай, они все равно прорываются и становятся заметны окружающим. Вот мы, два отброса, и нашли друг друга. Правда, Джумока не гнобили, как меня, он хорошо учился, и школьная элита пользовалась его знаниями. У него не такой сильный дар, как у меня, но довольно полезный. Мы стали дружить, делиться своими проблемами, даже пытались проводить вместе кое-какие ритуалы. А потом начали встречаться. Я тогда была так счастлива: впервые встретила человека, который меня понимал и принимал такой, какая я есть.

Хери замолчала. Они спустились к воде, нашли уютное и довольно уединенное место. Поочередно достали еду, напитки и уселись на расстеленный целлофановый пакет. Сан не торопила подругу. Она отвинтила крышку соджу и разлила прозрачную жидкость по одноразовым пластиковым рюмочкам. Хери опрокинула в себя соджу и довольно крякнула.

– Мечтала об этом весь день!

Сан отпила немного и вопросительно взглянула на подругу.

– Так что было дальше?

– Ну что дальше... – девушка погрузилась и, раскрошив печенье, бросила его в воду приплывшим карпам. – Мы скрывали свои отношения, боясь, что нас засмеют. Но «элита» каким-то образом об этом узнала. Видимо, они чем-то угрожали ему, а может, просто напугали или он боялся издевок и насмешек. На следующий день местная королева со своей свитой выволокла меня на школьный двор.

А он ничего не сделал. Просто стоял и смотрел, как надо мной измывались. И когда ему задали вопрос, почему он не защитит свою девушку, он прилюдно заявил, что между нами нет ничего общего, и ему было бы стыдно встречаться с такой как я. После этого все вернулось на круги своя, Джумока оставили в покое и больше к нему не обращались даже за домашними заданиями и контрольными.

– Значит, это была плата за то, чтобы они от него отстали, – Сан задумчиво смотрела на парочку юных влюбленных на противоположном берегу. Любые отношения всегда начинаются как сказка, а потом, словно под воздействием злых чар, превращаются в кучу мусора. Либо в вялый, затухающий костер.

– Походу, да. Но мне от этого не легче.

– Вы потом говорили с ним об этом?

– Нет. Через несколько недель я перевелась в другую школу, и мы с ним не виделись до вчерашнего дня, – Хери грустно смотрела на пустую рюмку. Потянулась рукой к бутылке и отвинтила крышку. – Вчера он что-то пытался лепетать про тот случай в школе, но у меня, честно говоря, совершенно не было желания выслушивать его оправдания. Да и чувств давно уже нет. Все прошло.

– Так. Назови мне имена тех тварей, которые над тобой издевались, – Сан решительно достала телефон, чтобы внести обидчиков в список.

– Ты что, мстить им собралась? – расхохоталась Хери.

– Естественно! Они должны заплатить за то, что сделали.

– Твоя месть немного запоздала, подружка, – она захихикала и ехидно сощурилась. – Я давно уже наказала всех, кого хотела. Но все равно спасибо.

Сан округлила глаза и затем понимающе кивнула.

– Ну да, об этом я как-то не подумала. Даже не хочу знать, что им прилетело, но, надеюсь, они получили по заслугам.

– Почти все в пределах уголовного кодекса, – Хери игриво подвигала бровями. – Никто не умер. А жаль.

– Кстати об этом, – мысли Сан перекинулись на ненавидевшего ее незнакомца из сна, и она рассказала об их последней встрече.

– Не понимаю, как вы можете общаться друг с другом. Насколько я знаю, хозяева сновидений не могут видеть ловцов. Даже я, ведьма, не видела тебя тогда, – задумчиво протянула Хери. – Очевидно, он как-то

связан с тем прошлым, которое видит во сне. Ты должна узнать, что тогда произошло.

– Спасибо, я это уже и сама поняла, – нервно передернула плечами Сан. – Меня бесит, что я ничего не помню. И раздражает, что что-то чувствую к совершенно незнакомому человеку. Может, я была в него влюблена? Но как это узнать? Он отказался мне рассказывать. Ты точно не можешь прочитать мое прошлое?

– Нет, – с сожалением покачала головой Хери. – Я уже пыталась несколько раз, но не вижу ничего, кроме барьера. Что-то очень сильное закрывает тебя от моих способностей.

– Какая-то чертовщина... Ведьмы вроде тебя могут читать даже прошлое мертвецов! – разозлилась Сан.

– Ты не принадлежишь ни миру мертвых, ни миру живых. Зависла где-то посередине. С такими, как ты, я сталкиваюсь впервые, так что, думаю, у тебя есть какая-то мощная защита потусторонних сил, которая не дает прорваться через блок, – ответила Хери. – Тут нужна специальная магия, которой я не обладаю. Придется тебе узнать все самой.

– Он то и дело грозитя меня прикончить. Боюсь, еще пара таких попаданий, и ему это удастся, – проворчала Сан, вспоминая тяжелый взгляд черных глаз.

– Ты же прекрасно знаешь, что он не может причинить тебе вред, пока ты в его сне, – Хери положила ладонь на ее руку и ободряюще улыбнулась.

– До недавнего времени я была уверена, что хозяева снов не могут входить со мной в контакт. Так что я не была бы так уверена в том, что он не может меня убить.

– Ты бессмертная, тебя никто не может убить. Во всяком случае, точно не обычный человек. Успокойся и постарайся все выяснить.

– Вопрос в том, является ли он обычным человеком, – задумчиво проронила Сан, глядя на мелкие волны, оставшиеся после уплывших карпов.

Сан возвращалась домой на метро. Сейчас ей особенно хотелось оказаться среди людей. В толпе она чувствовала себя защищенной, но все равно предательские мысли отравляли ее существование, которое до недавнего времени было таким понятным и простым. Этот чертов незнакомец разделил ее чудесную, обустроенную жизнь пополам, и

она злилась на него. Но не только из-за этого. Откуда-то, из самых потаенных глубин души, выползали, словно змеи, разрушительные эмоции, которые она испытала, когда врезалась в его грудь. Эти ощущения впрыскивали в кровь отраву, и Сан боялась углубляться в них.

Она все еще неважно себя чувствовала, поэтому приняла душ и еле доползла до кровати. Обреченно застонала, уже предчувствуя, что ее ждет очередная встреча с агрессивным незнакомцем, и закрыла глаза.

Ощущение сырости и холода накрыли одновременно с ощущением Зова. Она вынырнула из пухлого облака и посмотрела вниз на слабые огоньки домов, освещающие Ханьян. Зов тянулся из большого комплекса зданий, от которого исходил приглушенный красный свет. Спикировав вниз, Сан приземлилась возле дома кисен и застыла у знакомых ворот: этот гёбан походил на тот, где она жила сотни лет назад, но все же немного отличался.

Пространство подернулось дымкой, будто заблюренная фотография, и Сан переместилась в маленькую душную комнату, пропахшую благовониями и маслами, которые сидящая к ней спиной девушка втирала в кожу. Свет напольного фонаря освещал гладкое округлое плечико, чуть блестящее от косметических снадобий, высокую прическу, причудливо закрепленную изящными заколками, и расстеленную на полу постель. Будучи в прошлом кисен, Сан поняла, что незнакомка ждала гостя и тщательно готовилась к его приходу.

Послышался негромкий стук в дверь, и девушка обернулась.

На секунду у Сан замерло сердце, а потом ухнуло в пятки, когда на лице, которое она каждый день видела в зеркале, расцвела счастливая улыбка.

– Секунду! – отозвалась кисен, в которой Сан с ужасом узнала себя.

Совсем юная Сан из прошлого поспешно натянула на плечи чогори, вскочила на ноги и бросилась к двери. Это было странное и жуткое ощущение: видеть себя со стороны и не помнить ничего из того, что сейчас происходило. Это было то прошлое, которое она забыла, и понимала, что стоит на пороге разгадки тайны своей жизни.

С замиранием сердца Сан наблюдала, как открывается дверь, и в покои входит высокий мужчина, чье лицо скрывала шляпа с широкими

полями.

– Господин Мин! – кисен сложила руки на животе и почтительно поклонилась гостю.

– Прости, что заставил тебя ждать, – отозвался незнакомец, развязывая под подбородком шелковые ленты, держащие шляпу.

– Что вас задержало? Вы выглядите таким уставшим... – девушка приняла из рук мужчины головной убор и аккуратно положила на комод.

Мужчина поднял голову, и Сан вскрикнула: это был тот самый психопат, в чьи сны она попадала раз за разом! Только сейчас он выглядел как благородный господин эпохи Чосон. Черты его лица казались более мягкими, в глазах не бурлила ненависть. И хоть над верхней губой и на подбородке проступала редкая растительность, а волосы были убраны наверх, не узнать его было невозможно. Он являлся прошлым воплощением человека, который раз за разом затягивал Сан в свои сны. Она не могла пошевелиться, во все глаза разглядывая странную пару, встретившуюся под покровом ночи в гёбане. Вот оно что... когда-то давно они были любовниками! Но почему же сейчас он ее так ненавидит? И почему помнит свою прошлую жизнь, а Сан – нет?

«Господин Мин» достал из складок шелкового одеяния красивую продолговатую коробочку и неловко протянул кисен.

– Что это, мой господин? – девушка зарделась, грациозно беря деревянную коробку, расписанную узорами.

– Это подарок. Кажется, я ни разу ничего тебе не дарил, – мужчина отвел глаза в сторону, и настоящая Сан, в отличие от себя прошлой, поняла, что он пришел прощаться. Его бегающий взгляд, нервно сцепленные руки, напряженная поза – все говорило о том, что сейчас он произнесет слова, которые положат конец их отношениям. Но юная кисен ничего не подозревала, блестящими глазами рассматривая подарок.

– Какая красота! Господин, благодарю вас! Я буду носить ее каждый день! – она достала из футляра длинную шпильку пинё, конец которой украшали янтарь и нефрит. Девушка поднесла ее к лицу, и в тусклом свете фонаря глаза кисен сверкали ярче всех камней на свете. Она любила этого мужчину, и чувства ее были очень сильны.

– Сан, мне нужно сказать тебе кое-что важное, – виновато подняв глаза, тихо проронил мужчина.

– Слушаю вас, мой господин, – машинально ответила девушка, не в силах оторваться от своего сокровища.

– Я скоро женюсь. Мы больше не можем видеться. Это наша последняя встреча.

Сан словно ударили этой шпилькой в самое сердце. Она схватилась за грудь, чувствуя чудовищную, раздирающую боль, отражение которой появилось на лице кисен. Grimаса страдания исказила красивые черты. Шпилька упала на пол.

– Вы же не... не серьезно, мой господин? – прошелестела девушка, жадно ища в глазах любимого опровержение сказанным словам.

– Прости, Сан. Я виноват. Я всего лишь хотел помочь тебе и не думал, что все пойдет так далеко, – он опустил голову.

– Но... как же так... почему вы говорите об этом только сейчас?! – кисен вскочила на ноги, ее грудь часто вздымалась под шелковой блузкой.

– Все окончательно решилось только что. После разговора родителей я сразу прибежал к тебе! Прости, Сан! – мужчина стремительно поднялся на ноги и попытался обнять потрясенную девушку.

– Господин, но почему мы не можем видеться как прежде? Многие мужчины продолжают посещать дом кисен и после женитьбы! – она была в отчаянии, пытаясь ухватиться за призрачную возможность продолжать видеться с возлюбленным.

– Все не так просто, – господин Мин опустил руки и отвернулся. – Я не могу так с ней поступить.

– С ней? А со мной?! – вскричала кисен, бросаясь к любимому. – Мы были вместе четыре года! Неужели это ничего для вас не значит? Я... полюбила вас!

– Сан, ты много для меня значишь, поверь, но... понимаешь, мужчины так устроены. Нам нужно время от времени удовлетворять свои потребности. Так случилось, что нам обоим это было удобно, и какое-то время я действительно был с тобой счастлив. Но я не могу обманывать свою невесту. Я давно уже люблю ее, а не тебя. Последний год приходил сюда только из чувства долга. Прости.

Каждое слово прошивало, как выстрел в упор. Сан настоящая и Сан прежняя были уничтожены. Руки кисен скользнули вдоль туловища, и в глазах разлилась черная ярость.

– Думаете, подарили мне эту безделушку, и я все забуду? Смирюсь и оставлю вас в покое? Ну уж нет! Не бывать этому! Если я не могу быть счастливой, то и вы не сможете!

– Да что ты можешь сделать? Раз я благоволил тебе и хорошо платил, решила, что имеешь на меня какие-то права? – господин Мин угрожающе навис над девушкой. Его тон сочился ядом и презрением. Ни следа теплых чувств не осталось в его словах. – Ты теперь государственная рабыня, а не дворянская дочь! Одно мое слово, и тебя казнят за оскорбление сына министра!

Звонкая пощечина разорвала напряженную густоту комнаты, и голова мужчины мотнулась в сторону.

– Пошел вон.

Глаза дворянина горели злобой, и Сан видела, как хочется ему ударить девушку в ответ. Но он сдержался. Схватил свою шляпу и стремительно вышел из комнаты, оставив Сан наедине со своим мучительным прошлым.

– Ты еще пожалеешь. Никогда тебе не быть счастливым! Не позволю! – с ненавистью процедила сквозь зубы кисен, рухнула на пол и зарыдала.

Болезненные ощущения протянулись к Сан из-за двери, и она поняла, что хозяин сна здесь. Она чувствовала его присутствие, и оно причиняло боль. Не чуя под собой ног, Сан метнулась вон из затхлой спальни. Пробежав два длинных коридора, оказалась на улице и увидела его. Он стоял посреди пустынного двора, за его спиной работал едва живой фонтан, выплевывая мелкие струйки воды. Их с незнакомцем разделял маленький деревянный мостик, перекинутый через пересыхающий водоем. В несколько быстрых шагов она преодолела расстояние и со всего маху влепила ему пощечину. Гладкая кожа обожгла ладонь. Это прикосновение взорвалось внутри неистовой яростью, перемешанной с желанием обладать этим мужчиной всегда. Безраздельно. Она чувствовала, что он принадлежит ей. И, как бы дико это ни звучало, не могла позволить ему уйти.

– Ты себе не изменяешь, – мужчина потер щеку и криво усмехнулся.

Сан тяжело дышала. Она понимала, что не должна была так поступать, что все это – далекое прошлое, но нутро горело от боли так, словно это происходило прямо сейчас.

– Ты тоже, – выдавила она. – Как ты мог... Я ведь любила тебя!

– Какая жалость, – картинно всплеснул руками мужчина, – а я тебя нет.

– Подонок, – процедила Сан и, обогнув его, быстро зашагала к выходу, но он опять перехватил ее на полпути и развернул к себе. Она вновь едва не впечаталась в его грудь, в последний момент успев остановиться, чтобы избежать касания. – Отпусти!

Она вырвала руку, яростно взирая на мужчину. Такого ненавистного и такого любимого. Хотя все увиденные события она так и не вспомнила, но боль обманутой кисен захлестнула ее саму. Так сильно, словно это ее только что предали.

– Знаешь, что ты сделала после этого? – прошипел он, кивнув за спину Сан.

– Что бы я ни совершила, этого было недостаточно для такой скотины, как ты! – выпалила она, подавшись вперед. – Я тебя любила, а ты меня просто использовал для потрахушек.

– Хо-хо, как смешно! А ты как будто не знала, для чего ходят к кисен! Не прикидывайся невинной овечкой, у тебя это плохо получается, – он демонстративно скрестил руки на груди и отвернулся.

Но в его взгляде мелькнуло что-то, позволяющее думать, что слова Сан задели его. Нынешний господин Мин, кем бы он ни был, родился в современном мире. И, как бы ни была велика его злость на Сан, он не мог не понимать, что поступил с ней действительно подло. Во всяком случае, ей хотелось на это надеяться.

– Из того, что я видела, мне ясно одно: ты пудрил мне мозги четыре года. Зачем давал надежду на то, что между нами может быть что-то большее, чем просто секс? Кисен тоже люди. И их боль ничуть не меньше, – она говорила искренне, не пытаясь намеренно воззвать к его совести. Просто перевела свои чувства в слова.

– Согласен, я поступил плохо. Но это не оправдывает твоего поступка, – уже спокойнее сказал он, однако его взгляд оставался по-прежнему враждебным.

– Ну и что же я сделала? – устало вздохнула Сан, прислонившись к деревянной стене гёбана. – Давай, шокируй меня, но учти, что я

этого все равно не помню.

– Не помнишь, как убила мою жену? – с торжеством в глазах мужчина вскинул голову.

– В смысле? – тупо спросила Сан.

– В прямом! Ты подкупила одну из ее служанок и отправила яд. Она умерла в день нашей свадьбы! – выкрикнул он, делая шаг вперед.

Сан смотрела на него широко распахнутыми глазами, не веря ни единому слову. Она, конечно, не подарок, но совершенно точно не убийца. Да что он вообще несет!

– Чушь какая! Не верю! – она вильнула в сторону и опять попыталась уйти, но мужчина вновь удержал ее на месте.

– Как удобно прикрываться амнезией. Но это не уменьшает твоей вины, Ким Сан, – негромко сказал он, наклоняясь к ней.

Его дыхание обожгло кожу, и Сан дернулась в сторону.

– Не знаю, что ты там себе напридумывал, но я не убийца, – твердо сказала она. – И, если ты хочешь, чтобы я в это поверила, тебе придется доказать, что это не твои больные фантазии.

Толкнув его в грудь, она выбежала за ворота. Вихрь подхватил ее, оторвал от земли и выбросил на кровать в родную спальню. Сердце набатом бухало в груди, руки дрожали. Вытерев холодный пот, Сан проковыляла на кухню и жадно выпила полный стакан холодной воды прямо из-под крана. Голова шла кругом и мысли путались, словно разум изменил ей. Подставив голову под струю ледяной воды, она ощутила, что каждая встреча с этим придурком все больше ухудшает ее самочувствие. С этой странной связью пора завязывать, пока это ее не прикончило.

P.S. 3

– Эй, ты что, и правда встречаешься с этой психопаткой Хери? – Мёнсу вместе со своей сворой подкараулила Джумока на заднем дворе школы, где курильщики прятались от вездесущих учителей.

Вечные подпевалы, пятеро старшеклассников, один из которых мечтал с ней встречаться, были вроде ее телохранителей. Они же по ее указке травили неугодных ей учеников, и из-за них Хери жила в постоянном страхе. Джумока эти упыри до поры до времени не

трогали, потому что он хорошо учился и иногда оказывался полезным на контрольных и тестовых заданиях. Но вот, похоже, добрались и до него.

– Встречаюсь, а что? – Джумок покосился на здоровенных старшеклассников, которые маячили за спиной хрупкой Мёнсу. Хорошенькая, милая с виду девушка была настоящим дьяволом, держащим всю школу в кулаке.

– Мне это не нравится, – надула пухлые губы Мёнсу и вплотную подошла к Джумоку так, что он чувствовал ее дыхание на своем лице и видел желтые кошачьи вкрапления в карей радужке глаз. В этих глазах не было ни капли человечности. – Даже у меня нет парня, так почему этой одержимой позволено его иметь? Так не пойдет.

У Джумока едва не вырвалось, что единственная одержимая здесь она, но он сдержался, чувствуя себя на прицеле у ее дружков.

– Чего ты хочешь? Решить за тебя контрольную? Достать вопросы к экзамену? – Джумок понял, что она замыслила очередную гадость, и хотел защитить Хери во что бы то ни стало.

– Ну нет, это слишком скучно, к тому же на оценки мне плевать. Я скоро дебютирую, а для айдолов успеваемость не так уж и важна, – пропела Мёнсу и медленно обошла Джумока, разглядывая, как подопытного кролика. Будто решала, какую бы изощренную гадость еще придумать. – Расстанься с ней. Прилюдно. Так, чтобы у нее не осталось даже мысли вернуть тебя.

– Что?.. – опешил Джумок, не сводя пораженного взгляда с дьявольского кукольного личика.

– Бонусом могу пообещать, что больше не буду над ней издеваться. Хоть она и жутко бесит, – прошипела она.

– Зачем это тебе? Какое тебе дело, встречается она с кем-то или нет? – Джумок чувствовал себя слабаком и ничтожеством. Почему он вообще разговаривает с этой стервой? Почему не пошлет ее куда подальше, чтобы не лезла в чужую жизнь? Но он очень хорошо знал, на что способна Мёнсу, и боялся, что она может причинить Хери серьезный вред.

– Не хочу видеть ее счастливой, – пожалала худенькими плечиками девушка. – Пусть будет одиночкой, как и полагается изгоям, а то в последнее время она стала слишком много улыбаться. Меня это раздражает.

– Мёнсу, может, хватит? – тихо сказал Джумок, сжав руки в кулаки. – Ты достаточно поиздевалась над ней.

– Что? Посмотрите, какой рыцарь, защищает свою возлюбленную! – звонко рассмеялась она, и парни за ее спиной поддержали веселье общим гоготом.

– Послушай меня, – смех резко оборвался, и лицо Мёнсу вновь превратилось в холодную маску. – Если завтра ты ее не бросишь, я устрою Хери такой ад, какой ей и не снился.

Всю ночь Джумок не мог заснуть. Сердце болело, душа разрывалась от одной только мысли, что ему придется унижить Хери. Предать ее доверие, растоптать чувства, которые она испытывала к нему. Она стала его первой любовью и первым человеком, который принял его странности. Наедине они могли быть полностью откровенными, не таясь, делиться самым сокровенным и радоваться, что нашли друг друга. Джумок не мог даже представить, как она перенесет это потрясение. И как он сам будет жить после такого.

Но реальность оказалась куда хуже любых домыслов. На следующий день он стоял напротив Хери, которая не знала, что они уже по разные стороны баррикад. Дружки Мёнсу окружили ее, как загнанного зверька на охоте, а она только затравленно озиралась, каждую секунду ожидая тычка, подзатыльника или чего-то похуже.

– До меня дошли слухи, что вы встречаетесь, – пропела Мёнсу, разглядывая попавшую в ловушку жертву с холодным интересом.

– Я с ней не встречаюсь, она же сумасшедшая, – одеревеневшими губами выдавил Джумок.

Мёнсу немного помолчала, наслаждаясь потрясением на лице Хери, затем хмыкнула и скомандовала своим подпевалам:

– Пошли, тут уже не интересно.

Они удалились, оставив Джумока и Хери одних на пустом школьном дворе. Она стояла, словно статуя, ничего не говорила и просто смотрела на него. Рядом валялся ее рюкзак, из которого Мёнсу вывалила учебники и тетради. Джумок физически ощущал боль, растерянность и неверие, которые испытывала Хери. Ее эмоции били в грудь, словно кулаки вечных подпевал Мёнсу. Оставляли синяки и ссадины.

Ему никогда не забыть ее взгляд, в котором медленно проступало осознание, что это не шутка. Что единственный человек, которому она

доверяла, вонзил ей нож в спину. В глазах Хери Джумок прочитал, что она никогда не простит ему это предательство. Он знал, что и сам не забудет свой низкий поступок, совершенный отчасти из страха, отчасти из-за желания защитить, но все же больше из-за собственной трусости и неспособности сберечь свое счастье.

Глава 4

Победа и поражение

Сан опаздывала на работу. Все валилось из рук. За утро она успела разбить любимую чашку из Парижа, споткнуться о ножку стула и уронить сумочку, из которой вывалилось все содержимое. Сидя на корточках, она сердито собирала раскатившиеся по полу помаду, флакончик духов, кошелек и пачку презервативов, которые носила с собой на всякий случай.

Негодяй из снов не выходил у нее из головы, а его слова о том, что она якобы убила его жену, бесили до невозможности. Как он вообще мог такое ляпнуть! Никогда в жизни в здравом уме она не опустилась бы до убийства соперницы! Да еще из-за мужчины, который ее предал! Этот придурок доверял своим снам, будто это истина в последней инстанции, но Сан хорошо знала, как непредсказуема человеческая психика, которая может исказить во снах реальные факты. И все равно сердце было не на месте, а подозрения так и точили душу, потому что Сан не могла игнорировать тот неприятный факт, что эти сны отличались от тех, в которые она попадала на протяжении трехсот лет. Слишком они были четкими и реальными.

После того как проснулась среди ночи и немного пришла в себя, Сан открыла все известные ей исторические источники и архивы, чтобы провести свое расследование на основании того, что узнала. Во-первых, психопат в прошлом носил фамилию Мин и являлся сыном чиновника. Во-вторых, что более важно, Сан узнала кое-что и о себе. Судя по словам придурка-Мина, она была дочерью дворянина. Как тогда стала кисен? Во времена Чосона такое случалось, правда,

нечасто. Девушек из благородных, но обедневших семей родители могли продать за долги. Либо по приказу государя всю семью понижали в статусе до государственных рабов, а младших дочерей отдавали в гёбан. Причины тоже были разнообразными, но сводились к серьезным нарушениям закона, например, растрата государственных средств, взятки или измена.

В любом случае, дворян с фамилией Ким было гораздо больше, чем Минов, поэтому она решила начать с более простого – предавшего ее негодяя. Если его отец действительно был министром, она найдет его, ведь эта фамилия нечасто встречается даже сейчас. А уж в Чосоне тем более. В основном Мины принадлежали либо к клану королевы Вонгён, жены Тхэджона, либо к клану королевы Инхён, супруги короля Сукчона, во время правления которого и родилась Сан.

Она с азартом приступила к поискам, выписывая всех представителей древней фамилии, их даты рождения и ранг. Но очень скоро поняла, что эта задача тоже не из легких: Минов было много в разных ведомствах и на разных должностях. «Вот расплодились, заразы!» – в сердцах подумала она, найдя очередного. Ей предстояло выяснить родословную каждого и сопоставить с примерным возрастом мерзавца, который бросил ее триста лет назад. Если он не соврал, и его жена действительно умерла после свадьбы, это обязательно должно быть где-то отражено. Сан не сомневалась ни секунды, что обвинения в убийстве не просто беспочвенны – это вопиющая провокация и наглая ложь. Но нужны были доказательства, чтобы бросить их в лицо негодяю, когда они снова увидятся во сне. Сан чувствовала, что эти встречи будут повторяться, пока полностью не раскроется связывавшее их прошлое.

Сан оторвалась от ноутбука, когда уже вошло солнце. Она засмотрелась, как солнечные лучи играют на задернутых шторах, и подошла к окну. Раздвинула портьерную ткань, взглянула вниз на проснувшийся город. И только сейчас почему-то подумала о том, что где-то среди этих новомодных высоток и старых построек живет человек, который терроризирует ее по ночам. Было бы гораздо проще встретиться с ним в реальной жизни и просто поговорить. Возможно, даже вместе провести расследование об их общем прошлом и все выяснить. Но Сан не знала, кем он был и как его найти. Ведь совсем не

обязательно, что нынешняя реинкарнация носила фамилию своего прошлого воплощения.

Сан посмотрела на часы и поняла, что опаздывает на работу. Сегодня ей предстояло провести коллоквиум по итогам правления короля Ёнджо у группы, где учился Джисон. Она бесилась из-за того, что ко всем прочим неприятностям ей опять придется лицезреть этого незрелого сосунка, который наверняка снова будет трепать ей нервы. «Когда там этот профессор уже выйдет на работу!» – Она застегивала мелкие пуговицы на блузке, с удивлением заметив, что руки дрожат. Все-таки эти проклятые сны не прошли бесследно для ее эмоционального состояния. И хоть она не верила ни слову предавшего ее когда-то чувака, но чувствовала, как внутри с каждым днем растет тревога. Хорошо, что сегодня пятница и впереди два выходных, чтобы как следует отдохнуть и развлечься. «Надо будет позвонить Хери и вечером отправиться в какой-нибудь клуб за очередной партией молодых красавчиков».

Но, к счастью, когда она зашла в аудиторию, Джисона там не оказалось. «Опоздывает, что ли?» – подумала она, ожидая, что он вот-вот откроет дверь. Однако после начала пары он так и не появился.

– Госпожа Ким, – подошла к ней одна из студенток и протянула флешку. – Это от Ли Джисона. Он просил передать вам его проектную работу, потому что не сможет сегодня присутствовать.

– Не сможет? Почему? – удивилась и одновременно обрадовалась Сан, забирая флешку.

– Сегодня вечером он уезжает в Пусан на соревнования.

– Какие соревнования? – заинтересовалась она.

– Финал между университетами страны. Джисон будет биться за первое место на турнире по большому теннису.

У Сан отпала челюсть. Этот заносчивый сопляк занимается теннисом? Она очень любила этот вид спорта и даже когда-то сама занималась им с тренером. Да и сейчас иногда приезжала на корт, чтобы отвести душу и выплеснуть накопившийся негатив. Но удивило ее другое: откуда у студента такие деньги? Теннис – элитный вид спорта. Одна только ракетка стоит несколько тысяч долларов. А если заниматься профессионально, их приходится часто менять.

– Он играет в теннис? – как бы невзначай спросила Сан. – Наверное, Джисон из обеспеченной семьи, раз может позволить себе

такие дорогие увлечения.

– Совсем нет, он сирота. Вырос в приюте, – тихо сказала девушка, которая, похоже, чувствовала себя неловко из-за этих расспросов. Она то и дело посматривала на свой стол и нервно поправляла волосы, не зная, как побыстрее слинять от назойливой преподши.

– Хорошо, я поняла, можешь вернуться на свое место, – кивнула Сан, убрав флешку в сумку.

«Сирота... – пораженно думала Сан, пока студенты возились, доставая письменные принадлежности и ноутбуки. – Тогда откуда у него столько денег? Да и одевается он явно не на Тондэмуне. Ой, да без разницы!»

После активного общения со студентами на коллоквиумах Сан чувствовала себя выжатой как лимон. Она уже вышла из главного корпуса и собиралась вызвать такси, как вдруг в ее руках завибрировал телефон. Профессор Пак.

– Здравствуйте, профессор, – поздоровалась она настороженно, чувствуя, что позвонил он не для того, чтобы узнать, как у нее дела.

– Сан, дорогая моя, мне очень нужна твоя помощь. Выручишь? – голос мужчины звучал взволнованно, и Сан занервничала.

– Что случилось?

– Понимаешь, я должен был сопровождать команду университета в Пусан, но дочку только что увезли в больницу с аппендицитом. А жена как назло в командировке в Китае! Не могла бы ты поехать вместо меня?

Сан закричала зубами. Так и знала, что это какая-то подстава.

– Профессор, я бы с удовольствием, но у меня планы на вечер. Разве больше некому вас заменить?

– Эта проклятая пандемия всех скосила! А у тех, кто еще в строю, завтра занятия, – жалобно сказал господин Пак.

– Подождите, но... – Сан набрала в легкие воздуха, пытаясь на ходу сообразить, как отмазаться. Все это было так неожиданно, что она растерялась. – Я ведь даже не числюсь в штате! Да и понятия не имею, что делать. К тому же, это такая ответственность!

– Я дам тебе пропуск и сообщу организаторам, что вместо меня приедешь ты, – с готовностью разбил ее аргументы профессор. – Ты должна будешь сверить студентов по списку, когда сядете в автобус, отметить в комиссии по прибытии и присутствовать на награждении.

Ах да, еще сказать пару слов, если кто-то из наших ребят победит. Одновременно будут проходить несколько соревнований в разных видах спорта, тебе нужно присутствовать хотя бы на одном как представителю университета. Какой – выберешь сама.

Сан казалось, что у нее голова лопнет от количества информации. Вместо потрясающего вечера в клубе вместе с Хери она должна будет трястись в автобусе четыре часа до Пусана и нянчиться с великовозрастными детками. Одним из которых был приставучий Джисон. Она внутренне зарычала.

– Я выпишу тебе премию! В двойном размере! – использовал последний свой козырь профессор.

«Да сдались мне эти гроши, я бы сама заплатила, чтобы кто-нибудь поехал вместо меня!» – кипела от возмущения Сан.

Однако ей было неловко отказывать профессору Паку, все-таки он много для нее значил. К тому же она понимала, как он сейчас переживает из-за дочери. Презирая себя за мягкотелость, Сан буркнула в трубку:

– Во сколько уходит автобус?

– Ты чудо, Сан! В пять часов с парковки у главного корпуса, – в голосе мужчины слышалось облегчение. – Прости, что так вышло. С меня обед в лучшем ресторане! И, кстати, профессор Квон сегодня звонил, ему уже гораздо лучше, и на следующей неделе ты будешь свободна!

Это было неплохой новостью, однако Сан все равно с трудом справлялась с досадой и злостью. Ну почему все так! Может, она и правда совершила что-то ужасное в прошлом, раз ей досталось такое наказание? Она страдальчески возвела глаза к небу.

– Ну нет, обедом вы со мной не расплатитесь. Передавайте привет дочке, пусть поправляется, – проворчала она.

Распрощавшись с обрадованным профессором, Сан тяжело вздохнула и написала Хери, что ее не будет до воскресенья. Зашла на кафедру за пропуском, списками студентов и адресом отеля в Пусане, где они должны разместиться.

«Ну что ж, на все надо смотреть позитивно. Я лет тридцать не была в Пусане, вот и оценю, как он изменился», – подумала Сан и поспешила домой, чтобы переодеться и собрать вещи.

До отъезда оставался всего час, она торопилась, кидала в чемодан все подряд, стараясь ничего не забыть. Ночная сорочка, интимные принадлежности, шампунь, кондиционер для волос, нижнее белье... Она не успела прочитать отзывы об отеле и просмотреть фото, но не сомневалась, что для студентов не стали бы снимать «пять звезд», поэтому лучше подстраховаться и взять все необходимое. Зайдя в гардеробную, с сожалением посмотрела на роскошные дизайнерские наряды и открыла шкафчик, где лежало то, что она надевала крайне редко: спортивный костюм, джинсы, футболки и прочее шмотье, которое любила Хери. Придется на пару дней слиться с серой толпой.

Без пятнадцати пять она уже везла свой чемодан к большому автобусу, возле которого толпились студенты.

– Ребята! Всем внимание! – она остановилась и помахала табличкой с названием университета Хонгик. Молодежь прекратила разговоры и удивленно уставилась на нее. – Профессор Пак не сможет вас сопровождать, поэтому его заменю я. По всем организационным вопросам обращайтесь ко мне. Когда отправляемся? – обратилась она к водителю в идеально выглаженной голубой рубашке и строгих брюках.

– Через десять минут, – кивнул он и махнул ей на багажный отсек, куда можно убрать чемодан.

Сан еле впихнула его среди чужих вещей, отругав себя за то, что не взяла спортивную сумку. Наверное, половина вещей ей точно не пригодится, в частности длинное коралловое платье и туфли на каблуках, но ей необходимо было знать, что у нее есть возможность хоть раз одеться нормально, а не как серая мышь.

Уперев руки в бока, она оглядела гомонивших студентов, невольно ища глазами Джисона. Его не было. «Если он опоздает, я его убью!» – подумала она, нервно взглянув на время.

Студенты медленно стекались в автобус, рассаживаясь по местам. Сан тоже поднялась, «забронировала» себе место в самом конце, где никто не сидел, и выглянула в окно.

– Пока ждем, давайте устроим переключку! – повысила она голос, возвращаясь в начало салона. – Ким Миён?

– Здесь! – выкрикнула девушка со второго ряда.

– Ли Канджун?

– Здесь...

– Смотрите, Джисон приехал! – воскликнула одна из студенток, показывая в окно на подъехавшее такси, и девчонки зашевелились. Кто-то в диком темпе пудрил лицо, кто-то подкрашивал губы, а девица на переднем сиденье беззастенчиво поправила бюстгальтер, выпячивая свои прелести в треугольном вырезе топа. «Тройка, не меньше!» – с долей зависти подумала Сан, презрительно скривившись.

Она наблюдала за студентками, не понимая, чем вызван такой ажиотаж. Джисон что, самый популярный парень в универе?

– Извините за опоздание, – он легко взбежал по ступеням и, немного притормозив рядом с Сан, одарил ее холодным взглядом.

Сегодня на нем были шорты до колен, свободная футболка и бейсболка козырьком назад, которая открывала высокий чистый лоб и делала лицо совсем юным. Хорошенький, даже очень. И эта чертова родинка...

– Проходи, мы как раз считаем, все ли на месте, – Сан вежливо улыбнулась, стараясь не пялиться на него и не уподобляться этим соплячкам.

– Джисон, садись со мной! – понеслось по рядам, и он смущенно рассмеялся, растерянно скользя взглядом по салону.

Девица с буферами расправила плечи, еще больше выпятив грудь, и кинула на него томный взгляд.

– Да пусть он уже сядет куда-нибудь! Достали уже, нам ехать пора! – недовольно крикнул один из парней с задних рядов. Девочки немного поутихли и затаили дыхание в ожидании, кого же он выберет.

Джисон быстро прошел вперед и сел на одиночное сиденье. Мудрое решение. Раздались разочарованные вздохи, и Сан, наконец, закончила перекличку. Автобус тронулся, она вернулась на свое место и достала наушники, чтобы послушать музыку. Сан планировала в дороге продолжить свое расследование про Минов, но эта поездка возникла так внезапно, что она в спешке забыла захватить ноутбук. А с телефона это делать неудобно. Поэтому разгадки прошлого пришлось отложить до возвращения.

Студенты заголосили, один из парней достал гитару, и молодежь дружно затянула песни. Они так искренне и самозабвенно вопили, смеялись и дурачились, что Сан невольно улыбалась, наблюдая за ними. Такие юные, счастливые... Каждое событие воспринимают как приключение, им все в новинку, все интересно. Наверное, когда-то Сан

тоже встречала каждый новый с день с таким же чистым восторгом и радостью, но она уже не помнила этого. Зато сейчас жила уже без розовых очков и фантазий, в полной мере ощущая все краски жизни и наслаждаясь тем, что у нее есть. А есть у нее практически все.

Через час сделали остановку, и ребята высыпали из автобуса, чтобы размяться, перекусить, покурить или посетить уборную. Сан выходила последней, наблюдая из окна за тем, как Джисон галантно подает руку, помогая девушкам спуститься. Но, увидев ее, демонстративно развернулся и пошел за друзьями. Она опешила. «Он что, думает, меня это заденет? Самовлюбленный наглец!» Но ее задело, и она, как коршун, следила за ним, пытаясь понять, выделяет ли он кого-то из девчонок.

Взяв себе кофе, Сан села на лавочку, откуда было хорошо видно Джисона и окруживших его студенток. Он купил на всех воду и раздавал по бутылке каждой. «Буферам» принес кофе, другой девушке – влажные салфетки, третьей – одноразовые маски. Соплячки вились возле него, как стая мотыльков у огня. А он на удивление был внимателен к каждой. Кому-то поправит растрепавшиеся волосы, кого-то слегка приобнимет за талию, кого-то шутливо потреплет по голове. Девушки млели от его внимания, что совсем не нравилось парням, которые мрачно наблюдали за всем из курилки. Сан это тоже почему-то не нравилось. Казалось, что Джисон совсем не играет, чтобы понравиться противоположному полу, а делает все искренне. Что-то с Сан он себя так мило и галантно не вел. Хотя... его утренние намеки на совместный завтрак и прогулку скорее всего были из этой же серии пикап-съема.

Теперь ей стало понятно, где он успел набраться сексуального опыта. Если даже по разу оприходовал каждую из этих девчонок, то это все объясняло. А кроме них были еще его сокурсницы, на которых он скорее всего тоже отрабатывал свои умения.

– Джисон такой милашка! Настоящий джентльмен! – вдруг услышала Сан и обернулась. На соседней лавочке сидели две студентки из ее автобуса.

– И кто ему привил такие манеры? Он же вырос в приюте. Наверное, это от рождения, – блаженно поддакнула ее подружка.

Действительно. От кого он этого понабрался? Наверное, посещал какие-нибудь дешевые курсы пика-перов.

Оставшуюся часть пути Сан дремала, слушая музыку и время от времени возвращалась мыслями к своим снам. В голове всплыло лицо Мина, его ледяной взгляд, нос с горбинкой и четко очерченные губы. Сердце опять дало сбой, и старые чувства вновь захлестнули ее. Сильные и пугающие. Самое неприятное, что она не могла четко разграничить свои эмоции и эмоции Сан-кисен из Чосона. Не понимала, влечет ли ее к незнакомцу сейчас, или же это отголоски прежних ощущений. Она сделала над собой усилие, возвращаясь мыслями в реальность. Нужно обязательно найти доказательства своей невинности и ткнуть в них носом этого придурка, чтобы он наконец отстал от нее.

Студентов тоже разморило от долгой езды, и в автобусе воцарилась тишина. Кто-то спал, кто-то тихонько переговаривался или смотрел фильмы на телефоне. Сан видела профиль дремавшего Джисона, который время от времени просыпался, когда автобус покачивало на трассе. Один раз он обернулся и посмотрел на нее. Ей показалось, что в его глазах мелькнула какая-то странная грусть. Она недоуменно пожала плечами: что мальчишке от нее надо?

Через несколько часов они прибыли к трехэтажному хостелу недалеко от моря, который университет полностью арендовал на две ночи. Студенты вяло выходили из автобуса, зевая и потягиваясь – поездка утомила всех. Сан оформила документы, проследила, чтобы все заселились в свои комнаты и отзвонилась профессору Паку, что все прошло благополучно. Ей не нравилась роль мамочки для взрослых детишек, которые уже разбрелись по хостелу, шумели и хлопали дверями. Она мечтала сходить в душ, а потом прогуляться по пляжу Хэундэ. Завтра ей предстоял насыщенный день, и она хотела провести этот вечер возле моря. Оно всегда успокаивало.

Парень, который в автобусе играл на гитаре, собирался устроить вечеринку по случаю приезда, но на нее мало кто хотел идти, ведь завтра решающие соревнования, и все должны быть в форме. Поэтому массовая попойка перенеслась на следующий вечер, когда все волнения останутся уже позади.

Сан получила отдельную комнату с огромной кроватью и большим окном, из которого открывался потрясающий вид на море и пылающий огнями широченный пляж. Она еще помнила этот город пропахшим рыбой с маленькими, теснившимися на холмах

домишками. А сейчас по обе стороны побережья во всю мощь раздавались огромные небоскребы и мосты, создавая столько света, что казалось, солнце все еще не село за горизонт. Пляж Хэундэ был необыкновенно красив: разноцветные фонари расцвечивали песок красным, синим и желтым светом.

Сан быстро высушила голову, накинула легкий сарафан и, поняв, что с каблуками в этой поездке придется распрощаться, надела шлепанцы. Выйдя на улицу, почувствовала, насколько в здесь жарче, чем в Сеуле. Воздух здесь был тяжелее из-за близости к морю и высокой влажности. От раскаленного асфальта исходил жар, горячий ветер обжигал кожу и трепал волосы. Сан медленно спускалась к воде, с любопытством оглядывая окрестности.

Пусан сильно отличался от Сеула. Столица была деловой, холодной, жесткой и равнодушной. Этот же приморский город казался средоточием настоящей корейской жизни. Шумные, громкоголосые жители одевались гораздо проще сеульцев, и Сан повсюду слышала пусанский диалект с характерным растягиванием последней гласной. Здесь было много иностранцев. Некоторые провожали кореянку заинтересованными взглядами, а она игриво улыбалась в ответ. Хоть Сеул был ее сердцем и душой, но приморские города обладали особенной прелестью и очарованием.

Идя по улице, Сан заметила, какое разнообразие национальностей царит в Пусане. Направляясь к побережью, можно было встретить кого угодно: от турецкого торговца рахат-лукумом до азербайджанца, обжигающего на гриле шаурму.

Город гудел, как улей, и казался свободным и счастливым.

Сан спустилась к воде мимо множества кафе и ресторанов самого разного уровня. Повсюду горели огни: фигурно выстриженные кустарники с подсветкой, оплетенные гирляндами деревья, бьющие прямо из асфальта фонари. Сан шла, словно в сказке, поражаясь тому, насколько преобразился город. Вдали, на песчаной косе, стоял ресторан в виде корабля и заманчиво подмигивал тем, кто остался на берегу.

Сан забыла обо всех неприятностях и проблемах, сняла шлепанцы и медленно брела по пляжу, наслаждаясь красотой отстроенного заново мегаполиса, мягкостью рассыпчатого песка под ногами и легкой музыкой, доносившейся из кафе.

От воды веяло прохладой, и она поежилась, жалея, что не взяла с собой кардиган или пиджак. Пляж был усеян влюбленными парочками. Кто-то устроил пикник и пил вино, кто-то молча обнимался, глядя на черную бездну моря, а некоторые вовсе целовались, и Сан хмыкнула: скоро кому-то придется бежать в ближайший мотель. В принципе, в этой примитивной романтике была какая-то прелесть, и, пожалуй, Сан сейчас тоже не отказалась бы полюбоваться луной под шум волн вместе с красивым парнем. Но... нет, это влечет за собой всякие неприятные последствия вроде разбитых сердец и прочей ерунды. Нельзя поддаваться моменту.

Пройдя практически весь пляж, она заметила, что парочек становится все меньше, огонь тоже, а поведение молодежи, наоборот, развязнее. Она остановилась, повернувшись лицом к воде. Море накатывало на берег с мерным ревом, выплескивало на песок белую пену и водоросли. Сан подошла к воде, рассеянно наблюдая, как волны накрывают ее ноги, а ступни медленно утопают в мокром песке.

– Мне холодно... – услышала она за спиной капризный женский голос.

– Возьми мою толстовку.

Сан резко развернулась, завязла одной ногой в песке и едва не упала. В нескольких метрах от нее расположились Буфера в компании Джисона. Он по-рыцарски снял с себя толстовку и накинул на плечи девицы. Значит, все-таки она добилась его безраздельного внимания. Молодые люди, похоже, так увлеклись друг другом, что не заметили Сан.

Она едко усмехнулась, в глубине души злясь, что наслаждаться умениями парня сегодня ночью будет не она, а какая-то невзрачная девица. Но тут уж ничего не поделаешь, свой выбор Сан сделала. Однако не смогла побороть искушение подгадить парочке и хоть немного испортить им вечер. Подойдя чуть ближе и сделав вид, что только что их заметила, она громко сказала:

– Эй, только не проспите завтра! Автобус отъезжает в девять утра!

Нацепила постановочную улыбку и помахала им рукой, ожидая реакцию Джисона, которая последовала незамедлительно. Он подорвался с места и, не обращая внимания на девчонку, которая пыталась остановить его за руку, подбежал к Сан. Бессмертная коварно

улыбнулась, чувствуя мстительное удовлетворение: стоит ей только поманить пальцем, и этой сучке ничего не обломится!

– Мы можем поговорить?

Джисон был непривычно серьезен.

– Не ставь нас обоих в неловкое положение. Твоя дама сердца за нами наблюдает, – тихо сказала Сан, глядя на его колдовскую родинку, которая опять раздражала и мешала трезво мыслить.

– Госпожа Ким, вы уже посмотрели мою презентацию? Ынсу должна была ее передать, – нарочито громко спросил он. Буфера стояли в стороне, ожидая своего звездного часа, и хмуро пялились на Сан, будто чуяла угрозу.

– У тебя завтра матч за первое место, возвращайся в отель, – спокойно ответила Сан и развернулась. Свою власть она продемонстрировала, теперь можно уходить. Но парень незаметно остановил ее за руку.

– У меня с ней ничего нет, мы просто болтали. Она предложила прогуляться, было стремно отказать... – начал было он, но Сан его прервала.

– Почему ты оправдываешься? Мне нет никакого дела до твоих интрижек.

Джисон отступил назад, как будто эти слова причинили ему боль, но потом он вновь шагнул к ней и горячо зашептал, наклонившись очень близко:

– Я понимаю, что начали мы не очень, но давай попробуем еще раз. Уже серьезно, как настоящая пара. Ты мне правда нравишься. Очень нравишься!

– Стоп-стоп-стоп! – прервала его Сан, отводя взгляд. Его горящие глазищи очень мешали думать рационально. – Кажется, я ясно выразилась, что это был секс без обязательств.

– Да, но почему он не может перерасти во что-то большее? – настаивал Джисон.

Она посмотрела на него, и ей опять показалось, что он гораздо старше своих лет, настолько его лицо было по-взрослому серьезным и решительным. Ни следа ухмылочек и милашных ужимок, которыми он щедро одаривал сегодня студентов. Как будто перед Сан сейчас стоял совершенно незнакомый человек.

– Потому что я не хочу, чтобы он становился чем-то большим. Мы классно провели время, но на этом все! Почему ты не можешь просто насладиться приятным приключением и жить дальше? Для чего все так усложнять? – она искренне не понимала, чем так успела зацепить пацана, что он все никак не может ее забыть?

– Джисона, – противно позвали Буфера, но он даже не обернулся, полностью поглощенный разговором с Сан. Она видела, что для мальчишки это по какой-то необъяснимой, не поддающейся логике причине, очень важно. Может, правда влюбился? Или банально хочет взять штурмом непокорившуюся крепость?

– Неужели ты совсем ничего ко мне не чувствуешь? – прошептал он с каким-то отчаянием, и у Сан на миг сжалось сердце, так искренне прозвучали его слова.

Мгновение она колебалась, но затем сказала:

– Прости, нет. Ты красивый парень и обалденный любовник, но между нами ничего не может быть. Я не готова менять свою жизнь ради отношений, исход которых предрешен. Не хочу ни к кому привязываться, – вырвалось у нее.

Она тут же пожалела о том, что ляпнула. Почему именно перед этим мальчиком вдруг обнажила застарелые душевные раны, о которых так старательно пыталась забыть? Но на искренность хотелось ответить искренностью, а не едкими фразами.

– Почему предрешен? Ты не можешь знать, что нас ждет в будущем, – горячо возразил парень и попытался взять ее за руку.

Сан вздохнула. Не скажешь же, что она бессмертная, и все ее отношения априори обречены. Хотя бы потому, что партнер когда-нибудь умрет.

– Я живу сегодняшним днем. Мне нравится моя жизнь именно такой, какая есть. Я не хочу ничего в ней менять, по крайней мере, пока.

– Значит, ты даже не дашь мне шанса?

– Нет. Извини. И больше не заводи этот разговор.

Она повернулась и пошла дальше, стараясь не думать о том, как и в чьей компании Джисон закончит сегодняшний вечер. Ее так и подмывало обернуться, но она сдержалась. Чувство собственности требовало вернуть Джисона и утащить в ближайший мотель, чтобы он не достался этой невнятной девице, но Сан одернула себя: это не по-

взрослому. Нельзя уподобляться малолеткам. И вообще, она слишком размякла и чуть было не дала слабину. Для чего разоткровенничалась с чужим человеком? Нет, на этом нужно поставить жирную точку, а Буфера пусть довольствуются тем, что милостиво не захотела брать Сан. Лучше сосредоточиться на себе и своем прошлом.

Когда она вернулась, в хостеле стояла тишина. Студенты либо уже спали, либо еще не вернулись, как Джисон со своей пассией. Сан умылась, легла в постель и закрыла глаза, настраиваясь на очередную встречу с агрессивным незнакомцем. Однако этой ночью она попала в другой сон, в котором долго гонялась за убегающей от отвратительных монстров школьницей. «Меньше надо смотреть ужастики на ночь глядя!» – сердито подумала Сан, догнав, наконец, истошно вопящую беглянку и вернув ей душевный покой.

На следующий день в девять утра ко входу в хостел подъехал автобус и повез студентов в спорткомплекс «Чонхап». Спортсмены выглядели собранными и серьезными, а Буфера буквально светились от радости. Сан почувствовала, как внутри заворочался ревнивый монстр, которому хотелось разорвать девчонку на куски. Видимо, она добила-таки своего и уложила Джисона в постель. Он же выглядел напряженным, ни на кого не смотрел и явно был сосредоточен только на предстоящем матче. Даже не обхаживал девчонок. Сан он полностью игнорировал и демонстративно не смотрел на нее, когда проходил мимо. Обиделся, что его отшили. «Оно и к лучшему, зато я четко расставила все точки над „i“. И что-то я слишком много думаю о случайном знакомом», – самой себе удивилась бессмертная.

Когда автобус прибыл на место, она направилась к организаторам, чтобы зарегистрировать своих подопечных. Еще раз проведя переключку, обратила внимание, что Буфера зовут Со Юнсо. Девчонка была пловцом и сегодня соревновалась на дистанции двести метров в комплексном плавании.

Проследив за тем, чтобы студенты рассредоточились по своим объектам и начали подготовку к старту, Сан заколебалась, решая, куда ей пойти. Поскольку из всех видов спорта она больше всего любила теннис, то направилась в подтрибунные помещения, не выпуская из вида маячившую впереди широкую спину Джисона. Конечно же, ей хотелось оценить его спортивные навыки. Тем более Корея не была богата на даровитых теннисистов, и, как знать, вдруг кто-то из

сегодняшних соперников в борьбе за золото в будущем станет следующим Роджером Федерером или Рафаэлем Надалем.

В зале для разминок Джисон положил на скамью сумку с ракетками и взял скакалку, но остановился, увидев Сан. Его лицо окаменело, он подошел к ней и, не стесняясь присутствия посторонних людей, заявил:

– Ты мешаешь тренировке. Уходи.

Сан немного опешила от такой резкости, однако понимала, что парень нервничает из-за предстоящего матча, а ее присутствие еще больше добавляет ему нервозности.

– Я просто хотела проверить, что все нормально и ты можешь приступить к разминке. Я не останусь на матч, чтобы не смущать тебя, – сдержанно ответила Сан, не желая развивать конфликт.

Джисон ухмыльнулся уголком рта и опять одарил ее ледяным взглядом.

– Не думай, что ты так много для меня значишь, просто матч очень важный, и я хочу победить. Можешь остаться и посмотреть, если хочешь.

«Говнюк!» – подумала Сан и приняла вызов.

– Окей, буду с интересом следить за твоей игрой с трибуны.

Поднявшись наверх, она заняла самое лучшее для обзора место. Как и ожидалось, зрителей было очень мало, хотя билеты стоили непозволительно дешево. Все-таки теннис в Корее значительно проигрывал по популярности бейсболу или футболу. Ожидая начала матча, Сан позвонила Хери, чтобы узнать, как у нее дела, и заодно убить время, которое тянулось чудовищно медленно. Подруга сходу вывалила на нее недовольство из-за этой внезапной поездки и порушенных планов на выходные, а также пожаловалась на Джумока.

– Он достал меня своими извинениями и просьбами поговорить! Как будто это может исправить то, как он поступил со мной в школе! – фыркнула она. – Да и мне давно уже плевать.

Сан улыбнулась. Судя по голосу, ей было далеко не плевать.

– Может, дашь ему шанс объясниться? Все-таки столько лет прошло, он наверняка изменился и, скорее всего, жалеет о своем поступке.

– Вот еще! Если сожалеет, то я буду рада наблюдать, как его мучает совесть, – ядовито выдавила Хери.

Похоже, ведьма отомстила всем своим обидчикам, кроме Джумока, и Сан подозревала, что подруга все еще испытывает к нему чувства. Но решила не читать нотаций и не давать советов, пусть сама примет решение.

Наконец, игроки вышли на корт. Сан внимательно наблюдала за Джисоном, параллельно отмечая, что он просто создан для тенниса: хороший рост, длинные руки и ноги, гибкое тело. Это было определенным преимуществом при подаче, особенно с соперником, который заметно уступал ему в росте. Но физические данные еще не все, важна была техника и быстрые ноги. Как с этим у него обстоят дела, она пока не знала.

После официальных представлений судья взобрался на вышку и разыграл право первой подачи. Ее выиграл Джисон, и Сан приготовилась смотреть, чувствуя, что невольно волнуется за него. Она обожала теннисные матчи и готова была смотреть их несколько часов подряд.

Джисон взял мяч, постучал им по покрытию и ударил ракеткой. Судья крикнул: «Аут!» Мяч улетел за пределы квадрата, а на табло загорелась цифра «240 км/ч». Очень неплохо! Жаль, что мимо. Вторая подача, как правило, была медленнее, и соперник без труда отбил ее, отправив мяч длинным кроссом^[12] на сторону Джисона. «Нет!» – внутренне завопила Сан, стиснув руками сумку. Противник поймал его на противоходе и заработал первое очко. А следом – сразу два подряд, выиграв гейм на чужой подаче.

Джисон был не в своей тарелке, злился и даже один раз швырнул ракетку, за что получил предупреждение от судьи за неспортивное поведение. Он пропускал простые мячи, лупил в сетку, а потом удивлял мастерски выполненными ударами. Лучше всего ему удавался бэкхенд^[13] в линию, и Сан поняла, что это его коронный удар. Он играл из рук вон плохо и в итоге первый сет проиграл практически всухую со счетом 2:6.

Во время перерыва Джисон вытер мокрое лицо полотенцем и зло бросил его на землю. Сел под зонтик и жадно припал к бутылке с водой. Его игра была полностью расфокусированной. Создавалось ощущение, что он никак не может собраться и думает о чем угодно, только не о матче. Правда, иногда Сан отмечала проблески умений и точные удары, которые вызывали аплодисменты зрителей. Но на фоне

полной разобранности это выглядело скорее случайностью, чем свидетельством мастерства. В его игре был класс, но нервы мешали ему продемонстрировать его в полной мере.

Джисон сидел, опустив голову, и периодически что-то бормотал себе под нос, будто пытался договориться сам с собой. Сан хотелось как-то помочь ему или даже что-то посоветовать, но во время матча это было запрещено. Она с досадой шлепнула себя по колену. Ей хотелось, чтобы он победил или хотя бы поборолся за победу, чтобы потом не жалеть о проигрыше. Пока же все выглядело так, будто он опустил руки и смирился с поражением.

Перерыв закончился, произошла смена сторон и подающих, и теперь принимающим оказался Джисон. Он крутил в руках ракетку и готовился отбить подачу соперника. Сан замерла, повторяя про себя: «Ну давай! Пожалуйста, отбей!» Если она за кого-то болела, то болела всем сердцем и порой готова была нестись на корт, чтобы вправить мозги игроку или самой отбить мяч.

Джисон подобрался, внимательно следя за противником и, когда мяч перелетел через сетку, четким ударом с бэкхенда отправил его прямо в линию. С низким отскоком мяч упал за пределы площадки. У соперника не было шанса даже дотянуться до него. Трибуны взорвались восторженными аплодисментами, и Джисон заработал первое очко в этом. Он победно вскинул кулак, и Сан бурно зааплодировала. Прием подачи вышел превосходным. Еще два удачных удара, и гейм на подаче противника выигран.

Казалось, что во втором сете ход игры переломился, Джисон успокоился и собрался. Наконец, Сан увидела то, ради чего сюда пришла – захватывающий поединок, когда игроки вытаскивают, казалось бы, безнадежные мячи, буквально распластываясь по корту. Несмотря на длину ног, Джисон уступал сопернику в скорости передвижения, зато брал мастерством, которое теперь было очевидно: его удары были точны и филигранны. А коронный бэкхенд в линию каждый раз заставлял трибуны вздрагивать: попал – не попал?

Второй сет он выиграл со стандартным счетом 6:4, взяв брейк^[14]. Настроение Джисона заметно изменилось, он больше не хмурился, а по лицу блуждала победная улыбка. Он посмотрел в упор на Сан и отсалютовал ей. А она яростно замахала ему в ответ и показала два больших пальца.

На время перерыва можно было выдохнуть, и она сбегала в автомат купить воды с лимоном, чтобы охладиться. У автомата столпилась очередь, и Сан нервно посматривала на время, боясь пропустить начало решающего сета. Она искренне желала Джисону победы, несмотря на то, что его соперник из Сеульского был хорош.

Начало она все-таки пропустила и жадно всматривалась в носящихся по корту парней. Оба были заметно напряжены, их движения стали более нервными, так как оба очевидно понимали, как важно не отдать инициативу. Игра проходила напряженно. Парни сражались, как тигры, с обоих лил пот, и они то и дело вытирали лица и шею полотенцами. Джисон сделал брейк и тут же отдал гейм на своей подаче, допустив обидную двойную ошибку. Счет сравнялся: 6:6. Их ждал тайбрейк^[15], который был, наверное, самым тяжелым испытанием в этом виде спорта, потому что цена ошибки возрастала в разы, и каждый мяч мог стать последним.

Первым подавал Джисон. Он долго готовился, сосредоточенно стуча мячом по покрытию. Вдруг поднял голову и посмотрел на Сан. Ее сердце колотилось, как сумасшедшее, она показала ему знак «файтинг» и решительно кивнула. «Ну давай же, Джисон! Покажи, что ты ас не только в постели! Ты сможешь!»

Он подбросил мяч и ударил ракеткой. Поддача на вылет. Стадион взревел, это был первый эйс за весь матч. Если он выиграет следующий мяч, то станет победителем. Видимо, Джисон тоже это понимал и из-за желания поскорее выиграть, допустил обидную ошибку: зарядил в сетку. Счет опять сравнялся, и он в сердцах швырнул полотенце на землю. Сан застонала. «Успокойся! Соберись и не смей расслабляться!»

Оба игрока были взвинчены, понимая, что сейчас решается исход поединка. Джисон перед подачей долго настраивался и глубоко дышал. Сан переживала так, будто сама стояла на корте. Сердце бухало в груди, сжатые в кулаки пальцы онемели. Джисон вновь вырвался вперед на одно очко, и если сейчас не распахнется, то выиграет. Всего один мяч! Какой-то жалкий мяч!

Стадион замер. Поддача... и... Сан казалось, мяч летел целую вечность, прежде чем приземлился точно в линию.

– Эйс! – завопил линейный судья.

Но противник Джисона поднял вверх ракетку, не соглашаясь с решением судьи. Парень что-то прокричал и запросил челлендж – электронный просмотр полета мяча. Запись подтвердила, что был аут, и мяч решили переиграть.

Сан дико переживала, что Джисон не справится, расстроившись из-за того, что преждевременно праздновал победу. Он снова долго настраивался на подачу, и Сан посылала ему всю свою энергию, чтобы он выиграл.

Мяч взлетел, и сердце Сан остановилось. подача была мощной, противник едва дотянулся и чуть не упал, но все же перебросил мяч на сторону Джисона. Тот кинулся к сетке и в последний момент успел подставить ракетку. Мяч отскочил и приземлился на стороне соперника, но добежать до него тот уже не успел.

Зрители взревели, Сан вскочила с места и прыгала от радости как девчонка, а не трехсотлетняя, умудренная жизненным опытом дама. Джисон упал на колени и издал победный клич. Все-таки выиграл!

Награждение было запланировано чуть позже вместе со спортсменами, которые принимали участие в других соревнованиях. Переполненная эмоциями, Сан хотела подойти к Джисону, чтобы поздравить, но решила не мешать и дать парню возможность насладиться своей победой. Она с улыбкой наблюдала, как он бежит от радости по корту, как его поздравляют судьи, организаторы и просто зрители, восхищенные его игрой. Парень оказался полон сюрпризов! В этот момент Сан посмотрела на него другими глазами. Он уже не выглядел одноразовым мальчиком для секса, его личность приобретала новые краски и открывалась с других сторон. Она ухмыльнулась себе под нос и направилась к выходу со стадиона.

Вечером на общем награждении Сан предстояло произнести несколько слов о победителях из университета Хонгик, который представляла, и она точно знала, что скажет по поводу Джисона. Хорошо, что она все-таки догадалась захватить с собой хотя бы одно приличное платье, которое как раз подойдет к торжественному мероприятию.

Выходя с корта, она оглянулась и улыбнулась, глядя на счастливого Джисона, который все еще принимал поздравления и радостные похлопывания по спине.

Вечером Сан, немного волнуясь, официально поздравила победителей, почему-то особенно гордясь «своими» спортсменами из университета Хонгик. Она с улыбкой наблюдала, как искренне радуются студенты, которые так стремились к своей цели и в итоге получили заслуженную награду. Но не все были довольны результатом. Буферам досталось третье место в заплыве на четыреста метров, и она выглядела заметно расстроенной. «Наверное, ее сиськи ко дну тянули», – со злорадством подумала Сан, но тем не менее натянула вежливую улыбку и поздравила ее тоже. Среди студентов в спортивных костюмах с эмблемами университета она в алом платье до колен была в глаза, как габаритные огни в непроглядную ночь. Взгляды большинства присутствующих были устремлены на Сан – уж слишком она привлекала внимание, но ей было наплевать, даже когда девчонки с замаскированной презрением завистью смотрели на нее. Да пусть завидуют! Такое платье они не смогут себе позволить, даже если накопят стипендию за весь год! Джисон смотрел на нее как-то настороженно, словно не мог решить, стоит ли позволить себе открыто восхищаться яркой внешностью девушки или сделать вид, что его не трогает ее бросающая красота.

Сан ленивым движением откинула длинную прядь за спину, подошла к нему и поправила висевшую на шее медаль, едва заметно коснувшись пальцами его груди. Призывно улыбнулась, проверяя его реакцию. Глаза парня вспыхнули, и она удовлетворенно ухмыльнулась, инстинктивно чувствуя свою власть если не над его сердцем, то над телом точно. Ей нравилась мысль, что он побежит за ней, стоит только поманить. Пожалуй, давно ей не попадались такие колоритные парни. Может, и правда не стоит его отталкивать? Можно и поиграть немного. Хотя зачем ей это? Вдруг не отвяжется. Но в очередной раз потешить самолюбие было приятно.

Сан сказала несколько стандартных поздравлений всем участникам, особенно выделив Джисона. Поблагодарила организаторов соревнований и руководство университета Хонгик за возможность присутствовать на таком значимом и интересном мероприятии.

Глядя на счастливых студентов, которые разглядывали свои медали, Сан чувствовала, какая мощная энергия радости исходит от них. Как жаль, что зачастую ей приходится испытывать на себе только

негативные эмоции смертных. А от некоторых еще и угрозы с ненавистью. Но сейчас не хотелось думать о плохом.

После награждения декан Университета Кёнсан подошел к Сан и предложил присоединиться к вечеринке, которую устраивали для преподавателей и представителей всех университетов-участников. Она помнила этого приземистого немолодого мужчину еще с конференции по истории позднего Чосона, и уже тогда он пялился на нее, едва успевая подтирать слюни. Сан вежливо отказалась, представляя, что начнется, если он выпьет. Нет, нельзя портить такой прекрасный день неприятными инцидентами. Завтра утром она уже сядет в автобус до Сеула и наконец-то вернется в любимую квартиру. Через несколько дней уступит свое место выздоровевшему профессору Квону, а затем вернется к привычной жизни и будет время от времени с теплотой вспоминать влюбленного в нее Джисона и маленькое приключение в виде неожиданной преподавательской деятельности.

Ребята устроили на крыше вечеринку с барбекю, а Сан приняла душ и наконец легла в кровать. Ей хотелось поскорее уснуть, чтобы быстрее настало утро и их долгожданный отъезд. Однако очень скоро она поняла, что поспать ей сегодня не удастся. Обалдевшие от радости студенты шумели так, что не спасали даже наушники. Наверху постоянно двигались стулья, словно все они ежесекундно вскакивали с мест. Сан открыла глаза и зло посмотрела в темный потолок. Взрывы хохота и женские визги чередовались со скрипом ножек стульев по полу и грохочущей музыкой. Просто ад какой-то!

Сан рывком села в кровати и собралась было устроить им разнос, но вовремя спохватилась, что будет выглядеть, как ворчливая старая бабка. Ну и справедливости ради надо сказать, что ребята действительно заслужили вечеринку, ведь университет Хонгик выиграл пятнадцать наград в разных видах спорта. Да и вряд ли она одна сможет угомонить эту оргию.

Поэтому вздохнула, мужественно признала тот факт, что поспать ей сегодня не судьба, и вышла в общую комнату, чтобы сварить кофе. Она смотрела, как темно-коричневая жидкость медленно течет в чашку, и вдруг услышала, что дверь наверху с грохотом распахнулась, и несколько пар ног потопали вниз. Поспешно взяв кофе, Сан уже направилась в комнату, как вдруг услышала:

– Госпожа Ким! Пойдемте к нам!

Она повернулась и увидела Джисона вместе с одним из студентов, имени которого она не запомнила. Судя по их покрасневшимся лицам, они уже прилично выпили. Джисон посмотрел на ее шелковый халат и голые ноги в домашних тапочках.

– Я хочу спать, очень устала сегодня, – вежливо улыбнулась она и открыла дверь своего номера, но парни уже оказались рядом. Джисон мягко, но настойчиво закрыл дверь и посмотрел на нее в упор. Его взгляд был каким-то горячечным, глаза блестели, но пьяным он не выглядел.

– Бросьте, госпожа Ким! Это и ваша победа тоже, вы же были вместе с нами все это время! – канючил друг Джисона. – Пойдемте! Ну пожалуйста!

Рука Джисона все еще лежала на дверной ручке, и отпускать ее он не собирался, хоть и не сказал ни слова.

Сан была в замешательстве. С одной стороны, ей совершенно не хотелось опять возвращаться во времена буйных студенческих попоек, которые она проходила много раз. Но с другой, все равно ведь уснуть уже не удастся. К тому же ей хотелось посмотреть на Джисона рядом с Буферами и понять, как развиваются их отношения и развиваются ли они вообще. Поэтому она поднялась с парнями на крышу вместе со своим кофе и решила, что просто немного побудет там, но пить не станет.

Наверху царил светопреставление. Грохотала музыка, дым от жарящегося мяса смешался с сигаретным. На крыше была оборудована очень симпатичная зона для барбекю с диваном и креслами на открытом воздухе и затянутой плотным полиэтиленом каркас для беседки, посередине которой стоял длинный стол и стулья. Студенты орали, смеялись, пели, дергались в некое подобие танцев, курили, матерились, обнимались и целовались.

Сан немного опешила и замешкалась у дверей. Джисон слегка подтолкнул ее вперед и, улыбнувшись, прошел дальше, включаясь во всеобщее веселье. Буфера мгновенно оказались рядом. Кинув на Сан неприязненный взгляд, девчонка по-хозяйски обняла его за талию со спины. Сан едва не раздавила в руках горячую чашку. Вот мерзавка!

– Проходите, госпожа Ким! – крикнул ей один из парней, подбежал и отодвинул для нее стул. – Джисон купил для всех мяса в честь своего золота, будете?

– Нет, спасибо, я уже ужинала, – выдавила Сан, чувствуя себя абсолютно лишней на этом празднике жизни.

Ладно, можно посидеть немного, а потом незаметно уйти. Мало кто заметил ее присутствие, и она не понимала, для чего ребята вообще ее позвали. Джисон даже не смотрел в ее сторону, мастерски разливал по стаканам соджу вместе с пивом, делая корейский ёрш. Буфера прилипли к нему, и время от времени рука девчонки бесстыдно спускалась на его ягодицы. Сан чувствовала, как начинает медленно тлеть, но сдерживалась. Нужно с достоинством выдержать это испытание, иначе она сама обесценит сказанные вчера на пляже слова. Может, мальчишка специально позвал ее сюда, чтобы продемонстрировать свои новые отношения и вывести на эмоции? Если Сан сейчас даст волю чувствам, то это подпитает его фантазии, и он решит, что она к нему равнодушна. Этого нельзя допустить.

Поэтому девушка встала из-за стола, обогнула веселящихся студентов и вышла из беседки на открытую часть крыши. Там царил разгул разврата, она едва не наткнулась на любвеобильную парочку, самозабвенно целующуюся возле ограждения. Переступая через валяющиеся пустые бутылки, Сан подошла к относительно свободному участку и облокотилась на парапет. В нескольких шагах от нее стояла группа парней, которые что-то негромко обсуждали, то и дело оборачиваясь на оставшихся в беседке ребят.

– Ну и урод, как же он бесит! Думает, если выиграл золото, то ему все можно?

– Опять Джисон отхватил самую красивую девчонку...

Сан прислушалась и слегка повернула голову, наблюдая за участниками диалога.

– Юнсо ведь меня из-за него бросила. Тупой придурок, – сплюнул на пол парень в белой футболке, которая ярким пятном выделялась в ночной темноте. – Откуда только взялся! Да что с него взять, приютское отродье. Надо его проучить, чтобы девок наших не трогал.

– Вот именно! Раз нет родителей, пусть знает свое место и не высовывается, будто он нам ровня.

Сан почувствовала такую злость, в сравнении с которой ревность из-за соплячки с буферами померкла. Она сжала зубы и пошла на парней. Намеренно столкнувшись с тем, что был в белой футболке,

выплеснула на него еще не успевший остыть кофе и мстительно улыbnулась.

– Ащ-щ! Смотри, куда прешь! – разъярился парень.

– Горячо? – невинно поинтересовалась Сан. Глаза привыкли к темноте, и она отчетливо видела ярость на его лице.

– Ты слепая, что ли? Совсем сдурела? Да ты хоть знаешь, сколько это стоит! – плевался ядом пацан. Видимо, в темноте он не узнал своего сопровождающего.

– Тише, она преподша из нашего универа, – шепнул ему на ухо друг, и придурок немного остыл.

Сан подошла вплотную к озлобленному парню и ткнула его пальцем в грудь.

– Да, я препод и, кстати, тоже сирота, но, к счастью, не такое отстойное дерьмо, как ты. Денег у меня полно, могу оплатить химчистку или купить тебе новое шмотье. Скажи, куда его прислать.

Она обогнула ошарашенных парней и отправилась к беседке. Развернувшись на полпути, сказала:

– И мой тебе совет: не будь неудачником. Может, тогда Юнсо перестанет виснуть на Джисоне и вернется к тебе.

Не глядя ни на кого, она спустилась с крыши на свой этаж и вернулась в номер, громко хлопнув дверью. Зачем она это сделала? Вот какое ей дело до того, что говорят о Джисоне за спиной? Это его проблемы. Но почему-то это очень взбесило, и она никак не могла успокоиться.

Интересно, наступит ли время, когда в Корее перестанут с презрением относиться к сиротам? Перестанут такое огромное значение придавать роду, клану, семье. Сан как никто другой знала, как болезненно не знать свои корни, но это не помешало ей состояться в жизни, не сделало моральным уродом или человеком второго сорта, какими общество считало детей без родителей. Мир так стремительно меняется, технологический прогресс несет человечество далеко вперед. Люди осваивают космос, при этом сохраняя архаичное, дремучее сознание и судорожно цепляясь за традиции. Но Сан была убеждена, что традиции, которые унижают достоинство человека, ограничивают его свободу и личность, нельзя сохранять. От них нужно избавляться, потому что именно они тянут людей в прошлое, заставляя постоянно оборачиваться назад вместо того, чтобы смотреть вперед.

Этой ночью она спала спокойно. Злобный Мин не появлялся уже вторую ночь, как будто знал, что она в поездке, и дал ей передышку.

Следующим утром Сан наконец-то села в автобус и без сожалений простилась с Пусаном. Все-таки столица, пусть холодная и равнодушная, была ей ближе и роднее любого другого города мира. За триста лет она успела пожить и в Америке, и в Европе, и даже какое-то время в Бразилии, но Сеул остался ее любовью.

Она написала Хери, что выезжает, и сердито посмотрела на Джисона, который сел рядом с Буферами. Видимо, они уже официально стали парой, и девчонка, упиваясь своей победой, липла к нему, как жвачка. Остальные студентки с завистью косились на то, как она поправляет ему волосы и что-то шепчет на ухо. Интересно, по какой причине Джисон выбрал именно ее? Она производила впечатление довольно примитивной пустышки, а он не выглядел парнем, которому будет интересно с такой девушкой. Хотя, возможно, Сан ошиблась, и Юнсо обладала богатым внутренним миром, который тщательно скрывался под оболочкой пустоголовой красотки. Видимо, Джисон все-таки умудрился его разглядеть.

Вчерашний придурок с крыши покосился на Сан и сел впереди. Адрес, куда отправить новую одежду, он так и не сообщил. Ну, ей же лучше.

Автобус тронулся в путь, Сан воткнула в уши наушники и закрыла глаза. Откинула сиденье назад, удобно вытянула ноги и приготовилась спать под мелодичные песни к-поп исполнителей.

Но как только почувствовала, что проваливается в сон, сразу же услышала Зов. От знакомого ощущения, будто кто-то тянет ее невидимыми клещами в неизвестность, стало не по себе. Вокруг была темнота, она будто парила в невесомости и не могла нащупать опору под ногами. Пошевелившись, девушка ощутила мягкие теплые волны и соль на губах. Она в воде? Осторожно открыв глаза, Сан увидела, как солнечные лучи проникают с поверхности, освещая подводный мир.

Осмотревшись, увидела на глубине качающиеся водоросли, бугристые рифы и стайки разноцветных рыбок. Завороженная красотой причудливых кораллов, окрашенных в невероятные цвета, Сан поплыла вперед на зов души. Разрезая руками густую толщу воды, она обогнула риф и увидела на глубине дом, издавна напоминавший

ханок. Девушка устремила к нему, уже понимая, что опять попала в сон Мина.

Приблизившись, медленно оплыла здание, невольно любясь водорослями, которые выглядывали из открытых окон и створок дверей; замшелой ярко-зеленой крышей и стайками оранжевых рыбок, метавшихся по пустому двору. Ханок выглядел, как затонувший корабль, хранивший множество тайн. Она ощущала, что негодный Мин совсем рядом, но пока не видела его.

– Ты снова здесь? – неожиданно раздался за спиной знакомый голос, и она обернулась. Тяжелый взгляд мужчины обездвижил ее, и Сан застыла, качаясь на волнах. Однако помимо привычной злости в его глазах мелькнуло недоумение, словно он сам не ожидал вновь увидеть ее.

– Явился! – цокну ла Сан. – Что опять? Еще какую-нибудь гадость хочешь мне показать?

– Вообще-то нет, – скривился он. Интересно, что изо рта не вырывались пузырьки воздуха, и под водой они говорили так, будто находились на земле. – Хотя я могу чего-то и не помнить.

– Тогда пошли, – Сан качнула головой в сторону ханока. – Или боишься?

– Чего мне бояться! – фыркнул мужчина и посмотрел на приоткрытую дверь, из которой высовывались зеленые щупальца водорослей, словно приглашая зайти. – После того, что ты сделала, меня уже ничем не удивишь.

Сан взялась за скользкое дверное кольцо одновременно с Мином, ощутив теплую ладонь на своих пальцах. Мужчина брезгливо отдернул руку, будто коснулся таракана, и она почувствовала, как болезненно дернулось сердце от этого жеста. Неужели она так ему отвратительна?

– Не трогай меня! – вспыхнула она, пытаясь гневом замаскировать обиду.

– Очень надо! Случайно получилось, – скривился он и холодно вздернул брови. – Ты заходишь или нет?

– Можно подумать, у меня есть выбор, если ты опять затащил меня в свой сон!

– Ничего страшного, потерпишь. Наверное, это твое наказание, – злорадно усмехнулся Мин, а Сан внезапно подумала: что, если и правда ее «работа» и бессмертие планировались как расплата за что-

то? Ведь несмотря на то, что она кайфовала от своей жизни, попадать в кошмары было нелегким делом, и каждый раз это оставляло шрамы на сердце. Нет, глупости. Во-первых, никаких смертных грехов она не совершала, во-вторых, на наказание это мало походило, ведь Сан не тяготило бессмертие, она им наслаждалась.

Открыв дверь, молодые люди оказались вовсе не в комнате, а посреди многолюдного двора. Фонтан посередине, деревянный мостик, соединяющий две части большого дома, красные фонари... Они вновь очутились в гёбане и сейчас стояли на том самом месте, где пару дней назад Сан залепила Мину пощечину. Во дворе было шумно, слышался смех нарядных кисен и громкие возгласы гостей. Видимо, гулянье было в самом разгаре.

Сан посмотрела на своего спутника, но мужчина не повернул головы. Он выглядел растерянным, а напряженно сдвинутые брови говорили о том, что он удивлен.

– И что дальше? – спросила Сан, но он только неопределенно пожал плечами, увернувшись от подвыпившего аристократа в съехавшей на бок шляпе. – Ты видишь это впервые?

– Да, – односложно ответил он, внимательно вглядываясь в мужчину и женщину, стоявших на мостике. – Нам туда.

Огибая пьяных дворян, они пошли в указанном направлении, и вскоре в двух незнакомцах на мосту Сан узнала и себя прежнюю, и прошлое воплощение Мина. Мужчина качался, и если бы не держался за деревянные перила, то точно свалился бы в пруд.

– Зачем ты столько выпил? – голос Сан-кисен был строгим, она смотрела на своего собеседника с холодным разочарованием. Что странно, обращалась она к нему неформально, хотя в их предыдущую встречу была вежлива и почтительна. Сан-бессмертная осторожно обошла парочку с другой стороны и с замиранием сердца посмотрела в свое же лицо. Оно выглядело еще совсем юным, на вид ей было не больше восемнадцати. Значит, эта встреча произошла за несколько лет до той безобразной сцены со шпилькой.

– Не знаю, Сан... – Мин из прошлого едва фокусировал взгляд на своей спутнице.

– Вам нужно вернуться домой, – сказала Сан уже более официально. – Ваш отец отругает вас, если опять останетесь в гёбане.

– Мне все равно! Как будто ты не знаешь, почему я прихожу сюда каждый день! – пьяно взмахнул рукой Мин. – Почему ищу утешения в объятиях других женщин! Они мне не нужны, мне нужна только ты!

Он схватил кисен за плечи и наклонился, чтобы поцеловать, но она оттолкнула его. На ее лице явственно проступило отвращение.

Вот оно что! Значит, этот придурок был влюблен в нее! Сан бросила на нынешнее воплощение Мина уничтожающий взгляд и ехидно скривилась, наслаждаясь обескураженным выражением его лица. Он-то считал, что она за ним бегала и готова была на все ради того, чтобы остаться рядом, а на самом деле инициатором этих странных отношений был он сам!

– Вы пьяны, господин, не говорите того, о чем завтра пожалеете, – сказала кисен и отвернулась, но аристократ схватил ее за руку.

– Неужели ты все еще не можешь забыть его? – горячо зашептал он, отчаянно сжав девушку в объятиях. Она не отталкивала, но и не обнимала в ответ, будто терпеливо переживала этот шквал эмоций. – Он поступил как трус, бросил тебя в тот момент, когда ты так нуждалась в поддержке! Кто остался с тобой? Я!

– Не смейте так о нем говорить! – кисен вырвалась, ее глаза гневно сверкали и, казалось, она сейчас снова влепит ему пощечину. – Вы не имеете права судить его!

– Да? – Мин будто враз протрезвел и зло посмотрел на девушку. – Благодаря кому ты сохранила достоинство? Это я заплатил хозяйке гёбана, чтобы мужчины не трогали тебя!

– Я благодарна вам за помощь и никогда не забуду того, что вы для меня сделали, – Сан-кисен глубоко поклонилась и, казалось бы, взяла себя в руки. Ее тон стал мягче, и глаза уже не сверкали такой яростью. – Но я не позволю вам осквернять его имя.

– И все? Все, что ты испытываешь ко мне – лишь благодарность? Неужели ты совсем ничего ко мне не чувствуешь? – голос мужчины упал до шепота, руки опустились.

В голове Сан всплыли недавние слова Джисона, которые Мин повторил слово в слово.

– Господин, мы знаем друг друга много лет, и я всегда уважала вас, – кисен говорила медленно, будто с трудом подбирала слова. – Если бы не вы, не знаю, что бы со мной было. Кроме вас у меня никого не осталось, и я не хочу терять нашу дружбу. Но я не могу приказать

своему сердцу не чувствовать боль, разочарование и утрату. Прошу вас, поймите, мне нужно время, чтобы приспособиться к новой жизни и забыть человека, которого так долго любила.

– Обещай, что когда-нибудь полюбишь меня так же сильно, как и его. Мне нужна эта надежда! – страстно зашептал Мин, жадно ища в ее глазах признаки нежных чувств.

Кисен вздохнула, улыбнулась немного грустно и, взяв его за руку, сказала:

– Сегодня можете остаться в моей комнате. Не ходите к другим женщинам.

Она повернулась к нему спиной и направилась к комнатам гёбана. На лице мужчины проступило робкое неверие, но он тут же бросился вслед за ней, оставляя Сан и хозяйина сна одних посреди гудящего двора.

– Ну, что теперь скажешь, господин Мин? – она щелкнула пальцами, наслаждаясь потрясенным выражением его лица. – Оказывается, это ты был от меня без ума и прохода мне не давал. А я вообще любила другого чувака. Так и знала, что все те воспоминания – просто бред твоего воспаленного сознания. Как и мнимое убийство твоей жены.

– Не может быть! – качал головой мужчина, напряженно о чем-то размышляя. – Это не могло быть ошибкой. Я сотни раз видел эти сны, переживал ее смерть снова и снова!

– Давай успокоимся и все обсудим. Для начала, как тебя зовут и где ты живешь? Нам лучше встретиться в реальности, так будет проще выяснить наше прошлое.

– Ну уж нет, избавь меня от твоего присутствия еще и в обычной жизни, мне вполне достаточно тебя здесь, – он обвел рукой двор гёбана.

– Ну ты и засранец. Ты только что сам видел, как чуть ли не в ногах у меня валялся, умоляя о любви. А теперь опять за старое? – вскипела Сан, воинственно скрестив руки на груди. Ее так и подмывало хорошенько его чем-нибудь огреть. А потом уединиться с ним в одной из комнат гёбана.

– Я заплатил, чтобы тебя не трахали другие мужики, – снисходительно выдавил он, опять глядя на нее как на насекомое.

– Ага, чтобы трахать самому. Как мило! А главное, благородно. Поступок, достойный истинного аристократа. Наверное, я должна рассыпаться в благодарностях?

Мин фыркнул и отвернулся. Ответить-то на это было нечего.

– Давай-ка проясним кое-что, – Сан демонстративно встала перед ним, и он вынужден был посмотреть на нее. – Ты стал моим покровителем в гёбане, признался в любви и умолял о взаимности. Потом, когда эту взаимность получил, завел другую бабу и женился на ней, а меня кинул. Я ничего не упустила?

Он фыркнул и опять отвел взгляд.

– И, если принять твою версию с убийством жены за правду, даже после всего, что мы сейчас видели, ты продолжаешь считать меня чудовищем? А кто же тогда ты? – Сан ткнула его в плечо, пытаясь обратить на себя внимание. Ей хотелось увидеть его глаза. Почему-то даже сейчас она нуждалась в том, чтобы он хоть раз посмотрел на нее без неприязни и ненависти. Ей нужно было знать, что сейчас он думает иначе!

– Я начал видеть эти сны полгода назад, когда в автокатастрофе погибла моя жена, – медленно произнес он, испепеляя Сан тяжелым взглядом. – У моей жены в прошлом и настоящем было одно лицо. Она тоже переродилась, чтобы соединиться со мной в другой жизни, но судьба опять отняла ее у меня.

– Сочувствую тебе, но в смерти твоей жены в настоящем я уж точно не виновата. У меня даже водительских прав нет! – Сан покорила его слова. И ей стало немного стыдно за то, что так поверхностно отнеслась к его переживаниям. Но сейчас больше всего ее волновали собственные чувства, которые вспыхивали, как факел, каждый раз, когда она смотрела на этого мужчину. Мужчину, который ненавидел ее за то, чего она даже не совершала. Или не помнила.

– Знаю. Но не могу избавиться от неприязни к тебе. Она возникает сама собой, будто это заводские настройки. Вот сейчас я понимаю, что, возможно, все не так однозначно, как я считал раньше, но все равно смотреть на тебя невыносимо. Это словно заложенная кем-то программа.

Мужчина тяжело вздохнул и отвернулся. От его слов сердце затрещало по швам, и где-то глубоко внутри задрожала, просыпаясь, забытая боль. Настолько сильная, что Сан схватилась за грудь, боясь,

как бы ее не разорвало на части. Как будто из-под огромной толщи льда рвались наружу погребенные эмоции, черным дымом сочились сквозь трещины, отравляли душу.

Сан задыхалась, голова кружилась. Не устояв на ногах, она осела на деревянное покрытие моста и повторяла про себя: «Пора возвращаться. Пора возвращаться». Она уже слышала шум автобуса и голоса студентов, но что-то словно удерживало ее на месте, не давая вернуться в свое сознание. Мин присел рядом на корточки и с беспокойством заглянул ей в глаза. Его лицо то расплывалось, то вновь приобретало четкие очертания. Он протянул руку и, поколебавшись, коснулся ее плеча.

– Ты в порядке? Что случилось?

В голове звучал другой голос: «Сан! Ким Сан! Очнись! Приди в себя!» Она закрыла глаза и, держась за этот голос, вернулась в реальность. Первое, что она увидела, были вытаращенные глаза Джисона и склонившиеся над ней лица студентов. Ее лихорадило и тошнило.

– Госпожа Ким, вам плохо?

– Как вы?..

– Откройте дверь, ей надо на воздух.

Перед глазами все плыло. Сан поднялась на ноги и, шатаясь, устремилась к выходу. Кто-то шел следом, спрашивал о самочувствии, говорил о том, что надо вызвать парамедиков. Сан вывалилась из салона, и яркое солнце полоснуло по глазам. Едва она оказалась на улице, ее вывернуло три раза подряд. Все расплывалось от слез и удушающей боли, которая последовала за ней из сна. Чьи-то руки заботливо гладили ее по спине и держали волосы.

Когда она немного отдышалась, то подняла голову и увидела встревоженного Джисона.

– Ты в порядке? – в больших глазах плескался страх.

– Да... Укачало, наверное, – просипела она. Горло саднило, и невыносимо хотелось пить.

– Возьми, – парень протянул ей открытую бутылку с водой. Он смотрел настороженно и будто бы с подозрением.

– Спасибо.

Сан вытерла рот тыльной стороной ладони и вернула воду. Джисон медленно принял из ее рук бутылку и тихо спросил:

– Кто такой господин Мин?

P.S. 4

Джисон взял пульт и поднял шторы дувшего прямо в шею кондиционера. Он устало потер глаза и посмотрел на время. Почти четыре утра, поспать бы немного, а потом уже собираться в дорогу. Соревнования как всегда вызывали азарт и желание выиграть, и Джисон не сомневался в том, что принесет победу своему университету.

Он посмотрел на экран ноутбука, где готовил для Сан «презентацию». Как она отреагирует на нее, когда увидит? Дрожь волнения прошла по телу. Может, не стоит этого делать? На телефоне пиликнуло оповещение от Ынсу. Она обещала завтра на занятиях передать Ким Сан флешку с его проектной работой и просила Джисона принести ее утром в общежитие.

Осталась всего пара штрихов, но он не знал, как закончить. Из размышлений его вырвал ввалившийся в квартиру вдрызг пьяный Юрий. Шатаясь в прихожей, он кое-как снял ботинки и, держась за стену, вошел в комнату.

– Ты сегодня рано, – сказал Джисон, наблюдая за попытками друга снять с себя рубашку и брюки. Пуговицы никак не хотели расстегиваться, и Юрий злился. Наконец, плюнув, он как был, одетый, плюхнулся на свой диван и застонал.

– Выключи кондер... У нас же будут огромные счета за электричество.

– На улице под сорок, а здесь вообще можно свариться, – прокомментировал Джисон, но все же уступил другу и нажал на кнопку пульта.

– Как стать таким же везучим, как ты? – Юрий прикрыл глаза ладонью, а затем мотнул головой и медленно сел. – Эти попойки убьют меня раньше, чем я успею продолжить свой род.

– Все в твоих руках, – хмыкнул Джисон, думая о том, что друг и не подозревает, с каким «везунчиком» живет. А если бы узнал, то бежал бы от него без оглядки.

– Как же мне плохо... – Юрим встал на ноги и нетвердой походкой направился к холодильнику за водой. Жадно отпив из горлышка, спросил: – Сколько выходных тебе дали?

– Три, и то еле выпросил. Суббота и воскресенье – самые жирные дни.

– Чем занимаешься? Неужели все еще изображаешь из себя отличника? – друг кивнул на раскрытый ноутбук и допил воду.

– Типа того, – улыбнулся Джисон и, немного подумав, набросал последние штрихи в своем послании для Сан.

Сохранил файл и, поколебавшись, переименовал его. Вспомнит ли она все?

Глава 5

Неожиданная встреча

Сан едва дождалась, когда они приедут в Сеул. Чувствовала она себя паршиво, ее мутило, и страшно болела голова. Джисон пересел поближе к ней и постоянно тарасился с таким видом, будто она вот-вот хлопнется в обморок или упадет замертво. Буфера, конечно же, последовали за ним и время от времени капризно дергали его за рукав, пытаясь обратить на себя внимание.

Атмосфера в автобусе стала напряженной, студенты притихли, неприятно пораженные инцидентом с Сан. А она отсчитывала минуты до возвращения. Хотелось спать, но закрыть глаза было страшно: вдруг опять провалится в кошмар Мина. Сан уже сомневалась, что действительно бессмертна, потому что после каждого попадания в его сон чувствовала себя все хуже и хуже. И на восстановление требовалось все больше времени. Что, если это не прекратится? Будут ли у нее силы вернуться назад, или она навечно застрянет в одном из его проклятых кошмаров, раз за разом переживая одну и ту же историю?

Она нуждалась в помощи и первым делом написала Хери. Та ответила, что в этом случае бессильна, но обещала поговорить с Джумоком. Сан слабо улыбнулась: ради подруги девчонка готова была наступить на горло своей гордости и на время забыть старые обиды.

Наконец, около часа дня автобус остановился на парковке возле универа. Еще из окна Сан увидела ждавшую ее Хери. Пока студенты разбирали свои чемоданы из багажного отделения, девушки отошли в сторону и тихо заговорили.

– Никогда не думала, что скажу это, но выглядишь ты паршиво, – ведьма обняла Сан за плечи, с тревогой всматриваясь в ее лицо. – Воду пила?

– Да, Джисон дал, а что, это важно?

– Конечно! Это азы магии, нужно выпить много воды, чтобы сбалансировать энергию... погоди, ты сказала Джисон? – девчонка округлила глаза. – Тот парень из клуба?

– Тише! – шикнула на нее Сан, оглянувшись – Да. Я преподаю в его группе.

– И молчала! Ты почему ничего не рассказала, партизанка? – подруга выглядела оскорбленной до глубины души.

– Из головы вылетело, – честно призналась Сан. – Я была так занята этими снами, что забыла.

Хери не выглядела убежденной ее словами и подозрительно прищурилась, скрестив руки на груди.

– Да правду говорю. Это не особо важное событие и не стоит внимания. Ну хватит дуться! – Сан слабо улыбнулась, потрепав Хери по рыжей макушке.

– Какое необычное совпадение... Думаешь, ваша встреча – случайность?

– А что, считаешь, он попросил профессора Пака позвонить мне и уговорить замещать его преподавателя? – ухмыльнулась Сан и, заметив, что Джисон катит ее чемодан к ним, с досадой цокнула языком. – Ну что за... Вот кто его просил? Ащ-щ!

Хери обернулась, с интересом рассматривая ухажера подруги.

– Тебе лучше? – спросил он, когда подошел к ним.

– Я и сама могла достать свой багаж. Он же не тонну весит, – недовольно ответила Сан. Если уж начал встречаться с одной девушкой, так нечего проявлять внимание к другой. Бабник!

– Ну что ты, не благодари, – криво ухмыльнулся парень и повернулся к Хери. – Привет, как дела?

– Отлично, а как поживает Юрим? – ведьма вскинула голову и хитро улыбнулась.

– Два дня его не видел, но когда уезжал, он был в норме. О тебе вспоминал недавно. Может, как-нибудь встретимся вчетвером? – Джисон с надеждой посмотрел на Сан.

– Двойное свидание? А свою новую девушку на него тоже позовешь? Она, кажется, что-то подозревает, вон как испепеляет нас взглядом, – Сан кивнула за его спину. Как ни пыталась она выглядеть равнодушной и хладнокровной, но не удержалась от язвительного замечания, за что тут же мысленно отругала себя последними словами. Хери с вежливым любопытством наблюдала за ними и едва заметно ухмылялась.

– Она не моя девушка, – ответил Джисон, и в его глазах заплясали озорные искорки. Понял, что ей неприятны его новые отношения.

– Какое разочарование! Она-то, наверное, считает по-другому после того, как вы переспали, – Сан несло, и она с ужасом осознала, что не может остановиться. Страшно хотелось узнать, действительно у них что-то было или нет.

– Ну... секс не повод для отношений, тебе ли не знать.

Джисон дернул бровями, насмешливо поклонился девушкам и ушел.

– Не похоже на тебя. Ты что, запала на него? – Хери повернулась и вместе с подругой наблюдала, как он берет за руку надутые Буфера и уходит с парковки.

– Нет, конечно, просто он меня бесит. Хочу его держать при себе и понимаю, что не могу этого сделать, – Сан потерла лоб. Голова стала болеть меньше, но все равно сознание оставалось каким-то мутным.

– Почему? Боишься привязаться? Так-то он ничего. При дневном свете выглядит даже лучше, чем в клубе.

– Он признался мне в любви и сказал, что хочет серьезных отношений. Тут не о чем думать, надо бежать.

Хери покачала головой.

– Отчасти я тебя понимаю, но не знаю, смогла бы держаться на расстоянии от человека, который мне нравится. Ты ведь сама говорила, что надо жить полной жизнью и ни в чем себе не отказывать!

– Все слишком сложно, – с досадой отмахнулась Сан. – Во-первых, я бессмертная. Мне придется все время контролировать себя, чтобы чего-нибудь не ляпнуть. А через несколько лет опять переезжать, менять документы и так далее...

– Я же не говорю, чтобы ты встречалась с ним до старости. Ну, в смысле до его старости, – уточнила Хери, открывая приложение на телефоне, чтобы вызвать такси. – Так, месяц-другой потуси и брось.

– Не знаю, – вздохнула Сан и присела на свой чемодан. – Мне кажется... Только не ори... Я вроде как люблю другого.

– Чего?! – Хери едва не выронила сотовый и гневно уперла руки в бока. – Ты точно моя подруга?

– Тише, голова болит, – Сан состроила страдальческую гримасу, чтобы разжалобить подругу. – Просто я сама не уверена. Но, кажется, что-то чувствую к чуваку, который терроризирует меня во снах. Сначала мне казалось, что это чужие эмоции, а сейчас... так сердце болит, когда думаю о нем.

– Ну ты даешь, я даже не знаю, что сказать, – Хери вздернула брови и посмотрела за спину Сан. – Такси приехало. Давай сначала отвезем тебя домой, ты отдохнешь и все мне расскажешь, а потом вместе подумаем, что делать.

Дома все тревоги как будто растворились, и ноющее чувство в груди немного ослабло. Сан долго стояла под душем, прокручивая в голове очередное воспоминание и прислушиваясь к своим ощущениям. Лицо Мина преследовало ее, стояло перед глазами, заставляя сердце то пускаться галопом, то сжиматься от сквозившей в его взгляде неприязни. Он сказал, что ненависть к ней – словно вшитая программа. Сан застонала, схватившись за грудь. Больше всего на свете хотелось, чтобы он перестал смотреть на нее как на насекомое. Чтобы увидел, какая она красивая, умная, интересная. Но, кажется, это невозможно. Во всяком случае, пока. Так хотелось узнать, где же он сейчас, встретиться, поговорить и сделать все, чтобы в его глазах появилась хоть искорка тепла.

Сан несколько раз поворачивала кран, пуская холодную воду, хоть немного проясняющую мысли. Вытерев запотевшее зеркало, посмотрела на свое унылое лицо. Сейчас она, кажется, выглядела на все свои триста двенадцать лет.

Надев мягкий халат, вышла в гостиную и увидела Хери, которая что-то увлеченно писала в телефоне. Плюхнувшись рядом с ней на диван, Сан спросила:

– Кому это ты с таким ожесточением строчишь?

– Джумоку, – не поднимая головы, ответила подруга.

Брови Сан поползли вверх.

– Кажется, в ваших отношениях наметился стратегический перелом?

– Ничего подобного, – вскинулась Хери и бросила на нее сердитый взгляд из-под нахмуренных бровей. – Тебя обсуждаем. Других ведьмаков я не знаю, а Джумок – то, что нужно в твоей ситуации.

– Ну-ка, поподробнее. – Сан прошла на кухню, достала из холодильника бутылку воды с лимоном и вернулась обратно.

– Когда ты попадаешь в эти сны, похоже, у тебя происходит энергетический дисбаланс. Не знаю, виной тому конкретно этот мужчина или ваше общее прошлое, но ты теряешь силы. Джумок – шаман, вся эта энергетическая фигня как раз его профиль, так что сегодня мы встречаемся с ним в кафе его мамы.

Сан едва не захлебнулась водой.

– Зачем это? Он что, прямо в кафе колдовать будет?

– Нет. Он отдаст тебе амулет для сохранения энергии, – терпеливо объяснила Хери. – К тому же он очень заинтересовался, когда узнал, что ты ловец снов, и хочет о чем-то тебя расспросить. Это нужно для дела, не праздный интерес, так что не беспокойся.

Сан отметила, что Хери стала говорить о Джумоке как-то иначе. Куда делись язвительность и издевки? Она едва заметно хмыкнула, радуясь, что подруга начала оттаивать. Сан понимала, что ведьма очень одинока, и, какими бы близкими подругами они ни были, для нее этого недостаточно. Ей нужна мужская опора, поддержка и внимание. Джумок в этом плане – идеальный вариант, потому что понимал ее как никто, да и сам был таким же чудиком. Вот бы они помирились...

– Чего это ты ухмыляешься? – подозрительно покосилась на нее Хери, на секунду оторвавшись от телефона.

– Во сколько нам нужно быть в кафе? – проигнорировав вопрос, спросила Сан.

– В девять. Он закроет твой магазин и сразу же поедет туда.

– Отлично, тогда я немного вздремну. Разбудишь меня?

– Посидеть с тобой, пока ты не уснешь? – Хери отложила телефон и серьезно посмотрела на подругу. Сан благодарно улыбнулась. Девчонка искренне беспокоилась о ней. Рядом с ней Сан чувствовала, будто у нее есть семья.

– Не надо. Вряд ли Мин решит вздремнуть днем одновременно со мной.

Она шутливо махнула подружке и ушла в спальню. Задернула шторы, скрываясь от бьющего в окна солнца, и легла в кровать. На самом деле, засыпать было страшно, но она чувствовала такую слабость, что все равно вырубилась бы на диване. Поэтому закрыла глаза и три раза глубоко вздохнула, успокаивая сбивавшееся с ритма сердце.

Послышались осторожные шаги, а затем тихо скрипнул пуф в изножье кровати. В душе разлилось тепло и спокойствие. Хери рядом, все будет хорошо.

Кафе мамы Джумока оказалось обычной, среднестатистической забегаловкой, где готовили куриные ножки и подавали соджу с макколи. Контингент был самый разнообразный: от студентов до почтенных и очень громкоголосых аджосси. Девушки не торопились заходить, решив сначала дождаться Джумока. Сан опять чувствовала себя белой вороной из-за того, что на нее пялились как прохожие, так и посетители щиктана, видевшие ее через двери. Почему в последнее время для нее стало иметь значение мнение окружающих?

– Я уже задавала этот вопрос, но у тебя в гардеробе есть что-то, кроме красного? – закатила глаза Хери, когда очередной прохожий свернул голову, провожая взглядом Сан в кроваво-красном брючном костюме. – Мы стоим тут как на продажу. Скоро кто-нибудь подойдет и спросит цену.

– Ну так поторопи своего дружка, чтобы он шевелился быстрее, – мило улыбнулась Сан и как раз в этот момент увидела бегущего со всех ног Джумока.

– Простите за опоздание, под вечер был большой наплыв покупателей, – он отдувался, вытирая вспотевшее лицо. – Рад встрече, госпожа Ким.

Он подобострастно поклонился, а Сан недоуменно посмотрела на Хери.

– Не обращай внимания, Джумок просто никогда раньше не встречал бессмертных, вот и считает тебя чуть ли не божеством, – ответила та. – Может, уже зайдем? И желательно сесть где-нибудь в углу, чтобы на нас не пялилось все кафе.

– Да-да, конечно, проходите, госпожа, – залебезил Джумок, открывая перед Сан дверь. Она только усмехнулась и переглянулась с подружкой.

У входа их с улыбкой встретила юркая, чуть полноватая пожилая женщина. Но, заметив за спинами девушек Джумока, изменилась в лице и окинула их настороженным взглядом.

– Мама, поздоровайся, это мои друзья. Ким Сан и Кан Хери. Нам нужно уединенное место, чтобы спокойно поговорить, – сказал парень.

– Друзья? – женщина грохнула на соседний стол поднос, который до этого держала в руках, и посмотрела на Сан с откровенной неприязнью. Подруги переглянулись, не понимая, в чем дело. – С каких пор ты стал водить сюда женщин?

– Мам, ну перестань, ты ставишь меня в неловкое положение, – промямлил Джумок. Под сердитым взглядом матери он сжался и опустил голову, словно в чем-то провинился.

– Ты должен сосредоточиться на учебе, а не на девицах! – крикнула она, и посетители щиктана дружно повернули головы в их сторону. – Если опять завалишь сессию, домой можешь не возвращаться!

Сан закатила глаза и усмехнулась. Все понятно. Очередной маменькин сынок. Она посмотрела на Хери, поймав ее пораженно-испуганный взгляд. «Да, подружка, если она – твоя будущая свекровь, я тебе не завидую», – состроив многозначительную мину, подумала Сан.

– Да понял я, понял, перестань... – Джумок от стыда покраснел, как переваренный рак. – Тише, ты же всех гостей распугаешь!

Он замахал руками, косясь на удивленных посетителей.

– Куда нам сесть? – опять спросил он, наверное, уже сильно пожалев, что привел сюда девушек.

Хозяйка окинула Сан с ног до головы презрительным взглядом и повела всю компанию в самый конец помещения. Бухнула перед Сан меню и, фыркнув, удалилась. Похоже, она решила, что главную угрозу для ее бесценного сыночка и его будущего представляет именно она. «Поразительно, насколько некоторые мамы теряют связь с реальностью, – усмехнулась она про себя. – Неужели эта женщина и правда считает, что меня может заинтересовать ее сын? Королевы не встречаются с холопами».

Хери выглядела потерянной и явно не ожидала, что знакомство с матерью Джумока пройдет так ужасно.

– Простите за эту безобразную сцену, – промямлил Джумок, услужливо наливая Сан холодной воды в стакан. Достал из стола палочки и аккуратно разложил перед девушками.

– Почему ты представил нас как друзей? Почему не сказал, что работаешь на меня? – спросила Сан, делая глоток.

– Что вы, госпожа, мать меня убьет, если узнает, что я нашел подработку! – Он понизил голос до шепота. – Я поступил в университет только с третьего раза, и она страшно боится, что я вылечу. Не говорите ей, умоляю!

– Зачем тогда притащил нас сюда? Мог бы выбрать любое другое место! – возмутилась Хери. Она выглядела расстроенной, и было очевидно, что встреча с потенциальной будущей свекровью ее неприятно поразила. Значит, в теории все же рассматривала возможность с ним встречаться.

– Потому что это место я защитил талисманами и заклинаниями. Тут нас никто не подслушает, и наш разговор останется тайной, – заговорщически подмигнул Джумок.

– Да кому мы нужны! Всем здесь на нас наплевать! И, если бы не концерт, который закатила твоя мама, никто и не заметил бы нашего появления, – с досадой махнула рукой Хери.

– Я говорю не о людях, а о духах, – возразил Джумок.

– Так, подождите, мы есть будем? Я проголодалась, – перебила их Сан, с интересом изучая меню. Она ничего не ела с самого утра и только сейчас ощутила, как сосет желудок. – Хочу острые куриные ножки и пиво. А вы что будете?

– Мне то же самое, – буркнула Хери и отвернулась к стене, делая вид, что копается в телефоне.

Поскольку Сан было безразлично, что о ней думает сумасшедшая мамаша Джумока, она решила поставить мерзкую бабку на место, если та еще посмеет косо на нее взглянуть.

– Три порции острых куриных ножек и Cass^[16], – сказала она, когда женщина подошла, чтобы принять заказ. Хозяйка опять неприязненно посмотрела на нее, и Сан не выдержала: – Госпожа, я сделала что-то не так?

– Мой Джумок усердно учится, чтобы стать инженером, ему некогда ходить на свидания! – выпалила она.

– С чего вы взяли, что я имею какие-то виды на вашего сына? – Сан сложила руки на груди и демонстративно закинула ногу на ногу. Хозяйка неприязненно скривилась от этой неуважительной позы и сердито цокнула языком.

– Знаю я таких, как ты! – она воинственно уперла руки в бока и всем корпусом развернулась к Сан. – Вам бы только облапошить хорошего, честного парня, а потом прибрать к рукам все, что с таким трудом заработали его родители! Хищница!

– Мама! – Джумок выскочил из-за стола, пытаясь увести разгневанную женщину.

Сан расхохоталась, запрокинув голову.

– Госпожа, мой костюм стоит больше, чем ваша недельная выручка. Я владею зданием и квартирой в Каннаме, а еще у меня магазин на Инсандоне. Не думайте, что ваш сын – предел мечтаний любой женщины. У меня более высокие стандарты.

Хери тихо ойкнула и попыталась пихнуть подругу под столом.

– Да я... то есть... – информация о том, что перед ней сейчас сидит богачка, заметно изменила мнение матери Джумока. Она даже не отреагировала на открытое оскорбление, пораженная тем, что из-за своей твердолобости отвергла настолько выгодную партию для своего сына.

Женщина открывала и закрывала рот, не издавая ни звука, и нервно теребила край фартука. Сан наслаждалась ее обескураженным видом и слегла улыбалась.

– А теперь принесите наш заказ, пожалуйста, мы очень голодны, – вежливо улыбнулась она.

– Да, конечно, – ответила хозяйка и, вежливо поклонившись, побежала на кухню.

Джумок плюхнулся на стул и опустил голову на скрещенные руки.

– Извини, ничего личного, просто меня бесит такое отношение, – сказала Сан. – Особенно когда я ровным счетом ничего не сделала.

– Зачем ты так? – зашипела Хери, сочувственно поглядывая на Джумока. – Она же старше, могла бы и промолчать из уважения к возрасту!

– К возрасту? Забыла, сколько мне лет? – невинно захолопала глазами Сан.

– А, ну да... – сникла подруга.

– Госпожа, простите мою маму, – заикаясь, пролепетал Джумок. – Она растила меня одна, тяжело работала, чтобы я мог учиться. Поэтому опасается всего, что может навредить моему будущему.

– Она знает о твоих способностях? – спросила Сан. Ей вдруг стало жаль парня, и она подумала, что, возможно, его жизнь была ничуть не легче, чем у Хери. Особенно с такой-то мамашей.

– Знает. И ужасно их боится. Игнорирует и стремится сделать из меня обычного человека. Как будто это возможно, – невесело усмехнулся он. Его круглое лицо выглядело таким несчастным, что у Сан защемило сердце.

– Не дави на жалость, мы все здесь в некотором смысле изгой, – холодно возразила Хери. – Правда, некоторые очень богатые, да еще и бессмертные.

Она хихикнула и подмигнула подруге.

– Ну что ж, вернемся к моей проблеме, – Сан сменила тему. – Джумок, ты действительно можешь мне помочь?

– Я сделал талисман, который вы должны всегда носить с собой, – парень понизил голос и, воровато оглянувшись, достал из кармана рюкзака белый запечатанный конверт. – Положите в сумку и берите, куда бы ни пошли. А перед сном кладите его под подушку.

Сан осторожно взяла конверт и собралась было его надорвать, чтобы посмотреть, что внутри, но Хери и Джумок в один голос воскликнули:

– Нельзя!

– У меня чуть сердце не остановилось! – испуганно прошипела Сан. – Почему нельзя-то?

– Каждый раз удивляюсь твоему невежеству! Ты триста лет живешь на этом свете и до сих пор полный профан во всем, что касается магии! – всплеснула руками Хери.

– Ну я же не ведьма, для чего мне забивать себе голову вашими штучками? – в ответ возмутилась Сан.

– Хотя бы для того, чтобы понимать, что и почему с тобой сейчас происходит.

– Джумок, у тебя есть предположения, почему я теряю силы во снах? – Сан отмахнулась от подруги и решила, что сегодня будет разговаривать только с ним. Во всяком случае, он не грубит и не дерзит. Вон с каким вежливым вниманием слушает.

– Мне сложно сказать, не видя того мужчину, но могу предположить, что...

Он замолк, потому что в этот момент его мама принесла заказ. Все терпеливо пережидали, когда она расставит напротив каждого блюда и откроет пиво.

– Если еще что-то будет нужно, позовите, – елеиным голоском обратилась она к Сан и расплылась в тошнотворно милой улыбке. Ни сына, ни Хери она теперь словно и не замечала.

– Конечно, госпожа, – в тон ей ответила Сан.

Вот как меняются люди, когда слышат, что ты владеешь крупной недвижимостью.

– Могу предположить, что вас связывает кровь, – закончил свою мысль Джумок.

– Кровь? – нахмурилась Сан, глядя в узкие глаза своего работника.

– Кто-то из вас пролил кровь. Или же вы оба, – уточнил он, а внутри у Сан все похолодело.

– Он утверждает, что я убила его жену, но я в это не верю. И к тому же этого момента в его воспоминаниях не было, – как будто оправдывалась она.

– Госпожа, я не знаю, что между вами произошло, но все это похоже на кармическое проклятие, – неуверенно покачал головой Джумок. Он был очень серьезен. – Вполне возможно, что сны влияют не только на вас, но и на него тоже. Просто мы не можем это проверить.

– Именно поэтому ты должна всегда носить с собой талисман и никогда не открывать этот конверт – так защита сработает лучше, – сказала Хери.

Сан посмотрела на лежащую перед ней на тарелке курицу и поняла, что после услышанного есть совсем не хочется.

– Странно, что я не могу почувствовать вашу энергию, – задумчиво продолжил Джумок, изучая Сан пристальным взглядом, отчего она почувствовала себя подопытным кроликом.

– Я тоже не могу, – Хери с наслаждением вонзила зубы в курицу и запила пивом. – Ее кто-то скрывает.

– И этот кто-то довольно сильный, – подхватил Джумок, повернувшись к Хери. – Дух?

– Да, но это не дух сновидений, который обычно контролирует ловцов, – кивнула подруга.

– И, если у него хватает сил скрывать ее от ведьмаков и шаманов, значит...

– Вполне возможно, он прячет ее от кого-то более могущественного, – закончила она. – Но для чего?

– Подождите-подождите! – прервала их милый междусобойчик Сан. – Вы хотите сказать, что какой-то сильный дух скрывает меня от высших сил?

– Это одна из версий, – беспечно ответила Хери, увлеченная поглощением ножек. Вот у кого аппетит не портился ни при каких условиях. Ну правильно, это же не за ней во снах гоняется психопат.

– Либо это кармическое проклятие, либо вы кому-то по какой-то причине очень нужны, – подытожил Джумок и тоже принялся за еду. И только Сан по-прежнему кусок в горло не лез.

– Этот мужчина сказал, что воспоминания о прошлом стали возвращаться к нему полгода назад, когда погибла его жена, – сама с собой размышляла бессмертная. – Но почему я стала попадать в его сны только сейчас?

– Что-то стало катализатором, – с набитым ртом ответил Джумок. – Что-то свело вас в одной точке. Если в вашей жизни ничего необычного не происходило, то, возможно, произошло в его. А может, вы случайно столкнулись, не подозревая об этом? В метро, на улице или еще где-то.

– Подожди, но обычно кармические проклятия имеют другую логику развития событий, – возразила Хери, осушив бокал с пивом до дна. – Они движутся от начала в конец, как раз к тому событию, которое связало две души. У Сан же все наоборот, она движется от конца в начало, так? – девчонка посмотрела на подругу и икнула.

Сан закатила глаза. У них такой серьезный разговор, решается ее судьба, а Хери лишь бы найти повод выпить.

– Возможно, ключевое событие произошло не в конце, а в начале. Очень необычно, и это вновь возвращает меня к предположению, что все же это не кармическое проклятие, а нечто другое, – Джумок смотрел на столешницу и будто рассуждал сам с собой. – Но в любом случае, вам нужно выяснить ваше прошлое до конца, госпожа. Думаю, это неизбежно.

В этой идиотской истории, в которую угодила Сан, был по крайней мере один плюс. Хери и Джумок начали нормально разговаривать.

На следующий день Сан вновь отправилась на работу. Профессор Квон должен был вернуться к занятиям со дня на день, но она с удивлением вдруг поняла, что уже не так сильно хочет, чтобы он вышел. Как ни странно, она успела привыкнуть к роли преподавателя, к студентам, к тому, что ее внимательно слушают, с ней дискутируют, ее мнение уважают. И отдавать все это какому-то незнакомому человеку совсем не хотелось.

Она ехала в такси, по привычке рассматривая утренний Сеул, и думала о том, что сказали вчера Хери и Джумок. И даже не знала, какой вариант из тех, что они обсуждали, ей больше нравится: отрабатывать карму или быть предметом интереса для высших сил. И то и другое не сулило ничего хорошего. Но, по крайней мере после того, как Джумок дал ей талисман, она чувствовала себя хотя бы немного защищенной и уже не боялась умереть в одном из сновидений Мина. Сан погладила сумочку, в которой лежал заветный конверт. Этой ночью она спала спокойно, а проснулась отдохнувшая и полная сил.

Расплатившись с таксистом, Сан направилась к корпусу через узкую аллею. Погрузившись в себя, она не заметила возникшего, будто из-под земли, Джисона, который преградил ей путь.

– Черт! Напугал! – крупно вздрогнув, сердито буркнула она и попыталась обойти парня. Но он схватил ее за запястье и развернул к себе. – Блин, да что опять!

Снова это серьезное выражение, будто от их разговора зависит его жизнь. Неужели снова будет выпрашивать ее любовь?

– Как ты себя чувствуешь? – спросил он.

– Нормально, – ответила Сан, отчасти разочарованная тем, что в его словах не было намека на романтику. Все-таки где-то в глубине души ей не хотелось, чтобы он так быстро отступил.

– Ты вчера нас очень напугала, – Джисон не сводил с нее встревоженного взгляда.

– Да что в этом такого, боже ты мой! Ну подумаешь, укачало немного. Зачем из этого делать трагедию? – она закатила глаза, однако не спешила выдергивать руку. Ей было приятно его беспокойство. И, если он подкарауливал ее здесь, чтобы спросить о самочувствии,

значит, думал о ней со вчерашней поездки в автобусе. Интересно, где его новая пассия?

– Немного укачало? – тихо переспросил Джисон. – Ты билась в припадке, звала какого-то господина Мина, а мы не могли тебя разбудить. Пришлось остановить автобус! Я уже собирался вызвать «скорую»...

– Мне просто приснился кошмар, – Сан отвела взгляд, рассматривая подстриженные кусты за его спиной. «Что еще я успела ляпнуть, пока путешествовала в чужом сне?»

– И часто ты видишь кошмары? – спросил парень. – Что тебе снилось? Кто такой господин Мин?

Сан нахмурилась и подозрительно посмотрела на Джисона. У нее появилось нехорошее чувство, что он что-то от нее скрывает. Возможно, во сне она еще что-то сболтнула?

– Почему это тебе так интересно? Всем людям снятся кошмары.

– Мне – нет. Так что тебе снилось?

«Было бы интересно заглянуть в один из его снов, – вдруг подумала Сан. – Узнать, какие страхи скрываются за этой красивой оболочкой».

– Я не помню, – ответила она. – И вообще, хватит вести себя, как будто мы пара. Мне не нравятся назойливые парни. До встречи на лекции.

Сан демонстративно стряхнула его руку и зашагала к главному входу.

– Подожди, – Джисон догнал ее и пошел рядом. Боковым зрением Сан видела, что он смотрит на нее. – Ты смотрела мою проектную работу?

– Проектную работу? – она на миг остановилась, вспоминая, о чем он. – Ах да... Пока еще нет, проверю на днях.

В этой кутерьме с поездкой и снами она совсем забыла о флешке, которая так и осталась лежать в другой сумке.

– Так ты не видела ее... – Джисон резко остановился, будто что-то вдруг понял, но тут же бросился вслед за Сан. – Посмотри, пожалуйста, для меня это очень важно.

– Хорошо, – отмахнулась она. – Так хочешь получить высший балл?

– Конечно! Хоть победителей соревнований освободили от зачетов, я люблю историю и хочу заработать свои оценки сам, – в его голосе слышалась гордость за себя, и Сан ухмыльнулась. Мальчишка!

– Проверю к завтрашнему дню, – пообещала она и взглянула на время: лекция должна начаться через пять минут. – Мы опаздываем.

Она ускорила шаг и почти бегом отправилась на третий этаж. Этот негодник ее заговорил, и она совсем не следила за временем. Пытаясь мысленно настроиться на предстоящее занятие, Сан зашла в аудиторию и прошла к кафедре. Странно, но проектор уже был включен, и чужой ноутбук лежал поверх распечаток. Ничего не понимая, она обвела взглядом собиравшихся студентов. Джисон уже занял свое обычное место и по привычке развалился на стуле, не сводя с Сан черных глаз.

– Ынсу, – она подозвала девушку, которая в прошлый раз отдала ей флешку Джисона. – Я ошиблась аудиторией?

– Нет, госпожа Ким, просто профессор Квон сегодня вышел с больничного, – ответила студентка. – Он сейчас придет.

Сан скрежетнула зубами. Господин Пак даже не предупредил! На кой черт она приперлась? Могла бы еще немного поспать. Дернув замок сумки, она достала сотовый и обнаружила пять пропущенных звонков от профессора Пака и сообщение: «Сан, профессор Квон завтра выходит на работу, можешь не приходить. Спасибо, что выручила! А за то, что помогла с соревнованиями, проси любую компенсацию». И несколько смайликов-сердечек.

«Охренеть, вот я молодец, со вчерашнего дня не включала звук!» Ей стало досадно и немного грустно, что придется в спешке уйти, даже не попрощавшись как следует со студентами. Пока не прозвенел звонок, она все же решила сказать несколько слов.

– Похоже, сегодня наша последняя встреча, – девушка вышла из-за кафедры и открыто улыбнулась смотревшим на нее ребятам. – Мне было приятно работать с вами. Учитесь усердно и всем удачи на предстоящих экзаменах.

Послышались редкие аплодисменты, кто-то выкрикнул:

– Спасибо, госпожа Ким, вы крутая!

Джисон выпрямился на стуле и нахмурился, не сводя с нее глаз. Сан уже сделала шаг по направлению к выходу, как вдруг дверь распахнулась, и в аудиторию вошел мужчина. Высокий, худощавый, в

небрежно распахнутом пиджаке поверх простой белой футболки. Взгляд Сан сначала остановился на длинных ногах в рваных джинсах, затем поднялся вверх. Ей показалось, что потолок обрушился на ее голову. Туфли прилипли к полу, а тело окаменело. Это был он. Мужчина из ее снов. Тот же нос с горбинкой, те же большие, с поволокой, глаза, тот же резкий излом губ и бледная кожа. Сердце грохотало в ушах, в голове и в горле. Сан не могла пошевелиться, оглушенная и совершенно сраженная этой встречей.

Он уверенно шел по направлению к Сан, но смотрел в пол и не сразу заметил ее. Когда же их взгляды встретились, он остановился так резко, словно налетел на стену. В черных глазах полыхнула злоба, точно такая же, какую она не раз видела в его снах. Но на сей раз это было наяву. Лицо скривилось в неприязненной гримасе, будто он учуял под носом отвратительный запах, и грудь Сан опять прострелило навывлет.

– Сан, дорогая, ты здесь! – услышала она где-то рядом голос профессора Пака. – Я думал, ты прочитала мое сообщение! Звонил тебе вчера весь вечер, но ты не брала трубку.

– Я забыла включить звук, – ответила она одеревеневшими губами и с усилием перевела взгляд на Пак Ёндже. Боковым зрением она заметила, что Джисон вскочил с места, но тут же сел обратно.

– Ох, жаль, что ты зря потратила время, – удрученно покачал головой профессор. – Доён, позволь представить, это госпожа Ким Сан, она любезно согласилась заменить тебя на время болезни. Сан, это профессор Квон Доён.

– Очень приятно, – выдавил он, едва заметно склонив голову в приветственном поклоне. По всему было видно, что ему не только не приятно, но и отвратительно общество Сан.

«Так вот как тебя зовут теперь! Совсем не Мин», – подумала она.

Сан стояла посреди аудитории и не могла заставить себя уйти. Если сейчас уйдет, то под каким предлогом сможет видеться с ним? Ей нужно было остаться рядом с этим мужчиной во что бы то ни стало. Но как это сделать? Ее замещение закончено, однако... В голове забрезжила идея, и она, взяв под локоть профессора Пака, сказала:

– Мне нужно с вами поговорить.

Глаза мужчины удивленно распахнулись, однако он послушно вышел вместе с ней из аудитории.

– Профессор, – начала Сан, когда за ними закрылась дверь, и они остались вдвоем в пустом коридоре. – Я хочу вас кое о чем попросить.

– Слушаю, – заинтригованно подался вперед Пак Ёндже.

– Слышала, вы открываете факультатив по периоду японской оккупации в Корее. Я хочу его вести.

– Но мне казалось, тебя тяготит преподавательская деятельность, – профессор Пак непонимающе сдвинул брови.

– Когда попробовала, мне понравилось. К тому же, пару лет назад я изучала этот период, так что могу рассказать студентам много интересного. Вы не пожалеете, – хитро улыбнулась Сан. Она переживала эти черные времена вместе со своей страной и действительно могла поделиться бесценной информацией из первых уст.

– Погоди-погоди, – мужчина выставил вперед руку, как бы прося передышку, чтобы подумать. – Разве еще пару дней назад не ты хотела, чтобы профессор Квон быстрее вернулся к своим обязанностям? А теперь просишь, чтобы я продлил твое пребывание в университете?

– Понимаете, когда я начала вести занятия, то осознала, как мне хочется делиться своими знаниями с молодым поколением, – убедительно встала Сан. – И хоть моя специализация – история Чосона, но знаний о колониальном периоде у меня достаточно. Вы же знаете, как серьезно я отношусь к изучению интересующей меня темы. Я вас не подведу.

– Дело не в том, что я сомневаюсь в твоей компетентности, – профессор Пак задумчиво потер лоб. – Просто этот факультатив должен был вести Квон Доён.

Он смущенно улыбнулся, как бы извиняясь за то, что не смог удовлетворить просьбу Сан. И тогда она решила пустить в ход последний козырь, пусть это было и не очень порядочно.

– Господин Пак, вы мне должны за поездку в Пусан. И сказали, что я могу попросить любую компенсацию, – очаровательно улыбнулась она и, взяв профессора под руку, неспеша направилась к кафедре истории. – Это хорошая возможность со мной расплатиться. К тому же я выручила вас, замещая профессора Квона. Разве я не заслужила награду?

– Вот лиса! – полураздраженно, полувосхищенно сказал он, цокнув языком.

– Официального назначения ведь еще не произошло? И приказ не подписан, – пела Сан, методично склоняя его на свою сторону.

– Да, но... я ведь ему уже пообещал. Некрасиво выйдет, – сокрушенно покачал головой профессор, и Сан поняла, что выиграла. Теперь нужно всего лишь найти оправдание ее назначению.

– У него такая большая нагрузка! Я видела его расписание, нельзя все взваливать на одного преподавателя! Тем более он только что вышел с больничного, – с преувеличенной заботой сказала Сан и остановилась у дверей кафедры истории. – Это ради его же блага.

– Да, ты, конечно, права... – профессор все еще выглядел неуверенным. – Ладно, что-нибудь придумаю. Мне нужен твой диплом и все сертификаты, которые ты получала, чтобы официально принять тебя в штат. Со среды можешь приступать к занятиям.

– Я знала, что могу на вас рассчитывать, профессор, – просияла Сан и легонько коснулась головой плеча мужчины.

– Сам не знаю, как тебе удастся вить из меня веревки, – пробурчал Пак Ёндже, но не выглядел слишком уж недовольным.

– Вы же сами говорили, что я похожа на вашу дочь. Вот и пользуюсь вашей слабостью, – звонко рассмеялась девушка и добавила. – Обещаю, что отнесусь к своим новым обязанностям со всей ответственностью. Вы не пожалеете.

Они зашли в пустой кабинет, все преподаватели были сейчас на занятиях. Сан по привычке села за стол Квон Доёна и посмотрела на фотографию, которая привлекла ее внимание в прошлый раз. Теперь, когда она знала, кем является профессор, которого она замещала, все предстало в новом свете. Наверное, девушка на снимке была его погибшей женой. Сан выдвинула ящик, куда сложила все бумаги Доёна, и коснулась пальцами исписанных листов. Здесь были его мысли, заметки, наблюдения, напоминания. Эта часть его жизни хоть немного давала представление о том, кем стал господин Мин из прошлого. Мужчина, которого, как оказалось, Сан любила триста лет. Возможно ли воскресить те чувства, что он когда-то испытывал к ней? Не ненависть и обиду, а привязанность и заботу, которая все же была между ними очень давно.

Это так странно и ново... Еще вчера она была полна решимости доказать свою невиновность, а потом навсегда вычеркнуть этого человека из своей жизни. Однако сейчас в глубине души трепыхалось

боязливое желание остаться с ним. Показать, что она совсем не такое чудовище, каким он ее считает. Добиться его внимания и продемонстрировать, какая она умная и интересная личность. Ведь не просто же так судьба свела их в этом мире спустя триста лет? Не просто так позволила выйти из снов в реальность и столкнуться здесь, в университете Хонгик, показав, что все это время они находились совсем рядом. Просто не знали об этом. Таких совпадений не бывает, значит, они должны были встретиться и получить возможность начать все сначала.

Завоевать мужчину, который не просто не видел в ней женщину, но еще и презирал, было чем-то необычным. Новым вызовом и исполнением заветного желания. За свою долгую жизнь она привыкла к вниманию противоположного пола, воспринимая его как само собой разумеющееся, и пока не знала, с чего начать обольщение Доёна. Как к нему подступиться? Как изменить его мнение о ней? С чего начать?

Сан ждала окончания пары, чтобы увидеть Доёна и посмотреть, как он отреагирует на ее новое назначение. Вскоре после прозвучавшего звонка он зашел на кафедру, неся ноутбук и кипу бумаг под мышкой. Увидев ее, на секунду остановился и решительно направился к своему столу. Бухнул перед Сан документы и, бросив взгляд на притихшего за своим столом профессора Пака, тихо спросил у нее:

– Почему ты еще здесь?

– Вообще-то, с этого дня мы с тобой официально коллеги, – невинно хлопнув ресницами, ответила она. Оказывается, ей нравится, когда он злится. Гнев лишь подчеркивал красоту его лица, и Сан представить не могла, как смотрится улыбка на этих губах. Хотя очень хотелось посмотреть.

– Что это значит? – нахмурился Квон.

– Э-э... Доён, дело в том, что... Сан будет вести факультатив по колониальному периоду, – помямлил профессор Пак, поднимаясь из-за стола.

– Как это понимать, профессор? Вы же обещали, что его буду вести я! – в бешенстве развернулся к нему Квон.

– Да-да, я помню, но... я тут взглянул на твое расписание и понял, что слишком тебя нагрузил. К тому же ты только что вышел с

больничного, – пролепетал Пак Ёндже, почти дословно повторив слова Сан.

– И поэтому вы отдали мои часы ей? – Доён ткнул пальцем в невозмутимо наблюдавшую за этой сценой Сан. – Разве так поступают? Это по меньшей мере непорядочно!

– Доён, успокойся, – примирительно поднял руки профессор Пак. – Я тебя понимаю, но своего решения не изменю. Сан – очень хороший специалист, да и подход у нее современный. А ты сосредоточься на истории Чосона у третьекурсников. На следующий год они начнут готовиться к диплому, и в интересах нашей кафедры, чтобы они выбрали для научных исследований именно этот период.

Квон Доён пыхтел, как кипящий чайник. Он поворачивался то к Сан, то к профессору Паку, вероятно, желая обругать обоих последними словами. Но, видимо, понял, что возмущением ничего не добьется, поэтому спросил только:

– Почему она сидит за моим столом?

Его голос так и сочился презрением.

– Свободных мест нет, – развел руками Пак. – Единственный свободный компьютер я только вчера отправил в ремонт. Но ты не переживай, мы составим расписание так, что вы практически не будете пересекаться. Так что без проблем разделите один стол. Ну, мне пора.

Подхватив учебные материалы, профессор Пак ретировался из кабинета, оставив новых коллег наедине.

– Ты, наверное, очень довольна собой? – зашипел он, нависая над сидящей в кресле Сан. – Как ты получила эту работу? Переспала с Пак Ёндже?

– Какой ты примитивный, – чуть ли не с жалостью ответила она. – Представь себе, людей могут связывать не только половые отношения.

– Зачем тебе это? Хочешь досадить мне? – его глаза сверкали холодной яростью.

– И не думала даже, хотя причин для ненависти у меня не меньше, чем у тебя. Просто решила, что так проще все выяснить. К тому же, неизвестно, встретимся ли мы еще в твоих снах, – Сан обвела взглядом его гневное лицо, мощную шею и широкие плечи. Знакомое желание обладать этим мужчиной опять взяло верх.

Она отвернулась, наткнувшись глазами на фото его бывшей жены. Заметив это, Доён схватил снимок и прижал к груди, будто своим

взглядом она могла осквернить ее память.

– Ты не имеешь права на нее смотреть.

Сан сжала пальцами подлокотники кресла. Ревность и зависть к этой незнакомой женщине, владевшей сердцем ее мужчины, опалила душу. Однако она промолчала.

– Где мои вещи? – холодно, но уже более спокойно спросил Доён, отстраняясь.

– В ящике стола.

– Решила навести свои порядки? Уже и вещами моими распоряжаешься, – съязвил он.

– Просто не хотелось работать в свинарнике, вот и убрала, – в тон ему ответила Сан, поднимаясь. – С сегодняшнего дня это и мое место тоже, поэтому будь добр, учитывай это.

– Тебе надо, ты и подстраивайся, – буркнул Доён, вынимая свои бумаги из ящика и в хаотичном порядке раскладывая их на столе. – И не жди, что я буду с тобой любезен, особенно после того, как ты отняла у меня работу. Ты мне неприятна, и я не собираюсь делать вид, что мы коллеги.

– Можно подумать, я от тебя без ума, – фыркнула Сан, направляясь к двери. Оказавшись в коридоре, полном студентов, она прислонилась спиной к стене и на секунду закрыла глаза.

Конечно, она солгала. Ей очень хотелось завоевать расположение Доёна, но, увы, пока это было невозможно.

Прослonyaвшись по магазинам и сделав несколько бесполезных покупок, Сан вернулась домой. Хотелось куда-нибудь пойти и развеяться, но Хери сегодня работала в магазине и сказала, что устала, так как было много клиентов. Поэтому Сан решила скоротать вечер в любимой квартире за просмотром сериалов, заказав себе удон.

Поменяв воду в вазе с азалиями, она наклонилась к цветам, вдыхая слабый, но все еще отчетливый аромат. «Завтра нужно купить новый букет», – подумала она, проведя пальцами по бархатистым лепесткам. Сан любила эти цветы и старалась, чтобы они всегда украшали ее кухню. Почему-то они вызывали в душе необъяснимое тепло, будто были связаны с какими-то очень приятными моментами в ее жизни. Цветы, символизирующие верность и настоящую любовь. Сан скептически хмыкнула и ушла в спальню.

Завтра был выходной, а вот в среду – первое занятие факультатива. Она посмотрела на сохраненное расписание Квон Доёна. Ее занятия начинались во второй половине дня, а его – в первой. Значит, стоит приходить чуть раньше, чтобы успеть увидаться. Как она завоюет сердце человека, который испытывает к ней неприязнь, Сан пока не знала. Но твердо решила добиться взаимности во что бы то ни стало.

С этими мыслями она закрыла глаза, надеясь, что сегодня вновь попадет в его сон. Из приоткрытого окна доносился мерный гул улицы, и она заснула, убаюканная шумом любимого города.

Сан шла по лесу, ведомая уже знакомым Зовом. Сердце трепетало в предвкушении, что сейчас она вновь увидит Доёна. Девушка почти бежала среди ярко-зеленых сосен, на ветвях которых распускались огромные оранжевые цветы. Они, как огни, вспыхивали и под ногами, украшая густо-зеленую траву. Хвойные ароматы смешивались с нежными цветочными, опьяняя и дурманя голову.

Сан ускорила шаг, чувствуя приближение Доёна, как вдруг поскользнулась и упала, больно ударившись локтем. Потирая ушибленное место, она поднялась на ноги, с удивлением глядя на все те же ярко-оранжевые цветы, замурованные под толстой коркой льда. Стало вдруг очень холодно, солнце ушло за облака, и с неба повалили крупные хлопья снега, закрывая белым саваном чудесные растения. Лес расступился, и вскоре Сан вышла на центральную улицу Ханяна, по которой ехала повозка, окруженная стражниками. По обе стороны от дороги собрались простолюдины, удрученно качая головами.

– Бедная девочка... Как же так, как же так...

– Слышал, ее отца предал лучший друг...

– Вот они, аристократы... Сжирают даже себе подобных, что уж говорить про нас...

Сан поспешила к повозке, расталкивая людей, и сквозь деревянные прутья увидела... себя. Растрепанная, бледная, совсем юная Сан затравленно смотрела из клетки на окружившую ее толпу.

– Расступитесь! Расступитесь! – крикнул один из охранников, и простой люд хлынул в разные стороны, давая дорогу позорной процессии.

Сан пошла следом, не сводя глаз со сторбленной спины несчастной девушки, которую везли в неизвестном направлении. Но

то, что ее не ждало ничего хорошего, было очевидно.

Впереди показались ворота с красными фонарями, и стражники отдали приказ остановиться. Сан из прошлого выволокли из клетки и бросили под ноги встретившей их женщине. На ее выбеленном лице кроваво-красным пятном выделялись губы, а глаза придирчиво осмотрели «новенькую». Сан поняла, что это хозяйка гёбана. И только сейчас подумала, что гёбан, который она видела во снах Доёна, не тот, в котором она очнулась, уже став ловцом снов. Значит, часть жизни она провела здесь, а потом каким-то образом оказалась на пороге другого дома кисен, уже ничего не помня о себе.

Старшая кисен присела рядом с перепуганной девушкой и взяла ее за подбородок. Внимательно рассмотрела лицо и приказала:

– Встань.

Но, похоже, ноги не держали пленницу, и она так и осталась сидеть на земле.

– Поднимите ее, – велела старшая кисен, и один из стражников рывком дернул девушку за воротник чогори. Хозяйка медленно обошла ее, рассматривая как племенную кобылу. – Очень хорошо. Давно у нас не было таких красавиц. Я научу тебя всему, и ты станешь бриллиантом, ради которого сюда будут съезжаться аристократы со всего Ханяна.

Сан овладели странные чувства, будто все это происходило не с ней, будто она никогда не испытывала этого унижения и страха. Вроде бы это она, но в то же время нет. Все это стерлось из памяти, и, честно говоря, она бы предпочла никогда этого не видеть. Слишком ужасно было положение несчастной дворянки, которая теперь вынуждена стать подстилкой для высокопоставленных людей.

– Жалеешь ее? – вдруг услышала она рядом.

Поглощенная развернувшейся сценой, Сан не заметила, как появился Доён.

– А ты нет?

– Что ж, признаю, это ужасное унижение, и к той девушке я не испытываю неприязни. Возможно, потому что она еще не убила мою жену, – он скрестил на груди руки и посмотрел на Сан холодно и равнодушно.

– Этого ты тоже раньше не видел? – спросила она, вспоминая разговор с Джумоком и Хери. Раз история движется к истокам, значит,

кто-то хочет открыть всю правду и для Доёна, а не только для нее.

– Нет. Все воспоминания, которые я видел до встречи с тобой, были о тебе и моей жене. Но более ранние события я не видел.

– Подождите! Постойте! – послышался отчаянный крик, и Сан увидела бегущего со всех ног господина Мина в съехавшей на бок шляпе. Он тоже выглядел моложе, на гладком лице еще не проступила растительность.

– Твой выход, – с усмешкой сказала она Доёну.

– Госпожа, постойте! – запыхавшийся мужчина остановился напротив хозяйки гёбана.

Сан из прошлого с мольбой смотрела на него, по ее лицу катились слезы.

– Господин Мин, вы не можете ее выкупить. Ваш отец запретил мне... – начала было женщина, но молодой человек незаметно сунул ей в руку мешочек с деньгами.

– Мне нужно всего несколько минут. Прошу, позвольте нам поговорить наедине.

Кинув недовольный взгляд на застывшую, как изваяние, девушку, женщина дала знак страже, что они свободны, и удалилась.

– Доён, ты здесь! – зарыдала Сан, бросаясь к нему. – Помоги! Помоги мне!

– Все хорошо, все хорошо, не плачь, – господин Мин ласково гладил ее по спине. – Ни один мужчина к тебе не прикоснется, я не позволю, обещаю!

Сан из настоящего криво усмехнулась и смерила Квона презрительным взглядом:

– Боже, как это типично! А раньше ты хорошо умел вешать лапшу на уши юным девочкам.

– Что ты, до твоего коварства мне еще далеко, – парировал он.

– Доён, где же господин Ли? Почему он не пришел? – юная Сан подняла заплаканное лицо, с надеждой глядя на Мина.

– Как он может прийти после того, что его отец сделал с твоей семьей? – господин Мин слегка отстранился, опуская взгляд. Ему не понравилось, что девушка заговорила о другом мужчине.

– Но ведь он не виноват! Пожалуйста, приведи его, мне нужно его увидеть! – взмолилась Сан.

– Ты должна его ненавидеть, почему все еще думаешь о нем? – вспыхнул Мин, отодвигая протянутые к нему руки. – Даже не проси, я не пойду к нему! После всего, что произошло, на его месте я бы наложил на себя руки!

– Не говори таких ужасных вещей!

– Мы выросли все вместе, но сейчас с тобой остался только я. Судьба развела вас навсегда. Забудь его, а я помогу тебе выжить. Никогда тебя не оставлю и не позволю никому причинить тебе вред. Верь мне! Верь только мне!

Господин Мин взял ее за плечи, жадно вглядываясь в лицо. Заплаканная девушка медленно кивнула и позволила мужчине себя обнять, словно смирилась с неизбежностью.

Сан-бессмертная вместе с Квоном опять оказались в лесу, лед растаял, вновь обнажив огненный ковер из цветов.

– Значит, мы дружили с детства, и ты меня любил, – задумчиво проронила Сан. Девушка, которую она видела, так отличалась от нее нынешней, что это вызывало когнитивный диссонанс. Неужели она когда-то была такой нежной и ранимой? Не верится.

– Я этого не помню, – отрезал Доён, отворачиваясь, будто не хотел признавать, что это правда.

– Почему ты такой упрямый? Неужели считаешь, что меня нельзя любить? – Сан не сумела скрыть обиду в голосе.

– Несколько месяцев я смотрел, как из-за тебя умирает женщина, которую я люблю. Как считаешь, могу я сейчас думать как-то иначе? – ядовито выдавил он.

– Но ведь сейчас ты видел, что я была совсем другой! Не из-за тебя ли я так изменилась? Хватит уже прятаться за этим убийством, которого, возможно, и не было! Я была невинной девочкой, которую ты обещал защитить! – вспыхнула Сан, дернув его за руку.

– А тебе пора перестать оправдываться! Почему ты пытаешься меня переубедить?

– Потому что я не хочу, чтобы ты меня ненавидел. Во всяком случае, за прошлое, которого не помню, – вырвалось у Сан, и она прикусила язык. Нужно быть более сдержанной!

– Для тебя имеет значение, что я к тебе чувствую? – Доён нахмурился, будто только что понял, что она тоже человек, которому неприятна чужая ненависть.

– Имеет. Мне больно видеть в твоих глазах отвращение. Пора уже, наконец, разделить настоящее и прошлое, которое я не могу изменить, и начать все заново! Не для этого ли...

Исполинские стволы сосен вдруг осели на землю серым пеплом, небо погасло, и Сан оказалась в темноте.

– Доён! Доён, давай начнем все сначала! – выкрикнула она в пустоту, разочарованная, что их прервали на таком важном моменте. Он не отозвался. Она осталась одна.

«Пора возвращаться», – обреченно произнесла Сан и открыла глаза в своей спальне.

P.S. 5

Джисон проводил взглядом удаляющуюся спину Сан и поспешил за ней в корпус. На первом этаже толпились студенты, рассматривая изменения в расписании, но он решил, что посмотрит его позже.

– Джисон! – окликнула его Ынсу, выбираясь из толпы, и махнула рукой, чтобы он ее подождал.

Это была единственная девушка, которая не вешалась на него и относилась как обычному сокурснику. Поэтому Джисон чувствовал с ней себя комфортно и именно ее попросил отдать флешку, о которой Сан, конечно же, забыла.

– Ты уже записался на новый факультатив у профессора Квона? – спросила она. – Первое занятие послезавтра.

– Факультатив? – переспросил он, смутно припоминая, что вроде бы профессор Пак Ёндже говорил об этом на прошлой неделе. Джисон это проигнорировал, потому что и так хорошо знал тему колонизации. И вдруг его осенило. – погоди, ты сказала, Квон Доён будет его вести? Он же болен.

– Уже нет, вышел сегодня. Так что госпожу Ким мы больше не увидим. А жаль, мне нравились ее лекции.

У Джисона было чувство, что его огрели чем-то тяжелым по голове. Сказав Ынсу, что у него появилось срочное дело, он кинулся на третий этаж, молясь всем богам, чтобы успеть. Забежал в аудиторию и увидел Сан, растерянно смотрящую на чужой ноутбук. Значит, с Квоном она еще не встретилась. Лихорадочно соображая, под каким

бы предложением увести ее, пока не пришел профессор, он уже собирался подойти к ней, но госпожа Ким вдруг вышла вперед и сказала несколько прощальных слов студентам. «Что ее потянуло на сантименты!» – злился Джисон, готовый вот-вот броситься к ней. Но прервать ее речь было бы странно и невежливо.

Практически одновременно с прозвучавшим сигналом о начале занятия в аудиторию вошел Доён. Словно в замедленной съемке, Джисон видел, как пораженно вытягивается лицо Сан, как профессор Квон останавливается на полпути, и его взгляд наполняется злобой. Как Пак Ёндже что-то говорит им обоим, а они невнятно отвечают, не сводя друг с друга глаз.

Джисон инстинктивно вскочил со стула, но Ёнсу дернула его за руку и удивленно посмотрела:

– Да что с тобой?

– Ничего. Уже ничего.

Он сел обратно, чувствуя себя так, словно только что потерял все.

Он думал, что у него есть еще немного времени, надеялся, что завоюет сердце Сан, и когда произойдет роковая встреча, ее чувства уже не будут так однозначны. Ведь удалось же ему вызвать ее ревность, а значит, что-то она к нему испытывала! Но видя, как она смотрит на Доёна, он понял, что проиграл еще не начавшееся сражение.

Глава 6

Поэзия и соблазн

На следующий день Сан заехала за Хери. У обеих был выходной, и они решили устроить себе шопинг, а заодно и обсудить последние «сонные» новости, как их назвала Хери.

Подруги уже вдоль и поперек обошли Мендон, заглянули и в крутые бутики, и в мелкие лавочки, но так ничего и не купили. Последним был магазин Luna корейского производителя, где продавались недорогие, но очень интересные вещицы.

– Бери, – машинально сказала Сан, глядя на то, как Хери крутится перед зеркалом, не зная, нравится ей или нет полупрозрачная рубашка с яркой аппликацией.

– Ты просто устала и хочешь поскорее уйти, – надулась подруга, в нерешительности теребя завязки на талии.

– Да. И есть хочу, так что бери и пойдём в ближайший щиктан. Я плачу и за блузку, и за обед. Давай быстрее! – поторопила Сан, шутливо шлепнув Хери по попе.

– Не надо, я сама заплачу, – запротестовала Хери, но Сан уже достала карту «Центурион^[17]» и протянула продавцу. – Да блин!

– Носи молча, – Сан сунула ей в руки пакет и, попрощавшись с консультантами, вышла из магазина в жаркий сеульский вечер.

– Ты все время мне что-то покупаешь, я так не могу... – ныла хмурая Хери, повиснув на ее руке.

– У меня куча денег, сама подумай, куда мне их девать? Почему я не могу порадовать единственную подругу? И перестань, пожалуйста,

чувствовать неловкость, это смешно с учетом того, что мое богатство само свалилось мне на голову. Хочешь рисовый суп на говяжьих ребрышках? – Сан остановилась и указала на вывеску одного из щиктанов.

– Не знаю, – Хери все еще выглядела смущенной. Такое происходило каждый раз, когда Сан ей что-то покупала. Но она не понимала, что тратить на нее деньги было приятно.

– Макколи? Соджу? Пиво? – соблазняла Сан, хитро подмигнув подруге.

– Соджу, – буркнула та и послушно вошла следом за ней в наполненное людьми кафе.

– Ну что там у тебя, выкладывай, – сказала Хери, бережно положив пакет с покупкой на соседний стул. – Я же знаю, что ты еле дождалась момента, чтобы рассказать что-то сенсационное.

– Ты права, – ответила Сан. – Новостей у меня выше крыши.

Она последовательно изложила все, что с ней произошло, начиная от неожиданной встречи с Квон Доёном, который оказался тем самым психом из кошмаров, и заканчивая последними событиями из сна.

Хери подождала, пока официант услужливо поставит перед ними тарелки с дымящимся супом и запотевшую бутылку соджу, а потом сказала:

– Все это очень странно. Для чего вас свели в реальности? Насчет снов я еще могу понять. Ты должна вспомнить свое прошлое и узнать, почему стала ловцом. Но почему вы встретились в настоящем?

– Наверное, это и есть кармическое проклятие или как его там, – сказала Сан, зачерпнув обжигающий суп.

– Зачем? Сама подумай, по законам кармы вы оба должны понять свои ошибки и исправить их. Какую ошибку в ваших отношениях ты можешь исправить сейчас? Убийство его жены? Да-да, знаю, что ты этого не совершала, – поспешила сказать Хери, когда Сан возмущенно замычала с набитым ртом. – Я рассуждаю чисто теоретически. Что ты можешь изменить сейчас, если его жена – реинкарнация прошлой супруги – уже мертва, и к ее смерти в настоящем ты точно не имеешь никакого отношения?

– Может быть... – замялась Сан и все-таки решила озвучить терзавшую ее мысль, – может, я должна изменить его отношение ко мне? Сделать так, чтобы он вновь полюбил меня?

Хери закатила глаза.

– Все понятно. Ты решила завоевать мужика, которому на тебя плевать. Понимаю, увлекательное занятие, но не думаю, что дело в этом.

– Почему нет? И ты ошибаешься, это не только спортивный интерес, я действительно что-то к нему чувствую. Мне больно оттого, что он меня ненавидит, и я хочу это изменить.

– Сан, ты просто привыкла, что все мужчины бросаются к твоим ногам, а этот – первое исключение за триста лет! – Хери многозначительно воздела руку с зажатой в ней ложкой. – Конечно, я бы тоже обратила на него внимание, хотя сама лично болею за малыша Джисона.

– Ты не права! – с жаром возразила Сан. – Я не помню ничего из того, что вижу в его снах. Ну, то есть понимаю, что это было, но память пуста, я словно смотрю кино с собой в главной роли. Но чувства к Доёну вспомнила сразу! Не знаю, как это описать... Как будто внутри меня щелкнул тумблер.

– И ты решила, что судьба свела вас для того, чтобы он понял, как был не прав, влюбился в тебя, и вы жили долго и счастливо? – скептически скривилась ведьма. – Сомнительно, с учетом того, что... ты уж прости, но долго и счастливо вам точно не светит, раз ты бессмертна. Если только не произойдет чудо, и ты не станешь простым человеком.

– А это возможно? – насторожилась Сан, вдруг неприятно поразившись тому, что однажды проснется и узнает, что жить ей осталось от силы лет сорок. Она так привыкла к вечной жизни, что возможность стать смертной ее испугала.

– Не знаю, мне недоступны такие глубины магии, – пожалала плечами Хери и, спохватившись, отвинтила крышку соджу. Видимо, разговор настолько ее увлек, что она даже о выпивке забыла. – Я бы на твоём месте сосредоточилась на себе, а не на том, чтобы заполучить недоступного мужчину. И вообще, лучше присмотришься к Джисону, он молодой, красивый, трахается хорошо. В твой любимый теннис играет. Чего тебе еще надо?

– Он слишком простой. Неинтересный. С ним все понятно, скучно, – пожалала плечами Сан, беря наполненную подругой стопку.

– Ну конечно, а с мужиком, который тебя терпеть не может, очень весело! – Хери подняла брови и покачала головой.

Подруги выпили одну бутылку, потом вторую и третью. В какой-то момент обе поняли, что хочется продолжения, и стали думать, куда пойти дальше.

– Давай в клуб? – предложила Сан, взглянув на время.

– В клуб? Во вторник? Что там делать? Гулять по пустому залу? – отмела ее идею Хери. – Пошли лучше в хост-бар.

– Неожиданно, – удивилась Сан.

– У меня сегодня нет настроения использовать свои чары, а там можно весело провести время с красавчиками, просто заплатив.

– Не люблю я этих хостов, – нахмурилась бессмертная. – Раньше этим занимались кисен, а мужчины сейчас все так упростили и испоганили... Идти туда – только время терять.

– Почему? Я была пару раз в хост-барах, мне понравилось! Молодые красивые парни развлекают тебя, говорят комплименты, некоторых даже потрогать можно. А с некоторыми – за отдельную плату – еще и переспать, – заговорщически подмигнула Хери.

– Зачем мне тратить деньги на то, что я могу получить бесплатно? – резонно заметила Сан, чувствуя приятное расслабление после выпитых бутылок. – Да и веселье там сомнительное. Была я однажды в таком заведении, ради интереса решила посмотреть, как эволюционировала моя профессия.

– И что? – с интересом подалась вперед ведьма. – Мне-то сравнить не с чем.

– Позорище! Сплошной цирк и клоунада. С ними даже поговорить не о чем! – презрительно фыркнула Сан. – Видимо, они думают, что сказать: «Ты такая красивая! Спеть для тебя? Налить тебе выпить?» – достаточно, чтобы развлечь женщину. В мое время кисен вели интересные беседы о политике, искусстве, философии с аристократами и первыми лицами государства, а сейчас... – она махнула рукой.

– Говоришь, как старая бабка, – хихикнула Хери. – Но иногда приятно просто побыть в компании симпатичного веселого парня, который говорит тебе комплименты, не находишь? Ну пойдём! Пожалуйста!

В сущности, Сан было все равно, куда идти, и она решила исполнить каприз подруги.

– Смотри, вот у этого бара на Чондамдоне отличные отзывы, – сказала Хери, показывая ей телефон. – На сайте сказано, что у них есть элитные хосты, которые... ого, ты только посмотри! Они обслуживают вип-клиентов в масках! Как прикольно!

– Интересно, почему? – удивилась Сан, с невольным интересом просматривая сайт.

– Наверное, это добавляет пикантности. Или хотят скрыть свою личность? Может, они айдолы или сыночки богатеньких родителей.

– Не думаю, что у богатых детишек есть потребность зарабатывать деньги таким сомнительным способом, – поджала губы Сан. – Хотя, может, для них это своего рода развлечение. Экстрим.

В отличие от воодушевленной Хери Сан была настроена скептически и даже враждебно в первую очередь потому, что чувствовала ревность. Уж она-то знала толк в этом деле, и ей хотелось поставить на место наглецов, посмевших извратить профессию, которой она занималась много лет.

Девушки поймали такси и уже через тридцать минут оказались возле двухэтажного здания Gold bar, бьющего в глаза огромной вывеской.

На ресепшене их встретил молодой менеджер, который тут же расплылся в постановочной улыбке и предложил им комнату.

– Какой тариф вы предпочитаете? – спросил он, переводя взгляд с одной подруги на другую.

– Вип, – нехотя ответила Сан.

В такси она успела прочитать, что элитные хосты доступны только при этом тарифе, а ей хотелось посмотреть, что из себя представляет элита этого клуба. Ну и, конечно, показать, что на самом деле они просто ни на что не годные, пустые разводилы, чья зарплата зависит от количества выпитых клиентом коктейлей.

– Конечно, госпожа, – подобострастно поклонился менеджер, оценив, что перед ним состоятельные дамы.

– Мне обычный, – поспешила сказать Хери и пихнула локтем собравшуюся было возразить подругу. Услуги дорогих хостов ей были не по карману, а позволять Сан опять за нее платить она не хотела.

– Уверена? – переспросила Сан.

– К чему мне чувак в маске? Я хочу видеть его лицо, – она весело подмигнула и взяла ее под руку.

Менеджер проводил их в комнату на втором этаже и оставил меню. Сан оценила дороговизну интерьера: диваны из натуральной кожи высокого качества, стол из палисандра, на стенах итальянские светильники. Сан недавно купила люстру из этой же коллекции, поэтому знала, что стоят они недешево. В целом комната выглядела если не изысканно, то во всяком случае дорого.

Хери погрузилась в изучение меню, а Сан ждала, когда же им приведут хостов. Через несколько минут все тот же менеджер заглянул к ним и, спросив разрешения, распахнул дверь. В комнату гуськом вошли пятеро парней. Выстроившись в ряд, они равнодушно смотрели на девушек в ожидании, кого из них выберут.

Сан вальяжно откинулась на спинку дивана, попутно отметив, что он очень удобный. Хери же придвинулась к ней и дергала за рукав, поминутно шепча:

– Как тебе тот, что в середине? А крайний справа? Смотри, какой красавчик! Да и слева тоже ничего!

Подруга была в страшном возбуждении, которое невольно передалось и Сан. Она вдруг поняла, как приятно находиться в роли госпожи и выбирать себе парня на вечер, как туфли в магазине. Это давало ощущение власти и наполняло чувством вседозволенности. Она вспомнила далекое прошлое, когда в гёбан точно так же приходили мужчины и рассматривали девушек, словно товар. И хотя Сан, благодаря талантам в игре на каягеме и поэзии зачастую сама выбирала, кому будет служить, но догадывалась, что чувствовали другие кисен, которые были лишены такой возможности. Пожалуй, хорошо, что теперь и мужчины могут ощутить на себе, как унижительно чувствовать себя вещью.

– Ты кого-нибудь выбрала? – спросила Сан, а Хери зашикала на нее, чтобы говорила тише. Видимо, ей было неловко так открыто обсуждать парней при них же.

– Не знаю, не уверена, – шепнула она.

– Менеджер, ведите следующих, – властно велела Сан, закинув ногу на ногу.

– Их тут что, много? – удивилась Хери.

– Конечно. Парней сюда автобусами свозят, ты не знала? – в тон ей ответила бессмертная.

– Откуда? Я особо не интересовалась закулисной жизнью хостов. Так, приходила пару раз, и то в заведения попроще.

Парни покинули комнату, и через минуту прибыла следующая партия. Одеты были все странно и, по мнению Сан, абсолютно безвкусно. Пестрые рубашки с дикими расцветками только раздражали, хотя сами хосты, наверное, считали, что это круто и задает определенное настроение.

Хери долго стеснялась и мялась, пока, наконец, не выбрала одного из них. Парень выглядел смазливый и выделялся из всех более-менее адекватным внешним видом: обычные джинсы и простая белая рубашка.

– Менеджер, я хочу эксклюзив для випов, – заявила Сан, которая как можно скорее хотела увидеть, что из себя представляет это чудо света за три тысячи долларов.

– Конечно, госпожа, только... – он замялся, – по вторникам клиентов обычно немного, так что хост из этой категории сегодня только один. Но вы не пожалеете, он любимчик у наших клиенток!

– Ведите, – согласилась Сан и пробурчала себе под нос. – Какая разница, он же в маске, все равно я не увижу его лица.

– Верно, госпожа, – согласился менеджер. – По правилам нашего заведения он не может снять маску, как бы вы ни настаивали. Прошу понять.

– Не беспокойтесь, – заверила его Сан, краем глаза заметив, что Хери уже вовсю флиртует со своим кавалером.

«Видимо, такое уже случалось, наверное, многие просили показать лицо. Но мне-то наплевать, я сюда пришла не ради его внешности».

Ожидание длилось несколько минут, за которые Сан успела даже немного разволноваться. Наконец, дверь распахнулась, и на пороге возник высокий мужчина в элегантном черном костюме. Лацканы пиджака были покрыты матовыми блестками, которые, как ни странно, смотрелись стильно и даже изысканно. Черная маска закрывала верхнюю половину его лица, так что виднелись только глаза и губы. Он был хорошо сложен: широкие плечи, длинные ноги, тонкая талия, отличная осанка. Внешне хост и правда отличался от тех, кого

приводили раньше. И даже Хери с ее сегодняшним ухажером невольно замолчали, рассматривая появившегося на пороге мужчину.

– Приятного вечера, – улыбнулся менеджер и удалился, закрыв за собой дверь.

Элитный хост сел рядом с Сан и сказал:

– Добрый вечер, госпожа, меня зовут Джонатан, сегодня я буду вашим спутником.

Он слегка склонил голову, и Сан отметила, что он почему-то избегает смотреть ей в глаза.

– Привет, Джонатан, меня зовут Ким Сан. Давай говорить неофициально, мне так удобнее.

– Конечно, как тебе угодно, – тут же сориентировался он. – Что будешь пить?

Его голос был очень приятным, вкрадчивым и мягким, и Сан показалось, что она где-то его слышала. Возможно, он просто напомнил ей кого-то из телеведущих. Наверняка они слегка изменяют голоса, чтобы больше понравиться клиентке.

– «Меркюри Руж», ты будешь? – уточнила Сан, потому что элитные хосты имели право не пить вместе с гостями.

– Да. Я тоже люблю красное сухое, – по его губам скользнула легкая улыбка. Он быстро написал что-то в телефоне и сообщил: – Сейчас принесут. Могу я выбрать закуски на свой вкус? Или ты предпочитаешь что-то конкретное?

– Пожалуйста, выбирай, – пожала она плечами, не переставая рассматривать его лицо. Точнее, то, что было доступно для глаз. И только сейчас начала понимать, для чего им маски. Даже несмотря на то, что Сан шла сюда, полная скепсиса и равнодушия, она вдруг поняла, что ей интересно увидеть его лицо. Это было какое-то иррациональное желание раскрыть тайну, узнать, что же скрывает эта маска, увидеть, что за человек сидит рядом с ней.

– А что будет, если ты снимешь маску? – спросила она, уже невольно продумывая способы, как заставить его содрать эту раздражающую штуквинку.

– Меня уволят. Здесь везде камеры, так что... – он развел руками, как бы говоря, что ничего не поделать.

Раздался вежливый стук в дверь, и официант принес бутылку вина, фрукты и соджу, которую заказала Хери. Невольно увлеченная

своим хостом, Сан забыла о сидящей рядом подруге. Повернув голову, увидела, что она со своим «парнем» увлеченно спорит о том, какую песню спеть первой.

– Прошу, – Джонатан ловко плеснул вина и подвинул к ней бокал. Но, наливая себе, неожиданно пролил мимо на дорогуший стол. Поспешно достал из кармана платок и быстро вытер красное пятно.

Сан случайно зацепилась взглядом за вышивку по краю платка и остановила парня за руку, когда он собирался его убрать.

– Подожди... – она наклонилась и прочитала фразу: «Цвет облаков прекрасен, говорят, Но иногда и он бывает черен^[18]». Буквы были прекрасным образцом каллиграфии, а это стихотворение Сан знала наизусть, поэтому продолжила немного удивленно: – «Чист голос ветра, люди говорят, Но голос тот нередко замолкает». Ты знаешь поэзию Юн Сондо^[19]?

– Это один из моих любимых поэтов эпохи Чосон, – улыбнулся Джонатан. – Но там есть еще две строчки: «И кажется, на свете лишь вода Всегда прекрасна и всегда струится», – это они уже произнесли одновременно.

Сан удивленно смотрела на него, пытаясь понять, действительно ли он хорошо образован и начитан, или же специально выучил пару стихов, чтобы производить впечатление на клиенток.

Джонатан взял бокал и поднес к бокалу Сан, намекая, что хочет чокнуться.

– За знакомство, – сказал он, впервые посмотрев ей прямо в глаза.

Этот взгляд показался ей смутно знакомым. Слегка пригубив вино, она, не отрываясь, разглядывала мужчину, пытаясь понять, где могла его видеть. Может, он и правда знаменитость?

– Ты действительно увлекаешься чосонской поэзией? – спросила Сан, копаясь в памяти. Где же она видела эти яркие глаза? Большие, но не оперированные, с традиционным корейским разрезом?

– Да, – кивнул он и отодвинул бокал, в котором почти не уменьшилось вина. – Если сравнивать Юн Сондо и Чон Чхоля, то мне больше импонирует первый. Хотя он считается вторым по популярности поэтом в жанре сиджо^[20].

Брови Сан поползли вверх. Он даже такие подробности знает?

– И чем же тебе так нравится поэзия Юн Сондо?

– Я люблю поэзию «рек и озер», сочетание народного песенного творчества и традиционной хянга^[21]. Его тексты не отягощены поучительными смыслами и легки для восприятия даже для нас, людей, живущих спустя четыреста лет после него, – ответил Джонатан, опять посмотрев на Сан, у которой внутри что-то дернулось от его взгляда. Желание снять с него маску становилось все сильнее.

– Но без традиций Чон Чхоля, его предшественника, творчество Юн Сондо было бы невозможно. Во всяком случае, в том виде, в котором оно до нас дошло, – Сан скользила взглядом по его красивым рукам, которые сейчас аккуратно нарезали фрукты, и все больше заводилась. – Для меня основная заслуга Юн Сондо в том, что он заменил китайскую лексику корейской и писал на хангыле, хотя многие тогдашние конфуцианцы презирали его за это. Смелый шаг, не находишь?

– Безусловно, – кивнул Джонатан и слегка улыбнулся. – Люблю чосонский период нашей истории. Ведь именно в это время мы стали отходить от китайской традиции и поняли свою идентичность.

– Ты еще и историей увлекаешься? – в волнении Сан залпом выпила свое вино и опять внимательно посмотрела на хоста. Его глаза, выпуклые губы и чуть кривоватая улыбка определенно казались ей знакомыми.

– Да, особенно эпохой Чосон.

Сан напряженно копалась в памяти, пытаясь понять, где же она видела этого парня. Казалось, ответ лежит на поверхности, но она никак не могла его ухватить. Чосон... история... поэзия...

Рядом раздался залиvistый смех Хери, и Сан вздрогнула, после чего сердито посмотрела на подругу, которая была полностью поглощена своим хостом. Она нажала кнопку на пульте, и комнату наполнил оглушительный хип-хоп бит. Это была одна из песен популярной нынче к-поп группы. «Парень» Хери взял микрофон и встал, ритмично качаясь в такт. Он отлично воспроизводил речетатив песни, и стало понятно, что он увлекается рэпом.

Хери в восторге хлопала в ладоши и пыталась подпевать во время более мелодичного припева.

– Эй, вы чего такие кислые? – крикнула она, повернувшись к подруге и Джонатану.

– Я не любитель петь, ты же знаешь, – сказала Сан.

Хери сощурила глаза, рассматривая элитного хоста и наклонилась к Сан.

– Уверена, что и под маской он красавчик! Спроси, работает ли он «на выход», – шепнула она ей. – Такой загадочный... кого-то мне напоминает. Джисона, что ли?..

Подруга отвернулась, вновь обратив внимание на своего спутника, а Сан показалось, что Хери только что вытащила чеку и кинула в нее гранату. Джисон?! Она резко развернулась к Джонатану, только теперь поняв, что именно его он ей и напоминал все это время! Парень вежливо улыбнулся и опять наполнил бокалы.

Жадно разглядывая его полускрытый маской профиль, шею с выдающимся кадыком, аккуратные уши, черные волосы и выпуклые губы, Сан все больше утверждалась в мысли, что это именно он. Но как она его сразу не узнала?! Боже, да они даже переспали! Просто тот факт, что Джисон, прилежный студент, спортсмен, красавец и любимец женской половины университета, работает в хост-баре, никак не мог прийти ей в голову. «Так вот откуда у него деньги на теннис! Пожалуй, после сегодняшнего вечера он вполне может купить себе новую ракетку, да еще и на брендовые кроссы останется. И теперь понятно, почему он так обхаживал девиц в автобусе. Профессиональная деформация», – Сан пребывала в страшном волнении и не знала, что делать дальше. Как себя вести? Желание его разоблачить стало невыносимым. Она перебирала в уме различные варианты: подкупить руководство бара, подкараулить Джисона на улице после смены, а может, дожидаться, когда он выйдет по нужде, и ворваться в туалет? А там сорвать хоть силой.

Джонатан, точнее, Джисон, опять говорил о чем-то интеллектуальном и возвышенном, а Сан кивала и отвечала невпопад, сама думая только о том, как сильно она ошиблась в этом парне. Скучный? Простой и понятный? Очень смешно! Поражалась, не понимая, как могла его не узнать. Хотя, если бы прорези для глаз были чуть больше, то она, конечно, увидела бы родинку, которая когда-то свела ее с ума. Вот что значит оболочка. Она привыкла видеть Джисона в свободной одежде спортивного стиля, привыкла думать о нем как о незрелой малолетке. Сан и представить не могла, что этот элегантный мужчина в строгом костюме, который свободно беседует о поэзии и истории, тот самый мальчишка, которого она сняла в клубе!

– Чем ты занимаешься? Где-то учишься? – Сан опять осушила бокал, чувствуя, как алкоголь приятно ударил в голову и немного расслабил. Она была полна решимости вывести его на чистую воду во что бы то ни стало.

– Извини, правилами бара нам запрещено разглашать личную информацию, – Джисон-Джонатан развел руками и смущенно улыбнулся, опять отводя взгляд. «Интересно, он понял, что я его раскрыла?» – подумала Сан, чувствуя азартное возбуждение.

– А встретиться с тобой после твоей работы можно? – она положила руку ему на плечо и придвинулась ближе, ощущая легкий, едва заметный аромат парфюма. Она помнила, как умопомрачительно он пах, и едва сдержалась, чтобы не наклониться к его шее.

– Я не работаю на выход. И... прости, но по правилам к хостам запрещено прикасаться, – сказал он, осторожно отодвигаясь. Ах вот, значит, как! Играем в недоторогу? Смешно, если учесть, что они перепробовали половину поз Камасутры чуть больше недели назад.

– Правда? Менеджер ничего такого не говорил, – Сан невинно захлопала ресницами, продолжая поглаживать его спину. – О таких вещах предупреждают заранее, а раз он ничего не сказал, значит, можно.

Она опять придвинулась к нему. Руки чесались сдернуть с его красивого лица маску, прошипеть «Ты мой, я тебя купила!» и впиться в его пухлые губешки. Но Джисон аккуратно убрал ее руку и вновь увеличил между ними расстояние. Сан просто взбесилась. Она схватила бутылку, налила себе полный бокал и выпила залпом.

– Что-то не так? Тебе некомфортно? – с вполне искренней озабоченностью спросил негодный хост.

Сан чувствовала, что ей хватит, вино после соджу и почти без закуски уже не расслабляло, а сносило барьеры. Но не смогла сдержаться:

– Сколько тебе заплатить, чтобы ты снял эту проклятую маску? Три, пять, десять тысяч долларов? Назови цену!

Она бухнула бокал на стол, и Хери удивленно спросила:

– Ты чего? Он же сказал, что им нельзя...

Сан сердито зыркнула на нее, и подруга поспешила вернуться к своему ухажеру.

– Так хочешь увидеть мое лицо? – усмехнулся Джисон.

– Хочу! – с вызовом вскинула голову Сан.

– Хорошо, я сниму ее, но при одном условии.

Девушка подалась вперед.

– Сыграем в игру? Если выиграешь ты, я сниму маску, если я – ты выполнишь любое мое желание.

Если бы он попросил Луну с неба, она бы и тогда согласилась без раздумий, поэтому кивнула, ожидая, что же он предложит.

– Давай почитаем стихи, раз мы оба любим корейскую поэзию? – предложил Джисон. – Один начинает, второй продолжает. Строки поэта нужно воспроизвести в точности. Тот, кто не сможет продолжить, проиграл. Идет?

Сан фыркнула. Самонадеянный болван! Лучше нее никто в современном мире не знает традиционную корейскую поэзию.

– Идет.

– Начинай, – парень галантно предоставил даме право первого хода.

– «Если жарко – цветы зацветут,
Если холодно – лист опадает»,

– начала Сан и повела рукой, обозначая, что Джисон может продолжить.

– «Отчего же, сосна, для тебя
Не страшны ни метели, ни иней?
Знаю: крепкие корни твои царство
мертвых проникли глубоко»,

– закончил он и улыбнулся.

Окей, посмотрим, как ты справишься дальше.

– Это было слишком легко, – отмахнулась Сан, а Джисон только усмехнулся.

– Моя очередь, – сказал он. -

*На свет я родилась лишь потому,
Что мне предназначалось быть с тобою.*

*И разве в Небесах о том не знали,
Что путь земной нам проходить вдвоем?
Лишь для тебя была я молодой,
Одну меня любил ты в целом мире.
Такой любви, как эта, не бывало,
И для нее сравненья не найти.
С тобой в покои Лунного дворца
Еще недавно мы ходили вместе.
Так почему же старость я встречаю
Совсем одна, от милого вдали?
За что меня услали в мир людей
И всех небесных радостей лишили?
С тех пор уже три года миновало,
Как не причесывала я волос,
Румян не доставала и белил:
К чему мне украшенья и наряды,
Когда, как снежные сугробы в поле
Лежит в душе глубокая печаль?..
Что бы ни делала – вздыхаю я,
Куда бы ни пошла – роняю слезы
И думаю: предел положен жизни.
А горю моему предела нет!*

Его голос, мягкий и вкрадчивый, тревожил что-то в сердце Сан. Он был пронизан тихой печалью, такой же, как и слова в этом стихотворении. Словно, произнося строки давно почившего поэта, Джисон имел в виду что-то личное, свое. Мелодичный тембр пел внутри, и Сан как будто вновь ощутила под пальцами струны каягыма и услышала его тягучий звук.

Она унеслась мыслями в далекое прошлое, к нетронутым цивилизацией городам, полям и рекам. Когда мир был жесток и безжалостен, но в то же время мудр и в чем-то справедлив. Когда из слов плели кружева, вот такие – наполненные тонкими, сложными чувствами, которые совсем не умеют выразить сейчас. Все так упростилось... Жизнь стала комфортнее, но вместе с тем она утратила

многослойность, потеряла множество смыслов, свелась к примитивизму и бытовым удобствам.

– Не продолжишь?

Она вздрогнула, возвращаясь из своих мыслей в комнату хост-бара.

– Ах да...

Минует время, как бежит вода,
И в свой черед приходят зной и стужа.
Зима идет за летом – и мир
Свой образ меняет на глазах.

Джисон покачал головой.

– Что? – нахмурилась Сан.

– Две последние строчки ты произнесла неверно. Там было «и окрестность свой облик изменяет на глазах», – сказал он.

«А ведь он прав! Как же я могла так ошибиться!» – с досадой поморщилась она, однако решила стоять на своем.

– Но смысл тот же! Подумаешь, два слова поменяла, – возмутилась Сан, начиная закипать.

– Но по правилам игры ты должна была правильно повторить строки поэта, – возразил Джисон, и в его глазах мелькнули озорные искорки. Он что, глумится над ее нелепой ошибкой? Да это и ошибкой назвать нельзя!

– Что за глупости! Ты сейчас хочешь нечестно выиграть? – Сан выпрямилась, приготовившись к обороне.

– Что у вас все время происходит? – слева послышался недовольный голос Хери.

Джисон рассказал об игре. Сан сидела на диване, скрестив руки, и мрачно смотрела на полированную столешницу.

– Кто выиграл, на ваш взгляд? – он обратился к Хери и ее ухажеру, чтобы они рассудили спор.

– Сложно сказать, наверное, ты, – ответила ему ведьма и, поймав убийственный взгляд подружки, развела руками. – Я должна быть объективной, прости!

Девчонка поспешила вернуться к своему хосту, а Сан поклялась себе страшно отомстить ей за такое предательство.

– Ты должна мне желание, – веселился негодный пацан, доводя ее до белого каления.

– Ничего подобного! Я просто оговорилась, это не считается! Само стихотворение я помню! – она кипела, вне себя от того, что так прокололась и что хитрец поймал ее. Мало того, что ей не удалось его разоблачить, так еще и придется исполнять его желание.

Джисон рассмеялся, а Сан взбесилась и вскочила на ноги.

– Я ухожу, спасибо за приятный вечер, – выдавила она и взяла сумочку.

– Постой, а как же желание? – Джисон преградил ей путь.

– Ну? – она приготовилась к какой-нибудь очередной гадости и хмуро смотрела на дверь за его спиной.

– Не умеешь проигрывать? – вдруг спросил он, наклоняясь чуть ниже. И когда их лица оказались на одном уровне, Сан опять увидела тот же серьезный взгляд, что и на пляже Хэундэ в Пусане.

– А из тебя плохой конспиролог, – съязвила она. – Что там с желанием?

– Я скажу тебе о нем позже, – улыбнулся Джисон и отошел в сторону, открывая доступ двери.

Сан пожала плечами и, не оглядываясь, вышла из комнаты. Когда она уже расплачивалась на ресепшене, ее окликнула Хери.

– Ты почему ушла? Что случилось? – она тронула ее за руку, но Сан дернула плечом. Ее сейчас раздражало абсолютно все.

– Не могла встать на мою сторону? – зашипела она. – Этот негодник и есть Джисон! И мне нужно было его разоблачить! Нафига ты ему подыграла?

– Seriously? Джисон? – Хери открыла от удивления рот и поспешно прикрыла его ладонью, надеясь, что никто из работников бара ее не услышал. – Я думала, они просто похожи... Ты уверена?

– Уверена. И благодаря тебе я теперь задолжала ему желание! – она убрала в сумку картхолдер и решительно направилась к выходу.

– Ну-у... может, это желание тебе понравится? – Хери пошла следом. – Вообще не понимаю, чего ты так взбесилась. Надо проще ко всему относиться, это всего лишь игра! Может, он со всеми клиентками в нее играет...

Сан резко остановилась и смерила подругу уничтожающим взглядом.

– Ой, прости, – ведьма состроила извиняющуюся физиономию и лукаво улыбнулась. – Я смотрю, Джисон вдруг перестал быть скучным и предсказуемым? Так в чем дело, затуси с ним, ты ему тоже нравишься.

– Я домой, ты остаешься? – не ответив, спросила Сан.

– Вообще хотелось бы...

– Тогда пока.

Сан вышла из здания хост-бара в жаркую ночь. На часах было двенадцать, но город не спал, шумели машины, всюду слышались разговоры и смех прохожих, а на противоположной стороне улицы растянулась огромная очередь в ночной клуб. Хери ошиблась, в этом районе в любой день недели были востребованы ночные развлечения.

«Лучше бы мы пошли в клуб», – подумала Сан и решила прогуляться до дома пешком. Идти было довольно далеко, но она хотела насладиться ночным видом реки Хан, огнями мегаполиса и веявшей от воды прохладой. А заодно проветрить голову.

На другой стороне реки возвышались высотки и в ночной темноте напоминали шпильки пине, унизанные драгоценными камнями. Сан дошла до моста Банпо и поднялась на него, чтобы сверху посмотреть на черную воду, в которой по обе стороны отражались городские огни.

Мост подрагивал от проезжавших по нему машин, а Сан шла, наслаждаясь долгожданной прохладой и легким ветерком, трепавшим волосы. На противоположном берегу возвышался Олимпийский стадион, где часто проходили концерты как местных групп, так и приезжих артистов мирового уровня. Жилой комплекс, где она жила, располагался совсем недалеко от него, и даже с такого расстояния она видела верхние этажи своего дома.

Остановившись на середине моста, она оперлась на заграждения и посмотрела вниз. Там маячила пугающая чернота, навеявая воспоминания о кошмарах, связанных с водой, в которые когда-либо попадала Сан. Прохладный воздух и шум ночного города слегка отрезвили, и она вдруг подумала, что повела себя по-детски. Почему так взбесилась? Потому что сложно признать, что ошиблась? Ошиблась в Джисоне, которого воспринимала глупым юнцом, ошиблась в себе, считая, что, прожив триста лет, стала самой умной и

дальновидной? А может, потому что ей категорически не нравилась мысль, что не только ей он демонстрирует свой уровень и эрудицию? Хотелось быть для него единственной?

Глупости. Сан тряхнула головой и попыталась отогнать донимавшие ее мысли. Даже если все так, это ничего не значит. Джисон – всего лишь проходящий персонаж в ее жизни и не задержится в ней надолго.

Хотела бы она когда-нибудь остановить безумный бег времени и найти того, с кем может прожить до конца своих дней? Сан никогда не задумывалась об этом, потому что знала, что бессмертна, а значит, как сказала Хери, долго и счастливо не про нее. Она даже не думала завести ребенка. И не только потому что была равнодушна к детям, а потому что не смогла бы пережить его смерть. За триста лет она потеряла слишком много дорогих людей, и после гибели Мины в корейской войне решила, что будет одна. Всегда. Вечное одиночество, которое скрашивали дорогие наряды, деньги, внимание богатых мужчин и все доступные ей блага цивилизации. В итоге ее сердце очерствело, заморозило жившие в нем чувства, потому что перенести очередную смерть близкого человека уже не осталось сил. Эта мысль была вшита на подкорку сознания, и абсолютно всех людей, которые встречались на ее пути, она воспринимала через призму этого знания. Они все умрут, а она останется. Сан злилась на себя за то, что так привязалась к Хери, но как никто другой знала, что человек проживает много жизней, и связь их душ немного успокаивала. Даже спустя столетия она вновь встретит эту девчонку, которая стала ей семьей. Просто нужно научиться ждать.

Странная штука жизнь. Большинство стремится свить свое гнездо, найти пару, завести детей и состариться вместе. А для чего? Все люди когда-то умирают, и все, над чем они трудились многие годы, уходит в небытие. Вечным остаются только ценности вроде наследия культуры, но свой след в искусстве могут оставить единицы. В большинстве случаев людей волнуют только материальные вещи, которые исчезают без следа после их смерти. Они кучу лет тратят на то, чтобы накопить на квартиру, купить машину, устроиться на лучшую работу, а потом все то же самое повторяют со своими детьми и внуками. Зачем? Для чего эта безумная гонка, если все равно они все умрут? Умрут в одиночестве, потому что, как бы ни старались убедить

себя в том, что не напрасно прожили жизнь, итог-то у всех один. Так зачем стараться? Зачем искать любовь и надеяться, что тот самый, единственный, скрасит их одинокую старость? Как бы люди ни цеплялись друг за друга, они всегда остаются одинокими. Найти опору и поддержку – лишь иллюзорное желание, чтобы не так страшно было жить в этом мире. И истинное мужество имеют лишь те, кто может взглянуть правде в глаза и сказать самому себе: «Я один. Мне не на кого надеяться. Помочь себе могу лишь я». Только такие люди лишены сожалений и ближе всех находятся к счастью.

Была ли Сан таким человеком? Она совершенно точно отдавала себе отчет в том, что ей не на кого рассчитывать, и в этом мире она совершенно одна. Но все же ее душа время от времени тянулась к теплу. Поэтому она разрешила себе подружиться с Хери и по этой же причине хотела сблизиться с двумя мужчинами, которые так внезапно ворвались в ее устоявшуюся, размеренную жизнь. Джисон и Квон Доён. Каждый из них занял свою нишу в ее сердце, и отпускать их обоих совершенно не хотелось. Хотя конец был предрешен с самого начала.

Сан напоследок посмотрела на черную воду и медленно пошла дальше. Ноги в туфлях на высоких каблуках ныли, ей ужасно хотелось скинуть их и пойти босиком. Как только достигнет той стороны, бросит мучиться и поймает такси.

Она смотрела на широкую реку и медленно брела вперед, пока не заметила впереди чью-то неподвижную фигуру. Остановившись, перевела на нее взгляд и обомлела: напротив, в нескольких шагах от нее стоял Джисон и улыбался. Открыто, искренне, счастливо.

Так, как умел улыбаться только он. Злость на него, которую она унесла из хост-бара, исчезла без следа, и Сан невольно ответила ему такой же яркой улыбкой. Сейчас он выглядел как тот Джисон, которого она знала до сегодняшнего вечера. В однотонной черной рубашке с коротким рукавом, в обычных джинсах. Простой и понятный. Теплый...

Он подошел к ней и сказал, не переставая улыбаться:

– Домой собралась? А как же мое желание?

Она рассмеялась, неожиданно легко и искренне.

– Между прочим, я спрашивала. Ты сам сказал, что озвучишь его позже.

– Ну тогда пойдем на свидание! Это мое желание.

– Прямо сейчас? Куда? – удивилась Сан.

– Почему бы и нет? Я уже все приготовил, – Джисон наклонился к ней и лукаво улыбнулся. – Кстати, я и твое условие выполнил, и маски на мне нет!

– Это уже не актуально, – отмахнулась она. – Нужно было снять ее, когда я просила.

Джисон только рассмеялся. Они шли вместе по мосту Банпо, а она то и дело косилась на невозмутимого парня, который неспеша шагал, заложив руки за спину. Прямо как чосонский аристократ.

– Сюда, – позвал он, подавая руку Сан, чтобы помочь спуститься. Мост на этой стороне реки выходил далеко на берег, и для тех, кому нужно было спуститься именно здесь, построили высокую железную лестницу.

Сан приняла его руку, разрешая ухаживать за собой хотя бы до конца этого вечера. Не зря же она отвалила за него столько денег, пусть отрабатывает.

Молодые люди пошли по безлюдной дороге, одна часть которой предназначалась для велосипедистов, другая – для пешеходов. Этот участок возле реки Хан выглядел не очень ухоженным. Некоторые кусты выросли такими высокими, что за ними не видно было воду. Но, пройдя еще несколько минут, Сан увидела уже облагороженную часть парка Ханган, лавочки, украшенные подсветкой деревья, а еще через несколько шагов стали появляться маленькие палатки и сидящие на газонах парочки. Это напомнило Сан ее прогулку по пляжу Хэундэ в Пусане и мимолетное желание вот так же любоваться водой рядом с кем-то молодым и симпатичным.

– Мы пришли, – сказал Джисон, останавливаясь возле двух раскладных кресел и маленького столика, на котором стояло вино и закуски. – Садись, устала, наверное, на своих ходулях. И зачем только ты носишь такую убийственную обувь?

– Это красиво, – ответила Сан, с наслаждением опускаясь в плетеное кресло. Немного подумала и разулась. Ноги ломило, и она ощутила, как влажная от росы трава приятно холодит ступни. – Когда ты успел все это приготовить? Я ушла из бара не больше часа назад.

– Это секрет, – лукаво улыбнулся Джисон.

– Ты не мог знать заранее, что я проиграю, – она смотрела, как он открывает бутылку вина и подумала, что если сейчас выпьет, то не может ручаться за то, чем закончится сегодняшняя ночь. Джисон по-прежнему был красив и по-прежнему будоражил инстинкты Сан.

– Не мог, – он усмехнулся уголком рта и протянул ей бокал. – Зато постарался сделать все, чтобы ты ошиблась.

– Вот негодник! – проворчала Сан, невольно улыбаясь. – Значит, ты специально бесил меня, чтобы я вышла из себя и допустила ошибку?

– Ну-у... – Джисон многозначительно дернул бровями. – Да! Маска сделала свое дело.

– Ну и молодежь нынче пошла, – усмехнулась Сан.

– Ты старше меня всего на несколько лет, так почему разговариваешь со мной как с малолеткой? – обиделся он.

«На несколько сотен лет», – мысленно поправила его Сан, а вслух сказала:

– Может, потому что ты мой студент?

Джисон фыркнул.

– Ерунда! И вообще, не будем омрачать наше первое свидание.

– Звучит так, будто ты рассчитываешь и на второе. – Она сделала глоток, твердо решив не поддаваться на провокации и держать себя в руках до последнего. Не стоит идти на поводу у влюбленного мальчишки.

– Вообще-то да, – он улыбнулся и сплел пальцы, уперев локти в подлокотники.

– Почему ты работаешь хостом? – Сан, наконец, задала вопрос, который вертелся у нее на языке с тех пор, как она узнала его под маской.

– А что в этом такого? – он пожал плечами и обхватил пальцами ножку бокала.

– Сомнительное занятие – развлекать богатых дам.

– Почему? Моя сегодняшняя клиентка мне очень даже понравилась. – Он задорно улыбнулся и сделал движение рукой, как будто хотел коснуться Сан, но внезапно передумал.

– Но ведь не всегда тебе попадаются такие, как я. Наверняка многие из них капризны, да и изображать искреннюю симпатию и увлеченность не так-то просто, – Сан вспомнила, как тяжело ей было

держат улыбку на лице, когда посетители гёбана вели себя грубо и непристойно.

– Во-первых, почти все мои клиентки – постоянные гости, которые давно со мной знакомы и приходят специально ко мне, – объяснил Джисон. – Во-вторых, руководство строго следит за соблюдением правил, и тех, кто их нарушает, провожают из бара. Именно поэтому я говорил, чтобы ты меня не трогала.

– А не потому ли, что хотел меня раззадорить еще больше? Видел же, что я не в себе из-за этой проклятой маски! – Сан прищурилась, глядя в его большие глаза, которые отражали лунную дорожку на воде.

– И это тоже, – он рассмеялся, и она опять залипла на том, как задвигался кадык на его шее.

– И все-таки, почему именно хост? – решила допытаться Сан.

– Потому что это самая простая и высокооплачиваемая подработка для студента. А расходы у меня большие, я же играю в теннис. И так приходится экономить, снимая квартиру наполоам с Юримом. Он, кстати, тоже хост, только не для випов. Когда мы с тобой познакомились в клубе, у нас обоих был выходной, так что тебе повезло меня встретить. Обычно у меня нет времени ходить по таким местам, – Джисон самодовольно хмыкнул в бокал и сделал глоток.

– Хм... а я думала, это у меня завышенная самооценка, – Сан изогнула бровь.

– Мы просто идеальная пара, – Джисон протянул руку и сжал ее пальцы. Его ладонь была теплой и очень приятной. Сан поймала себя на мысли, что находиться рядом с ним ей удивительно комфортно и спокойно. Это пахивало чем-то очень опасным, а именно – эмоциональной привязанностью, так что она дала себе мысленную пощечину, вынимая руку.

– Джисон, – начала она и сделала паузу, думая, как помягче сказать, что все его попытки сблизиться априори обречены на провал. – Я ведь уже говорила тебе, что парой мы быть не можем. Мне приятно твое внимание, но давай все оставим как есть. Я не хочу идти дальше.

– Обязательно нужно было портить такой прекрасный вечер? – вздохнул Джисон, устремляя взгляд на черную гладь воды.

– Это ты меня пригласил, я не напрашивалась, – пожалала плечами Сан.

– Я ведь нравлюсь тебе, я чувствую! Почему ты так упорно меня отвергаешь? – он повернул к ней голову.

Сан не знала, что сказать. Да, она отвергала, отпихивала любовь руками и ногами, боялась сблизиться с человеком, который настойчиво пробирався в ее сердце, невзирая на наглухо заколоченную дверь. Но дело было не только в этом. Она считала, что Джисон точно не тот мужчина, с которым она может встречаться. Ей больше подходил Доён – взрослый, самодостаточный, зрелый. Человек, который ее ненавидел, и чье расположение ей так хотелось завоевать, несмотря ни на что.

Сан поднялась из кресла и сделала несколько шагов к реке, глядя на огни противоположного берега. Джисон подошел к ней и встал рядом.

– Красиво, – сказала Сан, указав на подмигивающие окна высоток. Ей хотелось избежать неприятного объяснения. Всего несколько дней назад она отвергла Джисона, практически не чувствуя угрызений совести. Но сейчас было тяжело повторить те же самые слова.

– Ты не ответила на вопрос.

Сан вздохнула и села на траву, подогнув под себя ноги. Платье, конечно, промокнет и испортится, но плевать. От воды несло влажную прохладу, и она втянула носом приятный речной запах.

– Мне уже кое-кто нравится, – решила она все-таки сказать, прекрасно понимая, как Джисону неприятно будет слышать, что выбрали не его.

Он помолчал и сел рядом, вместе с ней глядя на колеблющуюся гладь. Посередине реки шел двухпалубный прогулочный теплоход, подмигивая им огнями.

– Значит, когда ты говорила, что не хочешь отношений, ты просто не хотела отношений именно со мной, – глухо сказал он и откашлялся.

Сан было неловко смотреть на него, поэтому она по-прежнему не сводила глаз с воды.

– Дело не в этом, просто... сама не знаю, когда успела влюбиться, все произошло очень неожиданно.

– Значит, я опоздал, – невесело усмехнулся Джисон и протянул ей бокал. – Держи. Ладно, я все понял, больше не буду настаивать. Но мне бы хотелось остаться рядом с тобой хотя бы в качестве друга. На это я могу рассчитывать?

Сан повернула голову. Его глаза искрились невысказанной обидой и разочарованием, но он пытался скрыть это за открытой дружелюбной улыбкой, призванной сказать: «Со мной все в порядке! Подумаешь, отвергла девушка, с кем не бывает!»

– Если тебе не будет тяжело, то можешь, – медленно ответила она, почему-то именно сейчас ощутив всю силу его чувств. Он не клялся в любви, не стоял на коленях, не бросал к ее ногам цветы и бриллианты, как это делали многие ее поклонники. Джисон был обычным парнем. Сирота, студент, вынужденно подрабатывающий в хост-баре, чтобы оплачивать дорогостоящее, но любимое хобби. Умный, образованный и тонко чувствующий поэзию мальчик, не имеющий в этой жизни ни опоры, ни поддержки. Но почему-то именно он тронул Сан глубже, чем миллионеры, которые дарили ей яхты и машины. Наверное, потому, что был настоящим, и причинять ему боль хотелось меньше всего.

– Все в порядке, – ответил он и отхлебнул вина, не глядя на Сан.

Она осушила свой бокал и, поставив его рядом на траву, легла на спину, глядя в усыпанное звездами небо.

– Не помню, когда в последний раз выбиралась на природу, – проронила она, чувствуя, как вместе с умиротворением на нее накатывает дрема.

– Значит, я правильно сделал, что привел тебя сюда, – усмехнулся Джисон.

– Спасибо тебе, – сказала Сан и, мягко улыбаясь, закрыла глаза, сквозь мягкое забытье слыша удаляющийся голос Джисона.

Нежно-розовые азалии ловили солнечные лучи, колыхаясь от легкого ветерка. Сан посмотрела в окно, и сердце затрепетало от восторга, когда мимо клумбы с ее любимыми цветами вихрем пробежала Миджа. Неужели пришли?!

Сан бросилась к зеркалу, чтобы убедиться, что прическа в порядке. Оно отразило хорошенькую девочку с румяными щечками, чуть подкрашенными бровями и длинной косой на идеально прямой пробор. Сан улыбнулась, довольная тем, что родилась такой красавицей, и обернулась на звук открывшейся двери. Служанка, девочка ее возраста, влетела в спальню госпожи и, едва переводя дух, сообщила:

– Госпожа, они еще не прибыли. Бегала я к их дому, так слуги сказали, что господин Ли Хян еще собирается. Наверное, как и вы, прихорашивается перед встречей.

– Как долго! – невольно расстроилась хозяйка и сердито отодвинула от себя зеркало.

– Да не беспокойтесь, все было решено еще при вашем рождении, – взмахнула рукой Миджа и опустилась рядом. – Осталось только официально посвататься и ждать, когда родители решат устроить свадьбу.

– Поскорее бы... Ты принесла мне нефритовое кольцо, заколку и подвеску, что я просила?

Юная Сан строго посмотрела на служанку, которая при этих словах нахмурилась и проворчала:

– Да куда ж еще, госпожа? Вы собираетесь навесить на себя все украшения в доме? Ваш жених решит, что вы хотите понравиться ему еще больше!

– Вот еще! – вздернула носик Сан и вновь повернулась к зеркалу, любуясь своим отражением. – Я знаю его во-от с таких пор, – она показала рукой над полом, – когда он еще бегал за Доёном и умолял его с ним поиграть. А тому было скучно нянчиться с нами.

– Господин Доён уже тогда считал себя взрослым и важным, хоть старше вас всего на две зимы, – прыснула в кулак Миджа и тут же спохватилась, что нельзя так пренебрежительно отзываться об аристократах. – Простите, госпожа, только не рассказывайте ему!

Сан рассмеялась, глядя на испуганное лицо служанки, и потрепала ее по голове.

– Ты лучше причешись, смотри, как небрежно, – сказала она и протянула ей зеркало.

У Миджи были непослушные кудрявые волосы, которые торчали в разные стороны, сколько их ни заплетай. Сан схватила расческу, чтобы причесать служанку, как вдруг из раскрытого окна послышались голоса, и она замерла.

– Пришел! – одними губами прошептала она и в волнении бросилась к двери. Но Миджа схватила ее за руку.

– Что вы, госпожа, нельзя! Нужно подождать, пока батюшка позовет! Что подумает о вас семья жениха!

Сан стиснула в пальцах край юбки, пытаясь унять трепетавшее сердце, и села обратно. Скорее бы! Она представляла, что скажет Хян, как посмотрит на нее, встретившись с ней не как с другом детства, а как с невестой. Будет ли смущен? Будет ли рад? И хочет ли он вообще, чтобы она стала его женой?

Наконец, слуга позвал молодую госпожу, и Сан, обмирая, вышла из своей комнаты в залитый полуденным солнцем двор. Отец что-то громко говорил министру Ли, и время от времени они шумно смеялись. Но девочка искала глазами только Хяна. Только его лицо она хотела видеть, только его голос мечтала услышать.

– Сейчас придет Сан, и мы пройдем в мой кабинет, чтобы обсудить детали свадьбы, – сказал отец и, увидев дочь, воскликнул. – А вот и ты, дитя мое!

Она будто не слышала. Только смотрела на мальчика в нежно-голубом ханбоке, который склонился над большим кустом азалий, вдыхая их терпкий аромат. Услышав, что Сан пришла, он обернулся. Сердце вдруг неистово заколотилось, голова закружилась, и все поплыло перед глазами, утонуло в белоснежных лепестках лилий и в их дурманящем аромате...

Сан распахнула глаза и встретила взглядом со склонившимся над ней Джисоном. Сердце все еще тяжело бухало в груди.

– Тебе опять что-то снилось? Ты бормотала во сне, – сказал он, помогая ей подняться.

– Нет, ничего особенного. Точно не кошмар, – сказала она, мысленно все еще пребывая во дворе своего дома, которого даже не помнила. Это был ее сон. Не профессора Квона, а именно ее. И в нем она увидела кусочек прошлого, которое долгие годы блокировала память. Неужели воспоминания стали возвращаться? Вспомнит ли она все до конца или по-прежнему будет блуждать в темных закоулках своего разума?

Сан села, напряженно всматриваясь в черную гладь. Она никак не могла вспомнить лица своего жениха. Ли Хян... От этого имени что-то тревожно вздрагивало внутри, и она чувствовала, что ей жизненно необходимо узнать, кем он был. Джисон рядом что-то беззаботно лопотал, а она гадала, что же случилось с ней, с ее семьей и суженым, которому она так и не стала женой.

Очередной рабочий вечер, плавно перетекающий в ночь. На часах показывало уже десять, и Джисон машинально листал ленту в соцсети, ожидая, когда его пригласят. У Юрима сегодня был долгожданный выходной. Их графики редко совпадали, поэтому чаще всего они виделись по утрам, когда Юрим возвращался с работы, а Джисон уже собирался в университет. Преимуществом элитных хостов было то, что не нужно выходить на смену каждую ночь, и он мог вполне убедительно изображать прилежного студента. К тому же за несколько лет работы в хост-баре Джисон обзавелся некоторыми связями, давно уже обменялся телефонами с постоянными клиентками и заранее знал, когда к нему придут. Сегодня никто не звонил, значит, можно попытаться отпроситься у менеджера после полуночи, чтобы не сидеть впустую.

Однако, к его удивлению, в половину одиннадцатого к нему заглянул менеджер и сказал, что его арендовали. Мерзкое словечко, но оно уже давно не резало слух. Ведь, в сущности, хостов и правда брали в аренду: их время, эмоции, настроение и в некоторых случаях интеллектуальные способности.

Джисон привычным движением надел маску, завязал на затылке шелковые ленты и спустился вниз. Когда открылась дверь вип комнаты и Джисон увидел, кем была его сегодняшняя гостья, он с трудом поборол инстинктивное желание броситься обратно.

Ким Сан с видом королевы закинула руку на спинку дивана и смотрела на вошедшего взглядом, в котором сквозила самоуверенность, возведенная в десятую степень. В воздухе витал скепсис и агрессия. Она пришла сюда очевидно с негативным настроением, и Джисон даже отдаленно не представлял, о чем и как с ней говорить.

В этот момент он от всей души порадовался, что на нем была маска, которая скрыла отразившееся на его лице ошеломление. А если она его узнает? С этой женщиной и так было непросто, и оставалось загадкой, как она отреагирует, когда поймет, кто он и чем зарабатывает на жизнь.

Пройдясь по его фигуре оценивающим взглядом, она едва заметно одобрительно ухмыльнулась – ей понравился его внешний вид.

Хорошо, что он догадался надеть сегодня новый костюм.

– Госпожа, приятного вечера, – сказал менеджер и оставил Джисона на растерзание хищницы, которая так его манила.

Не зная, что говорить, Джисон решил попытаться вести себя с ней так же, как и с другими клиентками. Назвал свой псевдоним, который имелся у всех хостов, работающих в этом баре, и предложил выпить. Стандартный набор. Но для Сан этого было мало, нужно что-то, что зацепит ее, заинтересует. И неожиданно Джисону пришла в голову мысль. Сан – азартная женщина, ее воображение можно распалить, заинтересовать и полностью завладеть ее вниманием. А если подтолкнуть события в нужное русло, то он может добиться того, чего хочет. И даже если она узнает его, то это не помешает ему осуществить его маленький план.

Поэтому, написав Юриму «Мне нужно организовать романтическое свидание на берегу реки Хан! Срочно!», он улыбнулся Сан и разлил вино по бокалам, специально пролив мимо. Изобразив искренность, извинился и достал платок с вышитыми стихотворными строками. Наживка заброшена, осталось только вывести все в нужное русло, и тогда у Джисона появится еще один шанс завоевать женщину, которую он так любил.

Глава 7

Струны каягыма

Сан набрала код своей квартиры и вбежала внутрь.

Скинула туфли и, не раздеваясь, кинулась к ноутбуку. Ей нужно было срочно найти информацию о Ли Хяне. Свое расследование про Мина она оставила, закружившись в круговороте насущных дел, но, узнав новое имя из своего прошлого, твердо решила в этот раз докопаться до истины.

Пока загружался ноутбук, сняла платье и выпила воды с лимоном из холодильника. Любимый напиток освежил уставшее тело и прояснил спутанные мысли, выгоняя из головы остатки алкоголя. Глядя на оживающий экран, Сан подумала о том, как хорошо, что она выяснила все с Джисоном и не поддавалась инстинктам. Сейчас ей было не до него. Все, что ее волновало – это первое воспоминание из человеческой жизни, которое пришло к ней в ее собственном сне. А в том, что это была не фантазия, она не сомневалась. Этот сон был таким же четким и ярким, как и сны Доёна. Только непонятно, почему правда о прошлом стала открываться ей именно теперь? С чем это связано? С тем, что она увидела его в реальной жизни? Возможно, катализатором событий, о котором говорил Джумок, является их встреча?

Опять вопросы, одни вопросы и ни одного ответа. Если кто-то хочет, чтобы она узнала о себе то, что три столетия блокировало сознание, почему тогда просто не показать все и сразу? Зачем мучить ее загадками? Сан раздраженно хлопнула ладонью по кровати и,

наконец, открыла все свои источники в поисках теперь уже другого имени.

Ли Хян, сын министра Ли... Во сне Сан было не больше четырнадцати, значит, эти события происходили лет на восемь раньше того момента, когда она стала бессмертной. До рассвета она не могла остановиться, перелопачивая сотни биографий и пытаясь выхватить из многообразия имен единственное, которое ее интересовало.

Это было время активного противостояния двух политических партий: норон и сорон. Сан хорошо помнила их представителей, которым не единожды прислуживала, будучи кисен. И каждый раз они плели друг против друга интриги, в которых принимала участие и хозяйка гёбана, слышавшая слишком много разговоров, не предназначенных для ее ушей.

Глаза слипались, Сан пила уже третью чашку крепкого кофе, но так ничего и не выяснила. Она поставила себе цель узнать, кто такой Ли Хян, или умереть от передоза кофеина. С учетом ее бессмертия это звучало забавно. Она не обращала внимания на время и совсем забыла, что сегодня у нее первая лекция факультатива по японской оккупации. Все мысли занимало лишь прошлое, которое она жаждала узнать, как одержимая.

Наконец, спустя несколько часов поисков, когда ее уже тошнило от Кимов, Ёнов, Паков и прочих чиновничьих фамилий, всего три буквы вдруг врезались в глаза. Сан едва не пролила кофе, впившись взглядом в экран. «Сын министра Ли Дождона, Ли Хян, погиб при загадочных обстоятельствах, и наследником рода стал его младший брат, Ли Гым». Вот оно! Сердце захлебнулось от внезапной находки. Сан ощутила всеми своими шестью чувствами, что это именно то, что она искала. Она жадно просматривала всю доступную информацию, сверяла источники, но больше нигде не встретила ничего, касающегося сына одного из норонов, министра Ли. Мальчик, с которым она была обручена, не оставил следа в истории и упоминался просто как член семьи известного чиновника. Три строчки. Всего три строчки посвятили человеку, встреча с которым когда-то выбивала у нее почву из-под ног.

Сан рухнула на спину, глядя в потолок. Закрыла глаза, выстраивая цепочку событий из всего, что ей стало известно.

Значит, когда-то в юности она была обручена с Ли Хяном и, судя по всему, они испытывали друг к другу нежные чувства. Потом с ее семьей приключилась какая-то беда, и она оказалась в гёбане. Вспомнила, как отчаянно просила Доёна устроить встречу с неким господином Ли и поняла, что та, прежняя Сан, говорила именно о Ли Хяне. В следующем воспоминании, где Доён искал благосклонности юной кисен, он говорил, что господин Ли бросил ее, струсил и поступил как слабак. Что это значило, если он погиб? О каком предательстве говорил Мин?

Похоже, его отец, министр Ли, имел отношение к тому, что случилось с Сан. Она вскинулась и вновь полезла в документы, уже ища информацию об отце Хяна. Если все именно так, как она сейчас представила, то здесь должно быть что-то сказано и о ее семье.

Очень скоро выяснилось, что ее несостоявшийся свекор был тем еще засранцем. Судя по всему, он был одержим карьерой и шел по головам, не считаясь ни с родственными, ни с дружескими связями. Сан устала считать, скольких людей он предал, пока не достиг своей цели – стал правым советником короля. Историки даже дали ему прозвище Кибальхан – «изворотливый».

Скорее всего, среди людей, которых он предал, был и отец Сан, поэтому всю семью понизили в ранге, а дочь отправили в дом кисен как государственную рабыню. Вот уж спасибо... «Теперь понятно, кого надо благодарить за все – папашу моего несостоявшегося женишка, – думала Сан, в сотый раз перечитывая информацию, которую удалось найти. – Хотя, может, оно и к лучшему? Прожила бы я триста лет, если бы не он? Наверняка меня бы не ждало ничего хорошего, только куча детей, унылый быт и бесславная смерть где-то лет в тридцать пять. Вообще не весело».

Остался подвисшим один вопрос. История ее семьи. Что стало с отцом, матерью, были ли у нее братья и сестры, и если да, то какова их участь? Но что-то останавливало Сан от поиска ответов. Она понимала, что ничего хорошего не найдет. Несмотря на отсутствие воспоминаний, в груди что-то болезненно дергалось, когда она представляла, как где-то в этих документах найдет три таких же сухих строчки о смерти родных.

Сан понимала, что рано или поздно придется набраться храбрости и все выяснить, но не сейчас. На сегодня и так слишком много

потрясений. Она взглянула на время, только сейчас осознав, что не спала всю ночь и даже не подготовилась к лекции. Поморщившись, Сан немного помедлила, решая, стоит ли тратить время на презентацию или все-таки немного поспать. Затем решительно захлопнула крышку ноута, поставила будильник и рухнула на кровать. За окном уже светлело, лекция начиналась в два, и у нее оставалось максимум четыре часа на сон.

По дороге в университет Сан лихорадочно составляла план лекции на заднем сиденье такси. Совесть немного подкусывала, напоминая о том, что этот факультатив достался ей не совсем честно, а она так безответственно к нему отнеслась. Вместо того, чтобы как следует подготовиться, она ударилась в изучение своего прошлого, которое даже после найденной информации все равно скрывалось за завесой тайн и представлялось весьма туманным.

Сан решила начать с обзора деятельности Японской империи на территории Корейского полуострова, а затем разбить тему на блоки, каждый из которых отдельно освещать на занятиях.

Когда приехала в университет, первым делом зашла на кафедру в надежде увидеть Квон Доёна, но обнаружила там только пустой стол, опять заваленный кипой бумаг. Недовольно цокнув языком, она небрежно сдвинула его вещи в сторону и разложила свои распечатки. До начала пары оставалось двадцать минут, и Сан в спешке пробежала глазами только что составленный наспех конспект. Ей не хотелось разочаровать студентов, которым нравились ее лекции, пока она замещала профессора Квона, и еще больше не хотелось упасть в глазах господина Пака, у которого она с таким трудом выбила право вести этот курс.

На пробковой доске рядом с монитором висело расписание Доёна, и Сан увидела, что сейчас он вел занятие у третьекурсников, поэтому и стол был свободен. Но дожидаться его она не стала и отправилась на четвертый этаж в четыреста двадцатый лекторий, чтобы спокойно, ни на что не отвлекаясь, настроиться на лекцию.

Через несколько минут прозвучала мелодия об окончании предыдущей пары, и студенты потихоньку стали стекаться на факультатив. Сан считала приходящих, волнуясь, что желающих будет немного, однако ее опасения оказались напрасными, и к концу перерыва в аудитории набралось тридцать пять человек. Неплохо!

Последними зашли Джисон и Ынсу. Он подмигнул Сан и украдкой улыбнулся, а она не смогла скрыть усмешку, вспомнив, как вчера торговалась с ним, чтобы раскрыть его личность.

– Ты же не собирався приходить, – услышала она сквозь легкий гомон вопрос Ынсу, которая вместе с Джисоном села на первый ряд. – Говорил, что этот период истории тебе не интересен.

– Не знаю, внезапно заинтересовался, – не переставая улыбаться, ответил он.

– Передумал сразу, как только препод поменялся, – подозрительно покосилась на него девушка.

Джисон ничего не ответил и только ухмыльнулся, глядя на Сан влюбленными глазами. Она покачала головой: похоже, парень даже не пытался скрывать свою симпатию.

Студенты нестройно шумели, переговаривались между собой, обмениваясь шутками. Сан решила, что из-за своей неподготовленности лучше начать с диалога. Узнать, что им известно о японской колонизации, ведь в школе эта тема тоже затрагивалась, хоть и не очень подробно. Да и кто из ныне живущих корейцев не знает об этом черном периоде в истории собственной страны? Поэтому после звонка она вышла из-за кафедры и поздоровалась:

– Добрый день! Меня зовут Ким Сан, многие из вас уже знакомы со мной. Я буду вести факультатив по периоду японской колонизации на Корейском полуострове. И первое, что хочу спросить: что вам уже известно об этих печальных страницах нашей истории?

Ынсу тут же подняла руку, и Сан кивнула, обозначая, что та может говорить.

– Колониальный период продлился тридцать пять лет – с тысяча девятьсот десятого по тысяча девятьсот сорок пятый год. В это время японские захватчики уничтожали корейскую культуру, строили свои храмы, заставляли корейцев менять имена на японские.

– Верно, но это далеко не все, – Сан заложила руки за спину и медленно подошла к окну. – По моему мнению, это был самый унижительный, самый тяжелый момент в нашей истории, который...

Раздался вежливый стук в дверь, и в проеме появилась голова Квон Доёна. Сердце дернулось в грудной клетке. Сан не ожидала его увидеть здесь, на своих занятиях. А он, ничуть не смущаясь, зашел в аудиторию и, холодно улыбаясь, спросил:

– Могу я поприсутствовать, госпожа Ким?

На них смотрели тридцать пять пар глаз, вынуждая Сан медленно кивнуть. Не скажет же она при всех, чтобы он убирался куда подальше. Профессор ухмыльнулся и сел на последний ряд, приготовившись слушать с вежливым вниманием. Сан внутренне ждалась, она чувствовала, будто он ее проверяет, и точно не ждала ничего хорошего от человека, у которого украли преподавательские часы.

Сбившись с мысли, она вернулась к своим распечаткам, пытаясь вспомнить, что там дальше по плану. Но под пристальным вниманием Доёна терялась, чувствуя себя, словно на экзамене. Зачем он вообще пришел? Неужели, чтобы испортить ее первое занятие? Ну уж нет, она не доставит ему такого удовольствия.

Сан тряхнула головой и решила постараться не обращать на него внимания. В любом случае материал она знала лучше, чем все сидящие в этой аудитории, поэтому в своих силах была уверена. Главное не поддаваться эмоциям, и для этого она решила почаще смотреть на Джисона, присутствие которого, как ни странно, подбадривало и придавало сил. Она поймала его настороженный взгляд. Сдвинутые брови, складка между бровей – его как будто что-то беспокоило. Он обернулся на профессора Квона и вновь посмотрел на Сан.

– Все, что сказала Ёнсу, абсолютно верно, но в течение этих тридцати пяти лет происходило многое из того, что не вошло в современные учебники. Прошло почти восемьдесят лет, но память о прошлых унижениях еще свежа.

– Госпожа Ким, – вдруг подал голос профессор Квон, и студенты дружно обернулись назад. – Хотел спросить, вы считаете, что японская оккупация принесла только зло и разрушение?

Сан внутренне собралась, приготовившись к спору, на который ее явно провоцировал Доён.

– Да, я так считаю. Вы со мной не согласны?

– А как же технологический прорыв? Строительство дорог, больниц, заводов? – он расслабленно откинулся на спинку стула и с преувеличенным вниманием разглядывал свои руки. – К концу сороковых на территории Кореи насчитывалось более семи тысяч предприятий.

«Вот гад! – вскипела Сан. – Чего он добивается?» Кровь бросилась ей в лицо, но она сжала зубы, стараясь, чтобы ее ярость никак не выражалась внешне.

– Профессор Квон, вы хотите превратить мою лекцию в дискуссию? – ровно спросила она, но одному богу известно, чего ей стоило это показное спокойствие.

– Мне кажется, студентам было бы полезно узнать разные точки зрения, не находите? – не меняя позы, сказал он и поднял на Сан колючий взгляд. – Все же мне хотелось бы услышать ответ на свой вопрос.

– Я отвечу вопросом: разве корейцы просили об этом? – угрожающе тихо сказала она, вцепившись пальцами в деревянный край кафедры. Руки дрожали от негодования, и она не хотела, чтобы студенты видели, как ее выводит из себя этот нахальный профессор. – Хотели, чтобы чужаки пришли на их родину, разрушили дворцы, уничтожили историческую память, вытравили родной язык, заставили молиться чужим богам, насильовали женщин, убивали мирных жителей под видом благих намерений? Не слишком ли велика цена за технологический прогресс, о котором никто не просил?

В аудитории повисла напряженная тишина. Кровь стучала в висках, Сан испепеляла Доёна ненавидящим взглядом, желая размазать его по стенке. Воспоминания об этих событиях до сих пор болезненной пульсацией отдавались в сердце, которое даже спустя столько лет не забыло, что пришлось вынести ее стране и ей самой.

Сан тогда пережила самые черные времена за все свои триста лет. Многих женщин, которых насильно уводили в дома для утешений японских солдат, она знала лично. Это были ее подруги, знакомые, соседи. Служанка, пятнадцатилетняя девочка, которая работала вместе с ней на постоялом дворе, так и не вернулась оттуда. И один бог знает, какой мучительной смертью она умерла. Немногие женщины, которым удалось выбраться, были изувечены физически, но что еще важнее – морально. Одной из них была Ким Сугён, у которой Сан снимала комнату. Ее муж не принял «поруганную» жену, и в тот же день она повесилась на столетней вишне во дворе собственного дома. Никому не нужная, использованная, словно вещь, которая сослужила свою службу и теперь оказалась бесполезной. Но все эти несчастные

женщины были людьми! Никто не вернет их жизни. О каком прогрессе может идти речь?!

Перед глазами стоял огромный котлован на месте разрушенного Кёнбоккуна, где потом оккупанты установили свои постройки. Память одно за другим подбрасывала страшные воспоминания об убитых людях, которые не смирились с оккупацией и боролись за свободу. Сердце kloкотало от негодования и гнева.

– Ваш вопрос – оскорбление памяти всех пострадавших от японского правительства, – Сан слышала, как дрожит ее голос, и понимала, что должна сдержаться, но это было выше ее сил. Выше ее понимания справедливости и человечности. – Не для того гибли тысячи людей, чтобы жалкие потомки цинично рассуждали о технологическом прогрессе в обмен на их жизни!

Повисла пауза, студенты затихли, и в наступившей тишине Сан слышала только бешеный пульс своего сердца.

– Все это так, но... вы ведь окончили Сеульский университет, госпожа Ким? – Доён остался равнодушен к ее эмоциональной речи. Он переплел пальцы и подался вперед, холодно глядя на Сан. – И вы наверняка знаете, что построили его японцы, правда, тогда он назывался Кейдзё. Нельзя отрицать тот факт, что без влияния Японии Корея не стала бы такой развитой страной, какой мы знаем ее сейчас.

Сан уже взяла дыхание, чтобы разразиться очередной тирадой, но неожиданно в их диалог вмешался Джисон.

– Они хотели с корнем вырвать наш народ с исконно корейской земли, – глухо сказал он, уставившись на деревянный стол перед собой. – Я не знаю, какой была бы Корея без вмешательства Японии, зато она бы точно сохранила тысячи жизней невинных людей. Железные дороги, университеты и больницы не вернут бесчисленное множество уничтоженных семей. Как по мне, важнее этого ничего не может быть.

Он поднял на Сан тяжелый взгляд, в котором она увидела ту же боль, которая сейчас бушевала в ее собственном сердце, разбуженная этими страшными воспоминаниями. Она грустно улыбнулась ему, от всей души благодарная за то, что он встал на ее сторону.

– Да, с этим сложно поспорить, – Доён примирительно поднял руки, будто бы признавая поражение, и ухмыльнулся.

– Историки могут оценивать это как угодно, – решила поставить точку в этом разговоре Сан. Она немного успокоилась и взяла себя в руки. – Однако самым важным является то, как сами корейцы воспринимают тот период истории. Судя по опросу «Кореан Таймс», восемьдесят процентов населения негативно относится к японской оккупации. Национальная память очень долгая и крайне болезненная, и похоже, что для наших с вами соотечественников это до сих пор незаживающая рана.

После занятия Сан в холодной ярости вбивала каблуки в ламинат, направляясь на кафедру. Какие бы чувства она ни испытывала к Квон Доёну, но сейчас хотела растерзать его на куски. Этот человек не только испортил ее лекцию, но и оказался абсолютно бездушным и хладнокровным придурком!

Распахнув дверь кабинета, она прошагала к их общему столу и бухнула на него распечатанные материалы так, что одна из коллег испуганно подскочила на стуле.

– Простите, – неохотно кивнула ей Сан и плюхнулась на кресло подлеца Доёна, испепеляя взглядом дверь. Если он сейчас здесь появится, она за себя не отвечает!

Долго ждать не пришлось, и вскоре Квон возник на пороге с абсолютно безмятежным видом. Он подошел к Сан, взирая на нее сверху вниз, и невинно поднял брови.

– И что это было? – выдавила она, скрестив руки на груди и даже не думая уступать ему его собственное место. – Решил отомстить за то, что профессор Пак отдал этот факультатив мне?

– Отдал? – рассмеялся Доён, и Сан невольно отметила, какой приятный у него смех – низкий, грудной. – По-моему, ты вынудила его это сделать! Уж каким способом, я не знаю, но наверняка не просто похлопав ресничками.

– Извините, коллеги, не могли бы вы говорить тише, я готовлюсь к занятию, – недовольно одернула их сидящая рядом преподавательница, имени которой Сан не запомнила.

– Простите, госпожа Пак, – слегка поклонился Доён и пригласил сердитую Сан выйти из кабинета.

Они поднялись по лестнице на крышу и вышли на жгучее солнце. Наверху был разбит небольшой сад с уютными лавочками, одну из которых занял Доён, похлопав по сидению рядом с собой.

– Спасибо, я постою, – процедила Сан. «Ничтожество!» – бушевала она, злясь на себя за то, что все равно каждый раз попадала под его обаяние. Даже сейчас, после того, что он устроил, она не могла подавить в себе желание ему понравиться.

– Ненавидишь меня? – невозмутимо спросил Квон. Он прищурил от солнца правый глаз и смотрел на нее с ехидной усмешкой.

– Я понимаю, что ты зол на меня. Я отняла у тебя факультатив. Но в своей мести ты зашел слишком далеко. Есть вещи, которые трогать нельзя! Это низко, мерзко и... – она подбирала слова, чтобы описать его поступок.

– И аморально, – подсказал ей Доён, усмехнувшись. – Все это верно, однако... – он поднялся со скамьи и встал напротив Сан, засунув руки в карманы, – это слишком однобокая трактовка исторических фактов, перемешанная с личными чувствами. Сразу видно, что у тебя нулевой опыт преподавания. Ты же историк и должна быть объективной. Тем более тебя слушает молодое поколение. Представь, какое отношение к современной Японии и японцам ты у них формируешь! Хочешь взрастить в них ненависть?

– Да! – выпалила Сан и тут же осеклась, понимая, что выглядит, как подросток с юношеским максимализмом.

Доён уничижительно хмыкнул, как бы говоря, что несколько не сомневался в ее умственных способностях.

– Если бы ты меня не провоцировал, я бы себя так не вела, – уже более спокойно сказала она, против воли рассматривая тонкий нос с горбинкой и четко очерченные губы.

– Можешь не верить, но я не провоцировал, а пытался натолкнуть тебя на правильный вектор движения. Как только ты произнесла первую фразу, я сразу понял, куда ты клонишь, и не хотел, чтобы студенты слушали лишь патриотические лозунги. Они должны знать факты и уметь их правильно оценивать. Понимаю, – он повысил голос, предвосхищая очередное возмущение Сан, – эмоции, харизма, немного актерства в преподавании несколько не помешают. Но все должно быть в меру, без перегибов.

– Ты сейчас мне даешь советы как сонбэ? – Сан усмехнулась, с удивлением понимая, что больше не злится.

– Можно и так сказать, – слегка улыбнулся Доён, и впервые с момента их знакомства она почувствовала, что лед между ними стал

медленно таять. Пытаясь поддержать едва наметившееся потепление, Сан ухватилась за возможность продолжить разговор.

– Мне сложно освещать эту тему, ведь все эти ужасные события я пережила сама. Своими глазами видела, что они творили в нашей стране...

Доён вытаращил глаза и наклонился к ней.

– Значит, все-таки ты не человек.

– Почему это? – возмутилась Сан. – Человек, просто живу долго и проникаю в людские кошмары.

Доён фыркнул.

– Когда я впервые увидел тебя в своем сне, подумал, что ты либо призрак, либо реинкарнация Ким Сан. Но быстро понял, что это не так.

– Как ты это понял? – Сан села на скамью в надежде, что он займет место рядом, и они продолжат разговор. Впервые за все время их странного знакомства они говорили нормально, без попыток оскорбить друг друга. Ей столько всего хотелось у него спросить, что нужно было поддерживать адекватную беседу.

– Не могу объяснить. – Доён замялся и сел на край скамьи, будто не решался сократить расстояние. Или не хотел. – Откуда-то я знал, что ты умерла триста лет назад, во время тех событий. Но почему-то чувствовал, что передо мной именно ты прежняя, не новое воплощение старой души. Поэтому и назвал тебя мертвецом, когда ты попала на мою свадьбу.

– Я ничего не помню до того момента, как стала ловцом снов. Это правда, я не лгу и не пытаюсь скрыть свои преступления. Кто-то стер мне память, наградил бессмертием и способностью проникать в чужие сны, – сказала Сан, глядя на задумчивый профиль мужчины. – Моя подруга ведьма сказала, что я застряла на перекрестке двух миров. Но кто это со мной сделал и для чего, не представляю. По ее версии, некто скрывает меня от высших сил, но так это или нет, я не знаю. Ничего не знаю и ни в чем не уверена...

– Как и я, – он невесело усмехнулся и посмотрел на нее. – Почему я стал видеть свое прошлое? Да еще и с риском для жизни.

– Что ты имеешь в виду? – насторожилась Сан.

– После того, как мы с тобой впервые встретились, я заболел и не смог выйти на работу. Именно поэтому профессор Пак попросил тебя

замещать меня на лекциях. Мне было так плохо, я думал, что умру. Едва сумел доползти до телефона и вызвать парамедиков. Но врачи не смогли найти причину внезапной болезни, наверное, потому что она носит магический характер.

– У меня было то же самое, мне даже приходится носить с собой талисман с заклинанием, который сделал шаман, – Сан впила глаза в его лицо, чувствуя, что они наткнулись на очень важную ветвь расследования. – Он предположил, что на тебе эти видения тоже отражаются.

– Интересно... – протянул Доён, задумчиво глядя на ампельную петунию, спускавшуюся из большого каменного кашпо напротив.

– А раньше ты тоже чувствовал себя плохо после того, как во снах приходили воспоминания о прошлой жизни? Или это случилось именно после встречи со мной?

– Раньше тоже было недомогание, но когда увидел тебя, думал, что мне пришел конец. Похоже, ты не успокоишься, пока меня не угробишь, – иронично хмыкнул он, намекая на проклятия, которые Сан-кисен посылала в адрес неверного Мина.

– Ты это заслужил, – буркнула бессмертная, холодно вздернув брови.

– Тут не поспоришь, – Доён развел руками и вновь поднялся, положив руки на пояс.

– С чего такая перемена настроения? Не ты ли еще недавно обвинял меня во всех смертных грехах?

– Только в одном, – грустно улыбнулся Квон. – На самом деле, я много думал о том, что тогда случилось... И знаешь, не могу не признать, что вел себя, как скотина. Если абстрагироваться от моей неприязни к тебе, то в общем-то в смерти моей Дахи больше всех был виноват я. Зря я пытался добиться от тебя взаимности. Лучше бы мы остались просто друзьями.

– Да уж, секс всегда все портит, – хмыкнула Сан и решила расспросить все до конца, раз уж у них так неожиданно началась пора откровений. – В своих снах ты не видел человека по имени Ли Хян?

– Ли Хян?.. – задумался Доён и нахмурил брови. – Не припомню. А кто он?

– Похоже, это мой бывший будущий муж.

С некоторых пор отношения с Доёном стали не то чтобы теплее, но хотя бы менее враждебными. К удивлению Сан, студентам понравился их диалог на первом занятии, и они выразили желание, чтобы лекции и дальше проходили в том же формате. Это не могло не радовать, потому что давало хорошую возможность сблизиться с мужчиной, который ей нравился.

Теперь они много времени проводили вместе после занятий, обсуждая следующую тему, споря и обмениваясь мнениями. Доён оказался действительно хорошим преподавателем, и Сан с удовольствием училась у него выстраивать пары таким образом, чтобы вовлекать в диалог студентов, заинтересовывать, но при этом придерживаться своей линии, которая должна была привести их к нужным преподавателю выводам.

Сан делилась личным опытом, который был бесценен для преподнесения материала, а Квон обрабатывал его таким образом, чтобы отщелкнуть все личное и оставить только интересные факты, которых не найти в учебниках и монографиях.

Время, которое Сан проводила за этой работой, стало одним из самых интересных моментов в ее жизни. Она по-настоящему увлеклась новой деятельностью, с головой погружаясь в работу. И, рассказывая о прошлом, чувствовала, как постепенно отпускает боль, которая жила в ней долгие годы после страшных лет, наполненных страданиями и унижениями.

– ...и после этого Наён уехала в Токио, – рассказывала Сан внимательно слушавшему ее Доёну о хозяйке постоянного двора, где она одно время работала. – Там она вышла замуж за корейца, который работал на текстильной фабрике, и поселилась в корейском квартале. Однажды я навещала ее, хотела узнать, как она. Все-таки мы многое вместе пережили.

– И что? – поторопил ее Доён, который, кажется, нашел в Сан огромный источник информации, которая его как историка очень интересовала.

– Ничего хорошего, – мрачно ответила она. – Нищета и мрак. Наён продавала на рынке кимчи, пытаясь хоть как-то помочь мужу. Корейским иммигрантам платили гроши, поэтому он зарабатывал немного. Двое детей, ужасная комната на залитой нечистотами улице... Постоянные унижения от японцев, которые, даже после того

как чуть не разрушили нашу страну, называли нас грязными свиньями, от которых воняет чесноком.

Она поморщилась и посмотрела на часы. Было начало десятого, они засиделись на кафедре, совсем забыв о времени. За окном уже стемнело, и университет опустел.

– Как же тебе удалось тогда выжить? Ты... красива, – будто бы неохотно признал Доён. – Мне кажется, тебя первую должны были забрать в дома для утешения.

– Сама не знаю, – покачала головой Сан. – Я боялась этого до дрожи. Каждый раз, когда в нашем дворе появлялись солдаты, сердце уходило в пятки. Но, как ни странно, они даже не смотрели на меня. Словно высшие силы оберегали меня. А может, японцы просто не считали меня привлекательной.

– Красота не может остаться незамеченной, – возразил он, и Сан замерла, глядя в его глаза. Что-то в них изменилось и сейчас затаилось на дне черных зрачков, готовое вот-вот выскочить наружу. – Возможно, и правда тебя защищает кто-то могущественный, и он не хотел, чтобы ты оказалась в беде.

Он опустил голову и немного помолчал.

– Больше ты ничего не слышала о Наён? – после паузы он вернулся к теме лекции.

– Нет. Я уехала в Сеул, а через некоторое время, не успели мы опомниться, началась корейская война, которая принесла не меньше боли и горя. Страну разорвали надвое, и сердца людей тоже. Не было ни одного человека, которого бы она не затронула.

Теперь замолчала Сан, вспоминая трагические события, после которых ее народ разделился и стал жить в разных мирах.

– Тебя в том числе? – этот беспардонный вопрос покоробил Сан. В голосе Доёна не было сочувствия, а лишь исследовательский интерес.

– И меня.

Она молчала, слова не шли. До сих пор было невыносимо вспоминать, как она потеряла человека, которого любила всей душой.

– Расскажешь? – попросил Доён.

– Нет, – отрезала она. – Да и к теме лекций это не относится.

– Хорошо, – согласился Доён. – Тогда используем историю Наён, чтобы показать возможности, которые давала Япония в плане

трудоустройства и все-таки определенного уровня жизни – об этом буду говорить я, а с другой – презрение, которое они испытывали к корейцам даже после всего, что сделали. Пойдет, как считаешь?

– Вполне, – согласилась Сан.

Ей очень понравился формат занятий, где она могла дать волю эмоциям, в то время как рациональный Квон Доён уравнивал ее сухими фактами и противоположной точкой зрения. Студенты были в восторге от их дуэта и очень эмоционально реагировали на диалог двух преподавателей. Активно включались в обсуждения и вскоре тоже разделились на две негласные группировки, каждая из которых поддерживала «своего» учителя.

Сан была рада, что Джисон оказался в ее команде, и часто они вместе с жаром доказывали холодному и невозмутимому Доёну свою правоту. После того свидания на реке Хан парень не заговаривал о своих чувствах, как и обещал. Он больше не пытался с ней сблизиться, словно и правда решил отступить. Только время от времени бросал странные взгляды на нее и профессора Квона, будто что-то подозревая. Сан пыталась держать лицо, но сомневалась, что ей это хорошо удастся. Возможно, Джисон догадывался о том, какие чувства пробудились в ней рядом с этим мужчиной.

Сан чувствовала необыкновенный прилив сил из-за нового дела, которое объединило ее с любимым человеком. В том, что действительно любит Доёна, она призналась себе несколько дней назад, когда в очередной раз любовалась его хищным профилем. Он быстро набрасывал темы для очередного занятия, а она улыбалась, глядя на небрежно упавшие на лоб пряди, сосредоточенное лицо и быстро порхающую над бумагой руку. Страшно хотелось запустить пальцы в его густые волосы и заставить посмотреть на себя. Увы, пока она могла об этом только мечтать. Несмотря на то, что из их общения практически исчезло напряжение и неприязнь, время от времени Сан все же чувствовала, что ему не совсем комфортно рядом с ней. И форсировать события не хотела. Пусть все идет своим чередом. Хорошо, что они вместе стали вести лекции, ведь так у нее появилась возможность рассказать о себе, выразить свои чувства, а у Доёна – лучше ее узнать.

– Вы еще здесь! – появившийся в кабинете профессор Пак отвлек ее от созерцания предмета вожделения. – Кто бы мог подумать, что вы

так хорошо сработаетесь. Студенты в восторге от вашего тандема!

– Это вы так оправдываетесь за то, что чуть не отняли у меня часы? – не поднимая головы, спросил Доён.

– Сан, надеюсь, тебе удастся смягчить его ершистый характер, – посмеиваясь, ответил Пак Ёндже.

– Я работаю над этим, – она подмигнула ему и тут же сделала непроницаемое лицо, когда Доён сердито посмотрел на нее.

– Вы хотели что-то сказать? – обратился он к профессору Паку, который все еще стоял напротив них и не спешил уходить.

– Вообще да. В этом году мы празднуем семьдесят пятую годовщину кафедры истории Кореи, и у нас запланировано несколько мероприятий по этому поводу.

Сан и Доён молчали, ожидая продолжения.

– Я хотел попросить вас поучаствовать в некоторых из них, – Пак Ёндже протянул им два рекламных проспекта с анонсом мероприятий и списком участников.

– В каких именно? – настороженно спросил Доён, просматривая брошюру.

– Фотосессия в исторических костюмах для университетского журнала и благотворительный аукцион в поддержку детского дома в Намьянджу, – с готовностью ответил профессор.

– Почему именно мы? – удивилась Сан, с интересом разглядывая материалы. Судя по всему, планировалось масштабное празднование с научными конференциями, концертами национальной музыки, благотворительными акциями и многим другим. Фестиваль истории Кореи должен был продлиться два месяца и закончиться на Хэллоуин.

– Вас выбрали студенты, я тут ни при чем, – невинно развел руками профессор.

– Как выбрали? Почему я об этом ничего не знаю? – Доён хмурился, видимо, не горя желанием участвовать во всем этом.

– Надо бы почаще заглядывать на наш сайт! Там проходило голосование за лучших представителей преподавательского корпуса. И вы набрали наибольшее количество голосов. Все честно, это выбор ваших студентов, – Пак Ёндже хитро ухмыльнулся, совершенно не реагируя на недовольное лицо Квона. – А лучших студентов выбрало руководство.

Сан тут же открыла список и пробежала его глазами, почти уверенная в том, что увидит там имя Джисона. Кому как не ему представлять свой факультет? Красивый, талантливый, спортивный и один из самых лучших по успеваемости. Ах да, и еще прекрасно разбирающийся в поэзии Чосона, которую цитирует по ночам в хост-баре...

«Ли Джисон» стояло на первом месте в списке. Кто бы сомневался.

– Как это все не вовремя... – проворчал Доён, отложив брошюру. – Отказаться, как я понимаю, нельзя?

– Вы расстроите своих студентов, – пожал плечами профессор Пак. – Что ж, завтра сообщу вам подробности, а сейчас...

– Подождите, – остановила его Сан, обнаружив в самом конце имя, от которого кровь прилила к лицу.

Буфера?! – Почему Со Юнсо здесь? Насколько я знаю, она с искусствоведения. И где Ким Ынсу?

– Ах, это... – собиравшийся было уйти Пак Ёндже остановился и неловко почесал затылок. – Дело в том, что... не очень красиво получилось, но большинство преподавателей решило, что Ынсу выглядит не очень презентабельно. А съемки все-таки для журнала, нам нужны милovidные лица.

У Сан от злости перед глазами заплесали черные точки.

– Не очень презентабельно? Ынсу лучшая на потоке, и вы считаете, она не достойна быть на страницах журнала? А вместо нее там будет красоваться какая-то... хм... девица с другого факультета только потому, что... – «У нее большие буфера!» – чуть не вырвалось у Сан, но она сдержалась и вместо этого сказала, – потому что у нее смазливое личико?

Боковым зрением она видела, что Доён внимательно за ней наблюдает. Профессор Пак нервно поправил рубашку, явно не ожидая услышать такую обличительную отповедь.

– Все верно, однако мы не можем не учитывать тот факт, что модели для съемок должны быть красивыми. Жаль, что так получилось, но...

– Это что, конкурс красоты, что ли? – Сан просто взбесилась. – Мы хотим показать студентов, которыми действительно гордимся, или продемонстрировать чудеса корейской пластической хирургии?

– Да что с тобой? С чего ты так завелась? – профессор Пак опешил, глядя на разъяренную Сан чуть ли не с испугом.

– Я согласен. Со Юнсо не имеет никакого отношения к празднику нашего факультета, и включать ее вместо лучшей студентки только из-за внешности по меньшей мере низко. К тому же Ынсу будет очень обидно, – неожиданно поддержал ее Доён, но Сан даже не взглянула на него, настолько была зла и выбита из колеи.

«До каких пор эта мерзавка будет маячить у меня перед глазами? – внутри все бурлило от ярости. – Мало ей было охмурить моего Джисона, так она теперь и к нашему факультету решила примазаться!»

– В общем так, – Сан оперлась ладонями на стол и угрожающе медленно поднялась. – Я не буду участвовать в фотосессии, пока вы не сделаете все по справедливости. Можете сняться с профессором Квоном вместо меня.

С этими словами она гордо вскинула голову и стремительно вышла из кабинета с одним желанием: оттаскать мерзкие Буфера за волосы.

Через несколько дней профессор Пак сообщил о том, что ему удалось уговорить преподавателей изменить свое решение и внести Ынсу в список студентов на фотосессию. Выглядел он не совсем довольным, видимо, ему пришлось пустить в ход все свои дипломатические таланты, чтобы сделать так, как требовала Сан.

– Вы поступили правильно, профессор, не переживайте слишком сильно, – сказала она и тепло улыбнулась хмурому мужчине.

– Не думал я, что ты такая шантажистка, – обиженно поджал губы Пак Ёндже. – Знаешь, каких трудов мне стоило отстаивать право Ынсу участвовать в этом мероприятии? Оказывает, Со Юнсо – дочь декана факультета математики!

Сан фыркнула. Она и не сомневалась, что эта выскочка ничего из себя не представляет и добивается всего через связи. Но вслух сказала:

– Видите, как замечательно вы сыграли свою роль в борьбе с коррупцией.

Профессор бросил на нее недовольный взгляд, но, увидев, что она улыбается, нехотя улыбнулся в ответ.

Съемки назначили на утро, и проходить они должны были в саду Хувон на территории дворца Чхандоккун. Сан не знала, какую роль

для нее приготовили стилисты, и с нетерпением ждала субботы. Вообще с момента, как стала работать в университете, она с удивлением обнаружила, что ей стало нравиться находиться среди людей и принимать активное участие в общественной жизни вместе с ними. Она так долго вела отшельнический образ жизни, что совсем забыла, как весело готовиться к чему-то, чувствуя себя частью команды. К тому же это была отличная возможность быть рядом с Доёном, а также издали понаблюдать за Джисоном, который волновал ее, даже несмотря на очевидные чувства к профессору Квону. Странное это ощущение. Они оба ей нравились, но к каждому из них она испытывала разные эмоции.

Доён был запретной любовью – манящий, недоступный и временами раздражающий, что еще больше подогревало интерес. Джисон же – свой парень, заботливый, внимательный, влюбленный. Казалось, он всегда на стороне Сан, на него можно положиться. И в целом, к нему вполне можно было бы относиться как к другу. Однако к этому вроде простому образу примешивалось столько перца, неожиданных открытий и страстей, что Сан никак не могла перестать думать о нем как об очень привлекательном мужчине, который волновал инстинкты, в то же время вызывая симпатию и уважение из-за своей неординарной и многогранной личности.

О Доёне из двадцать первого века она не знала почти ничего. Чем он живет, что любит есть, где предпочитает отдыхать. Он был тайной за семью печатями, и впускать Сан в свою жизнь в ближайшее время не собирался. словно психологический триллер, его нужно было разгадывать и пытаться найти верную нить расследования. Джисон же был как приятная романтическая комедия, которая вдруг в самый неожиданный момент делала такой сюжетный поворот, что становилось непонятно, в каком жанре вообще писалась книга.

Сделав однозначный выбор в пользу недоступного Доёна, Сан все равно тянуло к Джисону. Она злилась, когда видела его в коридоре университета вместе с Буферами, думала о нем, когда из окна своей квартиры любовалась рекой Хан, вспоминала, когда смотрела очередной теннисный матч. И, конечно, не могла забыть их единственную, но такую запоминающуюся ночь. Джисон постоянно незримо присутствовал в ее жизни, напоминая о себе мелочами. И, что греха таить, настояла на участии Ёнсу она не только из обостренного

чувства справедливости. Просто, когда представила Буфера и Джисона в костюмах эпохи Чосон, счастливо улыбающихся на камеру, испугалась, что может ненароком утопить девчонку в одном из многочисленных прудов Хувона.

Помимо Сан, Доёна и Джисона в съемках принимало участие еще девять студентов. Они гурьбой зашли в магазин совсем недалеко от дворца, где можно было взять напрокат ханбоки. Стилисты со съемочной группой уже ждали их там, и молодая ухоженная девушка весело приветствовала вошедших. Придирчиво осматривая каждого, она слегка шурила глаза и кивала самой себе, наверняка рисуя в голове образы, которые больше всего подойдут тому или иному участнику фотосессии.

Сан было очень любопытно, какую роль для нее придумал специалист. Увидит ли в ней кисен? Но, вопреки ее ожиданиям, стилист направила ее к вешалке с ханбоками для аристократов. Ей заплели косу, повязали на конце алую ленту, закололи выбивающиеся пряди заколкой, и вскоре Сан с волнением рассматривала свое отражение, которое теперь так напоминало ту девочку, которая ждала появления своего жениха триста лет назад.

– Тебе очень идет, – услышала она за спиной тихий голос и только сейчас заметила стоящего за спиной Джисона, одетого в форму королевского инспектора.

Они смотрели друг на друга через зеркало, и в его глазах Сан вдруг увидела какую-то беспричинную печаль, от которой стало не по себе. Холод скользнул в сердце, и она едва подавила желание схватиться за грудь от внезапной тоски и горечи.

– Тебе тоже, – выдавила она, опуская голову. Хотелось уйти, скрыться от его пронизывающего взгляда, который будил в душе странные, пугающие эмоции.

– Вы готовы? Нас уже ждут, – раздался голос Квон Доёна, который подозрительно смотрел на Сан и Джисона.

Она обернулась и едва не вскрикнула: его сделали точной копией господина Мина, и, если бы не стоявший рядом Джисон, Сан бы подумала, что опять провалилась в сон. Шляпа из конского волоса, завязанная лентами под подбородком, светло-голубой ханбок, борода и усы, приделанные стилистами, были чуть гуще, чем у реального господина Мина из Чосона, однако сходство поражало. Сердце будто

сорвалось с цепи, помчалось галопом, и Сан едва сдержалась, чтобы не броситься к нему в объятия. Будто все утраченные воспоминания вмиг вернулись, будто и не миновало три столетия, и она снова принимает в своей комнате человека, которого так любила.

– Госпожа Ким? – Джисон слегка тронул ее за плечо, возвращая из недр внутреннего мира. – Нам пора.

Под предводительством стилистов и фотографов они отправились к главным воротам дворцового комплекса Чхандоккун. Пройдя немного по территории дворца, они завернули направо и остановились перед вертушкой, где обычно собирались экскурсии в тайный сад Хувон. Договорившись с работниками, организаторы махнули рукой «моделям» и зашли внутрь прохладного, тенистого сада.

Сан замыкала процессию и улыбалась сама себе, так красиво и тихо было вокруг. Словно из современного Сеула она переместилась обратно в Чосон. И только указатели на развилках возвращали ее в двадцать первый век. Сан любовалась зеленым куполом деревьев над головой, прекрасными, тихими прудами с изящными беседками, которые настолько гармонично вписывались в пейзаж, что, казалось, они выросли здесь вместе с деревьями.

Съемочная группа останавливалась возле особенно колоритных деревьев, которые, судя по толщине ствола, были практически ровесниками Сан. Помощники расставляли реквизит в беседках, создавая ощущение полного погружения в прошлое. Еще до того, как отправиться во дворец, фотограф, госпожа Со, строго предупредила, что реквизит не бутафорский и взят в аренду у Сеульского культурного центра. Поэтому несколько раз обратила внимание моделей, в частности весело гомонивших студентов, чтобы они обращались с ним крайне осторожно. Особенно с фарфоровыми сервизами.

Сан поставили в пару с Доёном и усадили за низенький стол, импровизируя чаепитие влюбленной дворянской пары. Сан делала вид, что наливает душистый напиток своему суженому, а Квон умело изображал счастливого жениха, поднося к губам фарфоровую пиалу.

Сан совершенно выпала из реальности, с тоской думая о том, что все это могло быть правдой. Три столетия назад она имела шанс остаться рядом с любимым мужчиной, а вместо этого стала ловцом снов, пропуская через себя людскую боль и страдания. Сидя рядом с Доёном в искусственных декорациях, какая-то частичка ее сердца

жалела, что не прожила обычную человеческую жизнь, не состарилась вместе с человеком, которого любила, и не ушла в мир иной со спокойной душой.

Из Ынсу, которую Сан привела сюда чуть ли не с боем, стилист сделал прехорошенькую игривую кисен, которая здорово вжилась в роль и теперь вовсю кокетничала и флиртowała с Джисоном, изображавшим строгого инспектора. В одной из беседок на берегу самого большого пруда, затянутого распустившимися лилиями, ей устроили потрясающую фотосессию вместе с настоящим каягымом^[22] времен прошлого столетия. Сан встала на цыпочки, издали рассматривая инструмент, на котором играла много лет, и вдруг ощутила легкое покалывание в пальцах. Глядя на то, как руки Ынсу ложатся на струны, Сан до боли захотелось вновь прикоснуться к ним. Окунуться в далекое прошлое, вспомнить былые времена, беседы с учеными мужами, восхищенные взгляды которых скользили по ее фигуре, когда она танцевала перед ними на приемах. Это было нелегкое время, и жилось Сан непросто, но тогда ее жизнь была полна искусства, музыки, поэзии, самовыражения, в котором она находила утешение и смысл существования.

Потом в пару к Ынсу подсадили Джисона, который отлично справился с ролью влюбленного в прелестную куртизанку инспектора. Устремленный на девушку взгляд был полон восхищения и любви *и, если бы Сан не знала, что это всего лишь игра, то безоговорочно поверила бы в его искренность. Если бы на месте Ынсу были Буфера, она пришибла бы ее каягымом.*

– Интересный парень, – вдруг услышала она рядом негромкий голос и обернулась.

Доён стоял рядом и внимательно наблюдал за съемками.

Сан не знала, как прокомментировать его слова, и просто кивнула.

– Он тебе нравится? – От неожиданного вопроса она едва не подавилась воздухом и уставилась на Доёна, по-прежнему изучавшего Джисона в беседе.

– С чего ты взял? – только и смогла выдавить она.

– Не знаю... Твой взгляд меняется, когда ты на него смотришь. Я заметил это еще на занятиях, – Доён посмотрел на нее, и ей показалось, что ему не нравятся собственные выводы. Значит ли это, что он ревнует?

– Он красивый и умный, – она решила не переубеждать его, а наоборот подчеркнуть возможность для себя увлечения другим мужчиной. Пусть не думает, что на нем свет клином сошелся. – Половина университета от него без ума.

– Будь осторожнее. Если это заметил я, то и другие тоже. Университету не нужны скандалы, – усмехнулся Доён и вновь перевел взгляд на закончившую сниматься парочку.

Сан скрежетнула зубами от досады и едва не топнула ногой. Значит, это была не ревность, а забота о репутации университета! Ну что за невыносимый мужик! Почему бы ему просто не полюбить ее, как она того хочет? Это что, так сложно?

Остальные участники съемки пошли дальше по дороге, а Сан осталась стоять у пруда, пытаясь подавить негодование. Неужели так трудно увидеть в ней женщину? Она красивая, умная и интересная. И на какое-то мгновение ей показалось, что отношение Доёна к ней изменилось, но, видимо, она просто хотела выдать желаемое за действительное. Похоже, она интересовала его только как объект изучения с исторической точки зрения, не более того.

Доён и студенты уже скрылись за поворотом, а она все стояла, глядя на безмятежную гладь пруда и оставленный в беседке каягым. Наверное, из-за того, что он тяжелый, его пока решили оставить здесь, а потом вернуться за ним на обратном пути. Поддавшись внезапному порыву, она спустилась в беседку и, скрестив ноги, села на пол. Он был отполирован и чуть наклонен в сторону воды, отчего Сан в шелковом ханбоке неловко скользнула ближе к краю. Чуть помедлила и, приподняв музыкальный инструмент, положила один его конец к себе на колени, а другой уперла в пол. Давно забытые ощущения заполнили сердце восторгом и ностальгической грустью, когда пальцы коснулись струн. Как давно она не играла?.. Несколько десятков лет, но руки помнили все, и среди тишины прекрасного сада раздались звуки «Песни ветра». Легкие и в то же время тягучие, густые, они лились из-под пальцев сами собой, а в сердце Сан вспыхивали и тут же гасли искры прошлых воспоминаний.

Сколько всего она видела в своей жизни... Сколько всего перенесла... Одна эпоха сменялась другой, короли всходили на трон и умирали. Но эта музыка осталась с ней на века. Нетронутая, неизменная и чистая как сама природа.

Когда затих последний звук, она вдруг услышала тяжелый вздох, который в наступившей тишине заставил ее вздрогнуть. Сан неловко дернулась и с ужасом увидела, как тяжелый инструмент заскользил по гладкой ткани платья. Вскрикнув, она попыталась задержать его, но он, как назло, выскользнул из руки и с громким плеском упал в воду. Сан в ужасе прижала ладони к щекам, глядя, как по поверхности расходятся большие круги.

– Ащ-щ! – раздалось с берега, и она увидела, как Джисон бросился в воду.

– Ты куда! Стой! Туда нельзя! – крикнула она, вскочив на ноги. Недолго думая, выбежала из беседки и кинулась к воде. Джисон уже зашел по грудь, держа навесу бутафорский меч в ножнах. – Вылезай немедленно! Это же всемирное наследие ЮНЕСКО! Тебя оштрафуют на хренову тучу денег, если увидят!

– Если ты не будешь вопить об этом на весь сад, то не увидят, – обернулся Джисон и, все так же держа над водой меч, нырнул, пытаясь нашарить на дне утонувший каягым. Сан обернулась, чтобы проверить, заметил ли кто-то их вопиющий поступок. К счастью, никого поблизости не оказалось.

Джисон вынырнул на поверхность, с полей его шляпы ручьями текла вода.

– Черт, так неудобно, надо ее снять. Можешь подержать? – он повернул к берегу, пытаясь на ходу развязать мокрые ленты, которые держали шляпу.

– Бестолочь! Если тебя заметят, это выльется в грандиозный скандал! – шипела Сан, наклоняясь, чтобы принять из рук парня головной убор и меч.

– Из-за кого, по-твоему, я тут оказался? – в тон ей ответил Джисон. – Как вообще можно умудриться уронить в воду такую громадину?

– Платье скользкое, да и отвыкла я... – Сан осеклась и строго продолжила. – Это мое дело, никто тебя не просил лезть за ним.

– Тогда тебе пришлось бы покупать новый каягым, а так, может, отделаешься легким штрафом за реставрацию. Ну чем я не принц? – подвигал он бровями, а Сан только фыркнула.

– Деньги для меня не проблема, а вот твое поведение... Вылезай, я сама со всем разберусь, – она наклонилась вперед и дернула его за

руку. Вдруг почувствовав, как туфельки котсин скользят по влажной траве, нелепо взмахнула руками и рухнула прямо на Джисона. Его потрясенно распахнутые глаза были последним, что она увидела, прежде чем плюхнулась вместе с ним в пруд. Мутная вода залилась в рот и нос, и Сан, бешено барахтаясь, рванула голову вверх, чтобы сделать глоток воздуха. Кашляя и отфыркиваясь, она села на дно, пытаюсь протереть глаза так, чтобы еще больше не размазать и так уже испорченный макияж.

– Каягыма показалось мало, решила и нас утопить? – усмехнулся Джисон и вдруг расхохотался, глядя на ее лицо.

– Тише! Хватит ржать! – сердито шикнула на него Сан. – Как мне теперь появиться перед всеми в таком виде?!

Джисон согнулся от смеха, стуча ладонью по воде.

– Со мной такого еще не случалось, – едва переводя дух, сказал он. – Ким Сан... ты...

– Ну хватит, ты себя-то видел? Королевский инспектор, – сердито буркнула она, отряхивая с волос мелкие водоросли. – За костюмы, похоже, тоже придется платить.

– Ладно, нужно хотя бы выйти на берег, а в твоём платье это будет нелегко, – прыснув, сказал он и взял Сан за запястье, чтобы помочь ей подняться.

– Это все ты виноват.

– Ну просто сцена из второсортного сагыка! – раздался над их головами насмешливый голос, и молодые люди испуганно замерли, пойманные на месте преступления.

На берегу, в паре шагов от них, стоял Квон Доён и взирал на них со смесью презрения и злости.

– Это была случайность! – попыталась оправдаться Сан, но Джисон перебил ее.

– Можете принести вещи госпожи Ким? Ей будет неудобно идти через весь парк в мокром платье.

То, как мрачно он смотрел на Доёна, не оставляло сомнений, что парень не испытывает к нему ни малейшей симпатии.

– Конечно, но сначала нашей госпоже нужно выбраться из пруда, – Квон протянул руку, чтобы помочь Сан подняться, и она почувствовала, как сжалась на ее запястье ладонь Джисона. Ей на секунду показалось, что она оказалась вершиной любовного

треугольника и сейчас выбирает, с кем уйти. Ну правда, как в дорамах. Если не возьмет предложенную руку, то, возможно, Доён расценит это как выбор не в его пользу. Смешно, ей-богу... Однако символично. Поэтому Сан без колебаний вложила пальцы в ладонь Квон Доёна.

Как только она коснулась его, в груди будто что-то взорвалось, забило, вырываясь наружу. Зелень деревьев, солнечный свет и запахи тайного сада померкли, и Сан оказалась в плохо освещенной комнате. Только тревожный свет луны, сочившийся из распахнутого окна, разгонял темноту. Она опустила взгляд на свои руки. Они мелко дрожали, лежа на деревянной столешнице, и девушка сцепила пальцы. Тревога, страх и тяжелое предчувствие беды сдавливало грудь, мешало дышать.

Сан прислушивалась к звукам из коридора и вздрагивала каждый раз, когда слышала чьи-то шаги. Она кого-то ждала, плаваясь в беспокойстве и неизвестности.

Наконец, дверь отворилась, и на пороге появился господин Мин. Замер на доли секунды, глядя на сидящую перед ним девушку. Зашел в комнату и аккуратно закрыл за собой дверь. Сел перед ней, не глядя в глаза. Он молчал, медлил, словно пытался отсрочить ужасную весть, которую принес его приход.

– Это правда? Девушки в гёбане болтают всякое, но я не верю! Доён, не молчи же, скажи скорее! – срывающимся голосом потребовала Сан.

– Правда.

Страшное слово упало на сердце. Раздавило, раскрошило, смяло. Сан судорожно выдохнула, комната поплыла перед глазами, но упасть ей не дали руки друга. Он прижал ее к себе, испуганно гладил по волосам, повторяя:

– Все хорошо, Сан, все будет хорошо...

Она вдруг почувствовала страшный гнев и оттолкнула его от себя.

– Хорошо?! Для кого хорошо? Для тебя? Теперь ты надеешься, что я буду с тобой, раз соперника больше нет?

Даже в неверном свете луны было видно, какая мука исказила лицо Мин Доёна.

– Значит, вот как ты обо мне думаешь? – процедил он, отодвигаясь. – Он был мне другом, и мне тоже больно из-за его поступка!

Сан не слышала, ей было все равно. По сравнению с пронзающей грудь болью обиды Доёна не имели никакого значения. Она только что потеряла все. Последнее, за что держалась в этом мире. Человека, который был ее любовью с самого детства.

– Где он? Я должна пойти к нему, увидеть хотя бы... хотя бы его мертвое тело, – она вскочила на ноги и бросилась к двери.

– Нельзя! Приди в себя! Ты теперь рабыня! Тебе нельзя в дворянский дом! Его отец тебе этого не простит! – Доён схватил ее за плечи и крепко стиснул руками, борясь с ее безумным горем. Она рвалась из рук, рычала и кусалась, но он терпел, зная, что это нужно пережить. Помочь ей справиться с этим и обрести опору, чтобы жить дальше.

Наконец, после нескольких минут отчаянной борьбы, Сан затихла и обмякла в его руках.

– Как это произошло? – безучастно спросила она. Казалось, в этой борьбе она отдала все силы.

– Зачем тебе знать? – голос Доёна был тихим.

– Пожалуйста, скажи! – взмолилась она, поворачиваясь к нему лицом.

– Его нашли на дне ущелья Чанхо. Скорее всего, он сбросился со скалы, – опустил глаза Доён, все еще не выпуская Сан из рук, будто боялся очередного приступа безумия.

Она закрыла глаза и осела на пол.

Пространство подернулось дымкой и дрогнуло, сменяя картинку. Она была все в той же комнате, только теперь ее украшали прекрасные фарфоровые вазы чосонских мастеров, красивое панно на стене и изящные напольные светильники, свет от которых ложился на безмятежное лицо спящего Доёна.

Сан расчесывала растрепанные волосы, глядя на человека, который сделал ее женщиной. Ее первым мужчиной стал не Ли Хян, о котором она грезилась с детства. Натянув на голые плечи блузку, она медленно завязывала шелковые ленты на груди, пытаясь понять, что чувствует. Сан знала о любви Доёна давно, но ей это было безразлично. Единственный, кого она хотела видеть рядом, о будущем с которым мечтала, бросил ее. Трусливо сбежал в объятия смерти, оставив ее одну наедине с враждебным миром. Не выдержал чувства вины за то, что отец сделал с его невестой.

Единственный человек, который остался с ней несмотря ни на что, лежал сейчас рядом. Он любил ее, заботился и оберегал. Больше у нее никого не осталось.

А значит, нужно забыть все, что было. Забыть, что совсем недавно она была дворянкой, забыть о несостоявшейся свадьбе, разрушенных мечтах и несбывшихся надеждах. Зачеркнуть прежнюю жизнь и отказаться от всего, что ее связывало с прошлым. Теперь у нее есть только Доён. И она заставит себя полюбить его так, как никого никогда не любила. Вырвет привязанность к Ли Хяну из своего сердца и отдаст его единственному человеку, который этого достоин.

Сан вновь услышала мелодичные трели птиц, легкий шелест крон, ощутила теплое дуновение ветра. Она вернулась в настоящее и посмотрела в глаза Квон Доёну, который все еще держал ее за руку.

– Что с тобой? – озадаченно спросил он, с беспокойством скользя взглядом по ее лицу.

– Ко мне возвращаются воспоминания, – глухо ответила она, только сейчас обнаружив застывшего рядом Джисона, который все еще сжимал ее запястье.

P.S. 7

Съемочная группа ушла далеко вперед, и веселые голоса студентов, освобожденных на сегодня от занятий, раздавались в первозданной тишине парка. Доён обернулся, чтобы предложить Сан вернуться в город, но не обнаружил ее рядом. Это показалось ему странным, потому что она все время находилась неподалеку. К тому же он не помнил, чтобы Джисон отправился дальше вместе с остальными студентами.

Доён нахмурился, чувствуя досаду. Похоже, он оказался прав в своих подозрениях, и между Джисоном и Сан действительно что-то есть. «Надеюсь, у них хватит ума не осквернить сад, внесенный во всемирное наследие ЮНЕСКО», – подумал он и зашагал обратно, невольно ускоряя шаг.

Джисон не понравился ему с того самого момента, как несколько месяцев назад перевелся к ним из Сеульского университета посреди семестра. Он тут же обаял и преподавателей, и студенток, вызвав

негодование и зависть мужской части университета. Умный, спокойный, прилежный студент, в Доёне он вызывал странную смесь противоречивых чувств. От протiwоестественного восхищения до плохо контролируемой неприязни. Да и сам мальчишка, похоже, относился к нему не слишком добродушно. Он вел себя безукоризненно вежливо, однако время от времени Квон ловил на себе его тяжелый и будто бы осуждающий взгляд, от которого появлялось чувство, словно он и впрямь сделал что-то плохое.

Причина, по которой Джисон внезапно перевелся из самого престижного университета страны, осталась тайной для всех, кроме него. Но ректор не смог отказать блестящему студенту, который должен был стать гордостью Хонгика. К тому же это давало ему возможность козырнуть перед другими ректорами на министерских встречах.

Тропинка повернула влево, и Доён остановился, увидев развернувшуюся сцену. Ким Сан сидела в беседке, и ее тонкие пальцы мягко перебирали струны каягыма, а негодник-Джисон смотрел на нее с берега, словно застывшая статуя. Даже со своего места Доён видел, какой любовью и обожанием светились его глаза. Что-то сердито заворочалось в груди Доёна. Ему не нравился этот взгляд, не нравилось, что музыку, которую исполняла Сан, слушал он. «Это же надо! Какая наглость так открыто демонстрировать свои чувства! Ладно он, сопляк еще, но она! Кисен и есть кисен. Старая развратница!» – бушевал Доён и уже собирался было подойти, чтобы прекратить это молчаливое признание, как вдруг музыкальный инструмент каким-то фантастическим образом выскользнул из рук сидевшей на краю беседки Сан и плюхнулся в воду.

Первым порывом Доёна было броситься к воде, но его опередили, и он, спрятавшись за деревом, наблюдал, как Джисон бросился напрямик в воду. Недолго думая, Сан кинулась вслед за ним, что-то крича ему с берега, пока тот пытался нашарить на дне утопленный инструмент. А потом, словно в одной из дурацких комедий, нелепо взмахнув руками, поехала вниз и шлепнулась в пруд прямо на Джисона. Доён наблюдал за тем, как она хохочет, вытирая лицо, со смесью презрения и злости. Как эта женщина, убившая его жену, может смеяться?! Она не имеет права радоваться жизни! Да еще и рядом с другим мужчиной!

Недолго думая, он широким шагом спустился к пруду, взирая на них с плохо скрываемой неприязнью. Эти двое даже не заметили его!

– Ну просто сцена из второсортного сагыка! – он не удержался от язвительного замечания, с удовольствием видя, как меняется лицо Ким Сан. Ее смех мгновенно смолк, а мальчишка вцепился в ее запястье, как клещ.

– Это была случайность! – оправдывалась она, не замечая этого собственнического жеста.

– Можете принести вещи госпожи Ким? Ей будет неудобно идти через весь парк в мокром платье.

Он что, еще и указания раздает?!

– Конечно, но сначала нашей госпоже нужно выбраться из пруда, – съязвил Доён и протянул ей руку, убежденный, что она примет его помощь, а не помощь этого сосунка. Надо показать сопляку, где его место.

Немного поколебавшись, Сан взяла его ладонь и вздрогнула. От ее пальцев по руке побежало тепло, и Доён испуганно посмотрел в широко распахнутые и будто остекленевшие глаза. Что-то произошло, но он не мог понять, что именно. Однако в груди вдруг странно дрогнуло и заныло, как будто открылась застарелая рана.

– Что с тобой? – спросил он и сильнее сжал узкую ладонь.

– Ко мне возвращаются воспоминания.

Воздух сгустился, как плотный дым, голова закружилась, и Доён вновь ощутил признаки, которые всегда сопровождали его видения о прошлом. Сделав несколько судорожных вдохов, он выпустил руку Сан и поспешно отступил назад. Похоже, эта женщина не успокоится, пока не прикончит его.

Глава 8

Красная нить судьбы

– И что мне теперь делать?! – истерично взвизгнула фотограф Со, отирая вспотевший лоб дрожащей рукой. Студенты и съемочная группа выстроились вокруг многострадального каягыма, который Джисон все-таки вытащил из воды. – Сеульский культурный центр предоставил мне его на время съемок под залог! Как я его теперь верну? Такой скандал!

– Мне очень жаль, госпожа Со, я все возьму, – вяло отозвалась Сан, мысли которой были целиком и полностью заняты проснувшимися воспоминаниями.

– Вы что, миллионерша? Это каягым начала двадцатого века, хоть представляете, сколько будет стоить реставрация и штраф за...

– Я все возьму, – повысила голос Сан, мрачно глядя на перепуганную женщину.

Она целиком и полностью осознавала свою вину, но сейчас ей хотелось как можно скорее остаться наедине с собой и своими мыслями. Что-то тревожило, не давало покоя, а толпа народа мешала сосредоточиться и жутко раздражала. Она заплатит любую сумму, для чего еще капать на мозг и взывать к ее совести?

Студенты удивленно наблюдали за развернувшейся сценой и тихо переговаривались между собой.

– У нас еще запланирована общая съемка, как вы, – госпожа Со сердито кивнула на Сан и Джисона в мокрых костюмах, – собираетесь в ней участвовать?

– Значит, мы ее пропустим, тут и так много народа, в общей массе наше отсутствие никто не заметит, – примирительно сказал Джисон и открыто улыбнулся рассерженному фотографу. – Не переживайте так, госпожа.

– Не переживайте, – язвительно повторила госпожа Со и закусила губу. Положив руки на пояс, деловито осмотрела окрестности и тряхнула головой. – Так. Ладно. Все, кроме Джисона и госпожи Ким, идут к павильонам. Во дворе одного из них есть красивый старый клен, вот там и сделаем групповые фото. А вам, пожалуй, стоит вернуться в магазин для проката и сначала разобраться с ними.

Она махнула остальным и быстрым шагом отправилась к королевским постройкам. Доён на мгновение обернулся и настороженно сощурил глаза, после чего пошел следом за съемочной группой. А Сан поплелась к выходу, приподнимая намокшее платье.

– Что с тобой? Расстроилась из-за каягыма? – поинтересовался Джисон, идя рядом с ней по широкой, хорошо утрамбованной тропинке. Вокруг стояла первозданная тишина, но она не дарила ни покоя, ни умиротворения.

– Все нормально, – односложно ответила Сан, глядя себе под ноги.

Вернувшиеся воспоминания придавили, налили в грудь свинца, заставили вновь почувствовать боль и обреченность, которые она испытала когда-то. Теперь это было не кино с ее участием, которое она смотрела со стороны и ничего не чувствовала. Сейчас она в полной мере ощутила все, что с ней произошло триста лет назад. И эти эмоции были так сильны, словно события, которые их вызвали, произошли секунду назад.

Ей было необходимо остаться в одиночестве, чтобы разложить все по полочкам.

– Но ты выглядишь странно. Если переживаешь из-за каягыма, то не стоит, директор культурного центра – моя давняя клиентка, и я ей уже позвонил. Она уладит это дело, тебе придется оплатить только пятьдесят процентов за реставрацию. Не бойся, скандала не будет, – сказал Джисон. Его щебетание доносилось словно из другого мира, и Сан стало досадно, что он отвлекает ее от обдумывания произошедшего. Однако слово «клиентка» вонзилось в мозг, как игла, и она остановилась, сердито развернувшись к нему.

– Это ж за какие твои заслуги она решила закрыть на все глаза? – глядя исподлобья, спросила она. – Может, твое правило не работать «на выход» относилось только ко мне?

Лицо Джисона окаменело, он шумно втянул носом воздух и медленно сказал:

– Обычно за помощь благодарят, а не оскорбляют. Но глупо было надеяться на благодарность от человека, который в принципе не умеет говорить элементарное «спасибо».

Не глядя на Сан, он развернулся и зашагал к выходу. «Что вы, какие мы обидчивые, – злилась она, сердито топая вслед за ним. Мокрые туфли натерли ноги, и она прихрамывала. – Можно подумать, он старший научный сотрудник в каком-нибудь университете! Сам работает черт знает кем, еще и обижается!»

Джисон ушел далеко вперед, и когда Сан вошла в магазин, он уже переделся в свою одежду и собирался уходить. Ей стало неловко из-за того, что по ее вине он полез в пруд, поэтому она осторожно предложила:

– Давай я заплачу за испорченный костюм.

– Я уже все оплатил, спасибо, – он скривился и насмешливо поклонился. – Я не нуждаюсь в деньгах, мои клиентки хорошо мне платят.

Парень вылетел из магазина, гордо задрал голову. Несколько раз вяло извинившись перед работниками магазина и заплатив триста тысяч вон за испорченный ханбок, Сан вышла на улицу.

Наступил сентябрь, и вечера стали прохладнее. Сан медленно брела по улице, размышляя о том, почему заблокированные воспоминания вдруг стали возвращаться.

Ужасная весть о смерти Ли Хяна даже сейчас вызывала глухую боль. Застарелая, как почти зажившая болячка, она кровоточила, вырывалась из-под корки и отравляла душу. Рассеянно глядя на погружающийся в вечерние сумерки город, Сан понимала, что по-настоящему любила не Доёна, а погибшего жениха. Были ли ее чувства к Мину настоящими или искусственно возвращенными от отчаяния и одиночества? Она осталась одна и видела в друге единственного родного человека, за которого хваталась, как утопающий за соломинку. Убедила себя, что должна любить его, и вытравила из сердца чувства к Хяну. Она спасалась от этой боли,

замуровав ее глубоко внутри, заместила ненастоящими эмоциями и намертво вцепилась в Доёна, в котором нашла единственный смысл своей убогой жизни.

Но он полюбил другую женщину, хотел создать с ней семью. Взять в жены Сан он не мог, а прожить всю жизнь рядом со стареющей кисен – такой себе вариант для молодого богатого дворянина с перспективами на государственной службе. Держать его при себе только из страха остаться одной было эгоистично. Но другого выхода она тогда не видела.

Сан поежилась от холода и поймала такси. Тепло салона расслабило, и она прикрыла глаза, хмурясь от пронесившихся мимо огней.

Она была бессмертной, но до определенного времени все равно инстинктивно искала человека, который стал бы ей опорой. Пока не поняла, что это бессмысленно. В ее жизни постоянно появлялись люди, но уходили быстро и внезапно. Череду страстных влюбленностей, драматичных расставаний и постоянное, беспросветное одиночество мучили. Покинувшие ее смертные оставляли лишь болезненные воспоминания и мрачный след. В конце концов Сан отпустила всех, кого любила, и не только свыклась с неотступным одиночеством, но со временем стала получать от него удовольствие.

Ее не пугала пустая квартира, а холодная постель стала ее убежищем, маленьким уголком, где она не только отдыхала, но и выполняла свое предназначение – спасала людей. По мере того, как ей открывались все прелести богатой жизни, она вдруг стала понимать, как здорово жить одной. Как ей нравится делать, что душе угодно, ни на кого не оглядываться, не изображать из себя кого-то и не стараться казаться лучше, чем она есть. Просыпаться, когда захочется, не спеша готовить себе завтрак или заказывать еду из магазина, не оправдываться за свой образ жизни, не выслушивать недовольство, упреки, требования или советы. Просто кайфовать от себя, от своего положения, от бессмертия и ощущения того, что праздник жизни будет длиться вечно. Только ее праздник, который ей ни с кем не хотелось делить. Это было не одиночество, это была свобода. А теперь она и представить себе не могла, что когда-нибудь в ее любимой квартире вдруг появится посторонний человек со своими привычками, который

не дай бог попытается перевернуть созданный с такой тщательностью и любовью мирок. К этому придется приспособливаться, искать компромиссы, переступать через себя. Ради чего? Плюсы от такого сожительства были весьма сомнительны, и даже с Хери, самым близким человеком, Сан не хотела бы жить бок о бок. Вот так, прожив триста с лишним лет, она наконец отбросила свои страхи остаться одной, которые были вбиты в ее голову подчиненным положением женщины в обществе, и как никогда ясно осознала, что бояться-то нечего. Нужно всего лишь прислушаться к себе, а не к другим, и понять, чего на самом деле хочешь ты, а не те, кто тебя окружают.

Однако, несмотря на прожитые годы и опыт, чувства к Доёну сбивали с толку. Настоящие ли они сейчас, или это отголоски прежних обид и страхов? Она не могла их разграничить, как не знала, должна ли испытывать судьбу дважды или отпустить его, чтобы он шел своей дорогой.

Сегодня все ощущалось не как прежде, и даже любимая квартира показалась холодной и неприветливой. Сан хотелось позвонить Хери, но она решила не отвлекать ее от работы. Завтра смена Джумока, вот тогда и можно будет украсть ее ненадолго. Может, даже поехать на природу, пока погода еще позволяет.

Несколько раз умывшись ледяной водой, она взяла ноутбук и решила отвлечься составлением плана следующего занятия. На секунду пальцы зависли над клавиатурой, и перед глазами возникло болезненное лицо Квон Доёна возле пруда. Тогда она не придала этому значения, слишком занятая своими мыслями, но теперь вспомнила и странную бледность, и учащенное дыхание, и то, как резко он выпустил ее ладонь. Сан нахмурилась, рассеянно водя указательным пальцем по губам. Когда она увидела свое прошлое, он держал ее за руку. Может быть, физически на него влияют не только сны, но и эти воспоминания тоже? Он ведь не мог видеть то же, что и она? Иначе не стал бы спрашивать, что с ней.

Внезапно ее поразила еще одна мысль. Джисон даже не спросил, что значили ее слова, когда она сказала, что к ней возвращаются воспоминания. И будто бы не заметил, что Сан повела себя странно. Хотя обычно он улавливал малейшее изменение в ее состоянии. Может, постеснялся спросить при Доёне? Он все-таки его профессор.

Сделав над собой усилие, она доделала план занятия и закуталась в одеяло. Сентябрьские ночи выхолаживали из домов тепло, и Сан все-таки включила отопление. Ее знобило, голова была чугуновой и до отказа наполненной самыми противоречивыми мыслями, предположениями и эмоциями. Закрыв глаза, она с неохотой подумала, как ей не хочется сегодня никого спасать. Удивительно, но после встречи с Доёном она стала реже попадать в чужие сны, и от души надеялась, что сегодня опять будет спать спокойно.

Однако, уже начиная засыпать, с досадой почувствовала Зов души. Ветер бросил в лицо пыль, взметнул волосы, закружил на месте. На зубах скрипел песок, Сан закрывала рукой глаза и не видела ничего, только ощущала силу стихии, захватившую ее в свой плен. Вокруг шумели деревья, скрипели и гнулись стволы, трескалась кора, пугая девушку, которая пыталась убедить себя, что ей нечего бояться. Это всего лишь сон, и нужно просто найти его хозяина.

Порыв ветра подхватил ее, как пушинку, поднял над землей и выбросил во двор ханока. Пытаясь отдышаться, Сан огляделась, увидев глиняные чаны, в которых, судя по запаху, бродило кимчи и рисовое вино. Все выглядело заброшенным, неухоженным, будто хозяева давно здесь не появлялись. На покрытой циновкой дорожке валялись метла, плетеная корзина и щепки от разломанных ставней. В душе холодной искрой вспыхнуло странное ощущение, будто она уже была здесь когда-то. Сан медленно встала на ноги, подошла к приоткрытой двери и распахнула ее. Переступила порог, очутившись в пустой комнате, и обомлела: она оказалась в доме, где жила в середине прошлого века недалеко от Тэгу. Дрожащей рукой взяла свою фотографию с комода, которую Мина уговорила ее сделать семьдесят лет назад. Со старого пожелтевшего снимка на нее смотрела она сама, одетая в потрепанный белый ханбок. Что же это? Кто может видеть такой сон?! Кто мог знать об этом месте?!

Вдруг раздался страшный грохот, затем еще один и еще. Сан упала на пол, закрывая голову руками. В нее полетели щепки от снесенных взрывной волной дверей и оконных рам. Животный ужас, приглушенный за семьдесят лет относительного спокойствия, вновь выворачивал душу наизнанку, воскрешая годы войны, которые она пережила. Бежать! Прятаться в укрытие! Во дворе есть погреб, скорее туда! В неконтролируемой панике она забыла о том, что это сон, что

все это не по-настоящему, и что ей нечего бояться. Первобытный страх сжал сердце в тисках. Но, не успела она выбраться из-под завалов, как что-то резко дернуло ее за руку, неведомая сила опрокинула Сан на спину и потащила по полу к дверному проему. В последний момент она успела ухватиться за стену и затормозить на пороге. Тяжело дыша, посмотрела на правую руку и едва не вскрикнула: запястье опоясывала красная нить, которая чуть светилась изнутри и уходила за пределы разрушенного двора. Натянутая, как канат, она звала Сан выйти к тому человеку, с чьей судьбой была связана ее душа.

Кровь гулко била в уши, как барабаны чинго, тело одеревенело от страха. Сан не могла сдвинуться с места, боясь того, что ждало ее снаружи. Однако отчаянный Зов души тянул ее из разрушенного дома, звал, чтобы открыть истину, которая много лет была скрыта от ее понимания.

Медленно выйдя из дома, она шла, перешагивая через обломки. Нить Судьбы вела ее сквозь дым, туман и покореженные соседские дома. Огромные воронки зияли то тут, то там, но людей не было. Нить дрожала и все настойчивее дергалась, но Сан не могла идти быстрее, так как от испытанного шока она едва переставляла ноги.

Наконец, разрушенная деревня осталась за спиной, и сквозь расступившийся туман она увидела лежащую на земле девочку, от руки которой Красная нить тянулась к Сан. Сердце разорвалось на тысячи осколков, словно в него ударила бомба.

– Мина! – Сан бросилась к ней, упала на колени, рассматривая залитое кровью личико. Даже в самом жутком кошмаре она не могла представить, что ей доведется пережить смерть подруги второй раз.

Бережно приподняв ребенка на руки, она обняла мертвую девочку, которая когда-то была для нее дороже жизни. Баюкала мертвое тельце, всем существом ощущая, как душа раскалывается на части. Сорвавшиеся со щек слезы повисли в воздухе чистейшими каплями, и Сан увидела, как из земли поднимаются тысячи хрустальных кристаллов. Это были слезы погибших здесь людей, которые окропили страданиями эту землю.

Сан опустила голову, вновь вглядываясь в лицо Мины. Вдруг нить дрогнула, взмыла вверх и оплела их сверкающим красным коконом. Лицо девочки стало меняться, кровь исчезла со щек, смоляные волосы

превратились в непослушную шаль рыжих кудрей. На руках потрясенной Сан лежала Хери...

Черные ресницы дрогнули, и девушка открыла глаза. Села, медленно обвела взглядом уничтоженную деревню и поднялась на ноги. Шатаясь, побрела мимо воронок от бомб и дымящихся домов. Обхватила себя руками и заплакала. Сан очнулась и, вытерев слезы, сделала над собой усилие. Хери не должна это помнить. Не должна снова пережить этот кошмар. И пусть она никогда не узнает, кем Сан была для нее в прошлой жизни, самое главное, чтобы она не унесла эту чудовищную боль с собой из сна.

– Хери! – позвала Сан, но поняла, что подруга ее не слышит. – Хери!

Бросившись к ней, развернула ее к себе и сказала:

– Посмотри на меня.

Девушка подняла на нее полные ужаса глаза.

– Это всего лишь сон. Он никогда больше не повторится. Ты забудешь все, что видела, и будешь спать спокойно.

Сан щелкнула пальцами. Разрушенные ханки погрузились в землю, а на их месте выросли небоскребы. Раны земли, причиненные взрывами, затянулись ровным асфальтом, и девушки оказались перед домом, где Хери снимала квартиру.

Подруга смотрела на Сан, и в ее глазах читалось осознание. Это была сотая доля секунды, когда Хери увидела ее в своем сне и узнала все, что их связывало.

– Сан... – прошептала она, протягивая к ней руки.

Сан сжала зубы и упрямо тряхнула головой. Она должна хорошо выполнить свою работу, чтобы Хери никогда не вспомнила их общее прошлое. Это слишком больно, слишком страшно. Сан щелкнула пальцами во второй раз, и подруга обмякла в ее руках. А в следующее мгновение они обе оказались в ее маленькой комнате. Сан погладила безмятежно спящую девушку по непослушным волосам и тяжело вздохнула. «Пора возвращаться», – мысленно сказала она себе и проснулась в своей спальне, уткнувшись в мокрую от слез подушку.

До глубины души потрясенная сегодняшним сном, Сан медленно встала с постели, дрожа всем телом. Она вновь пережила ужасы и разрушения, которые принесла война. Грохот разрывающихся снарядов звенел в ушах, запах гари, дыма и крови ощущался в носу и

на кончике языка. Добредя до холодильника, она открыла дверцу и трясущейся рукой взяла с полки воду с лимоном. Припав к горлышку, сделала несколько жадных глотков, словно это могло помочь хоть немного прийти в себя и уменьшить разверзшуюся в душе бездну отчаяния.

Да, она повторяла, глядя в глаза подруге, что это только сон, и, когда Хери проснется, не вспомнит ничего из того, что открыло ей подсознание. Однако для Сан это не было фантазией. Это была реальность. Ужасающая, бьющая наотмашь боль, которая, как ей казалось, почти стерлась со временем.

В груди поселилась тяжесть. Сердце распирало изнутри необъяснимым, тягучим предчувствием. Сейчас ей казалось, что время вдруг стремительно ускорило свой бег. И, словно подхваченная бурным течением, Сан неслась навстречу чему-то. И то, что ждало впереди, пугало до дрожи.

Встреча с Доёном во снах, а потом и в реальности, внезапно вернувшиеся воспоминания, а теперь и открывшаяся правда о Хери... Словно сорвавшийся с тросов лифт, она летела вниз. И, как мелькающие этажи, мимо проносились события, о которых триста лет молчала ее память. Что же ждет ее внизу?

Сан отставила пустую бутылку и сползла по гладкой дверце холодильника на пол. Грудь сдавливал иррациональный страх неизбежности и жуткое ощущение, что она играет последний акт в затянувшейся пьесе. Даже мысль о бессмертии несколько не успокаивала.

Закрыв глаза, она вновь и вновь вспоминала окровавленное лицо Мины, превратившееся в лицо Хери. Теперь, когда думала об этом, удивлялась, как не замечала сходства двух девчонок, которые стали для нее дороже всего на свете.

В тысяча девятьсот пятидесятом Ким Ир Сен, который хотел объединить под своим началом корейский полуостров, перешел тридцать восьмую параллель и двинул войска на Сеул. Жители многих городов по эту сторону границы бежали на юг в надежде, что северяне не продвинулись далеко. Сан в то время жила в Кёнсане, который тогда был совсем небольшим провинциальным городком недалеко от Тэгу и по современным меркам считался деревней. Она была подмастерьем у портного, шила одежду для женщин и детей, зарабатывая на жизнь

ровно столько, чтобы прокормить себя. Свое богатство – множество изысканных украшений, которые ей дарили высокопоставленные клиенты, когда она еще работала кисен, – Сан тщательно прятала в небольшой нише под полом. И решила продать их только в случае крайней нужды. Позже, уже после войны, она выручила за них неплохие деньги и уехала в Штаты, где получила свое первое образование. А еще, спустя годы, вложила оставшиеся сбережения в акции Samsung, которые принесли ей баснословную прибыль.

Но в тот момент, когда северяне бросились завоевывать юг, она не думала о продаже украшений. Ее заботила только возможность пережить эти ужасные годы, последовавшие почти сразу после японской оккупации.

Беженцев размещали в своих домах все, кто имел такую возможность. Им помогали, давали кров и пищу, надеясь, что война скоро закончится. Однако она затянулась на долгие три года, во время которых страна пережила настоящий ад. Почти половина жилого фонда была сметена с лица земли в результате обстрелов, и Корею пришлось отстраивать практически заново.

Среди прибывших в Кёнсан беженцев была десятилетняя девочка. Чумазая, оборванная, с пустыми глазами, в которых горе от потери родителей выстудило все чувства. Сан стало так ее жаль, что она взяла ее к себе, накормила бурым рисом с кимчи и плеснула на дно миски вина, которое бродило в чане на заднем дворе, чтобы ребенок хоть немного согрелся и расслабился. Девочку звали Мина. Она молча ела, ни на что не реагировала, не отвечала на вопросы и вообще, казалось, разучилась говорить.

Сан понимала, что глубокая рана, образовавшаяся на сердце после смерти близких, затянется нескоро. Но ей хотелось хоть немного подбодрить свою подопечную и вернуть жизнь в красивые детские глазки. Она медленно приручала замкнутую дикарку, давала небольшие поручения, показывала, как можно украсить вышивкой любую одежду. И постепенно девочка начала оттаивать. Взгляд стал наполняться чувствами, желание жить брало свое.

Через некоторое время Мина с удвоенным рвением уже училась шить и даже иногда стала называть Сан «онни^[23]». Помогала по хозяйству и теперь в тихом доме каждый день слышался веселый детский смех. Сан и сама не заметила, как привязалась к ребенку

настолько, что уже не представляла, как жила без нее раньше. Мина была не по годам смысленной и удивительным образом чувствовала людей. Посмотрев на человека, либо открыто улыбалась, либо хмурилась и пряталась за спину старшей «сестры». И ни разу не ошиблась в своих оценках, потому что через некоторое время вдруг выяснялось, что «плохой» аджосси оказывался бессовестным вором, обкрадывавшим своих соседей. А «хороший» искренне любил жену и помогал беднякам.

Наверное, нереализованный ведьминский дар Хери унесла с собой из прошлой жизни. Как и любовь к алкоголю. Мина, вероятно, запомнила вкус вина, которым Сан угостила ее в первую их встречу, и все время крутилась возле чана, норовя зачерпнуть немного.

– Куда опять полезла! – пытаюсь сделать строгий голос, прикрикнула на нее Сан, в очередной раз поймав девчонку на месте преступления. – Я же говорила тебе: нельзя!

– Ну почему, онни? – обиженно дула губы Мина, запоздало пряча за спиной глиняную миску. – Господин Сучон каждый день выпивает!

Она кивнула на соседский дом.

– Господин Сучон взрослый, а ты еще маленькая. Вот вырастешь, станешь большой, как я, и будешь пить, сколько твоей душе угодно. И я даже говорить ничего не буду, – терпеливо объясняла Сан, удивляясь, почему ребенок проявляет такой интерес к алкоголю.

– Обещаешь? – с надеждой спросила девочка.

– Обещаю, – рассмеялась Сан, нежно потрепав ее по растрепанным волосам. – И откуда в тебе эта страсть к вину? Тебя туда тянет, как пчел на мед.

– Просто... когда ты дала его выпить, – Мина замялась и опустила глаза, – я спала так хорошо и спокойно! Мне первый раз не снилось, как умерли папа с мамой.

Сан осеклась, поняв, что в алкоголе девочка искала душевного покоя, который потеряла, лишившись семьи.

Жизнь названных сестер шла своим чередом. Они работали, помогали беженцам, кормили бедняков, понимая, что их народ должен сплотиться в эти черные времена, иначе им не выстоять. Однако северяне продолжали прорываться на юг, а американские войска не успевали на подмогу. И вот взрывы зазвучали уже совсем рядом, в окрестностях Тэгу. Войска отступали, люди боялись и прятались в

погребам. Нужно было бежать, но куда? За спиной оставался только Пусан, который и так переполнили беженцы. И девушки решили остаться, полагаясь на защиту военных и молясь, чтобы враги, которые когда-то являлись частью их народа, не прорвались дальше.

В то раннее утро было очень тихо. Пугающее безмолвие не пускало за порог, как и Мина, вцепившаяся в ее руку. Но Сан обещала помочь раненым, принести теплую одежду тем, кто остался без крова.

– Оставайся здесь, что бы ни случилось, поняла? – глядя в переполненные ужасом глаза девочки, наказала Сан. – Я быстро. Только отнесу и вернусь, хорошо?

– Не ходи, – дрожащий голосок Мины разбивал ей сердце.

– Люди там, – она показала рукой наверх, на крышку погребам, где они прятались уже несколько дней, – мерзнут и страдают. Я должна хоть как-то им помочь. Понимаешь?

– Онни... – протянула Мина и вдруг заплакала. Сан впервые видела ее слезы, и душа всколыхнулась от жалости. – Онни, не ходи! Случится что-то плохое!

– Ничего не случится, не плачь, – бессмертная прижала ее к себе и поцеловала в макушку. – Обещаю, я вернусь, ты только сиди здесь и не выходи.

Сдерживая слезы, Сан помахала девочке рукой и поднялась наверх, с трудом откинув крышку погребам.

– Онни! Онни! – услышала она снизу отчаянный крик и обернулась, глядя в заплаканное лицо Мины. Девочка цеплялась руками за подол ее юбки и мотала головой. – Не пуцу! Не пуцу!

На одно короткое мгновение в голове мелькнула мысль остаться, ведь Мина обладала удивительным чутьем. Но Сан пересилила себя и все-таки ушла.

Оглушительный грохот взрывов застал ее на другом конце деревни, и сердце омертвело от осознания: бомбили тот район, где стоял их с Миной дом... Не чувствуя ничего, кроме страха за девочку, она бросилась туда, вопреки всем доводам рассудка. Содрогаюсь от ужаса, Сан падала на землю, которая сотрясалась от чудовищных ударов, задыхалась от пыли и дыма, но все равно пробиралась к своему дому. Молилась только о том, чтобы Мина оказалась жива. Они уедут отсюда немедленно! Куда угодно, хоть на край света, пусть даже

ей придется продать себя одному из американских солдат, главное – сохранить жизнь Мине.

Очередной взрыв раздался совсем рядом. В ушах будто что-то лопнуло, в глазах все поплыло, и Сан рухнула на землю. А когда очнулась, все уже закончилось. Битва за Тэгу была проиграна, и деревню заполонили северокорейские солдаты. Шатаясь, она добрела до своего разрушенного дома и увидела лежащую посреди двора Мину, придавленную обломками. Маленькое личико было залито кровью, голова повернута к воротам, словно она до последнего вздоха ждала свою сестру. Ее мертвые глаза неподвижно смотрели прямо на Сан, мир которой рухнул навсегда.

Сан не заметила, как уснула на полу, а когда проснулась, наступил уже самый разгар дня. Тело болело, голова гудела, а душу отравляли вновь проснувшиеся воспоминания. Потребность увидеть Хери была непреодолимой. Одна часть ее сердца жаждала рассказать подруге об их прошлом, о том, как близки они были когда-то, но другая отказывалась говорить об этом, навсегда дав обет молчания. Хери не должна знать о том, что случилось почти семьдесят лет назад. Она заслужила прожить спокойную жизнь, не отягощенную теми страшными событиями. Пусть только Сан знает об этом. Пусть только она несет это бремя, а подруга должна жить счастливо и не беспокоиться ни о чем, кроме своего настоящего.

Сегодня воскресенье, и у Хери был выходной. Сан хотела увидеться с ней, но не решалась позвонить после кошмарного сна. Она сомневалась, что сможет держать лицо и делать вид, будто ничего не произошло. Ведьма знает ее лучше всех, поэтому точно определит, что что-то произошло.

Не зная, чем себя занять, Сан решила прогуляться по Каннаму, а под вечер заглянуть в сувенирную лавку. Занятая новой работой и личными переживаниями, она забросила бизнес, оставив его на своих работников. Но нужно было время от времени там появляться. Тем более сегодня работал Джумок, поэтому вероятность столкнуться с Хери была минимальной.

Но ведьма будто на расстоянии чувствовала настроение подруги. Когда Сан доплелась до спальни и взяла телефон, то увидела, что она с самого утра бомбардировала ее сообщениями.

**Ты куда пропала?
Что-то случилось?
Сан, с тобой все в порядке?
Давай встретимся, у меня выходной.**

Что на это ответить? Сан соврала, что сегодня будет готовиться к лекции, и предложила увидеться на днях.

«Я тебя чем-то обидела?» – пришло в ответ.

«Глупенькая, чем ты могла меня обидеть? – с грустью подумала бессмертная. – Во всем мире ты для меня самый дорогой человек, но именно поэтому мне так тяжело тебя сейчас видеть».

Не говори глупостей, просто не хочу, чтобы Квон опять тыкал меня носом в мой непрофессионализм.

Мне же нужно держать марку!

– написала она и выключила телефон.

Прогулка по любимым бутикам не улучшила настроения и не убавила тревоги, поселившейся в душе после кошмара Хери. Сан бесцельно бродила по магазинам, машинально улыбалась продавцам, которые ее хорошо знали, просматривала новые коллекции, ни на чем не останавливая взгляд. Ее существование отравляло беспокойство и дурное предчувствие, не покидавшее ни на минуту.

На улице уже начало темнеть, посетителей в ее магазине уже наверняка стало меньше, и она отправилась на Инсандон, чтобы сыграть роль начальницы. Температура воздуха упала на несколько градусов, и Сан ежилась под порывами северного ветра, пока шла по торговой улице к своей лавке. До закрытия оставалось двадцать минут, и она в недоумении остановилась перед темной вывеской и поднятыми жалюзи. «Джумок решил самовольно закрыться пораньше? А как же сигнализация? Вот балбес! Все-таки нельзя их оставлять без присмотра!» – в сердцах подумала она и медленно открыла дверь. В помещении стояла крошечная темнота, едва разгоняемая уличными огнями, проникающими сквозь стекло. Сан вдруг услышала какую-то возню у противоположной стены и напряглась. Воры?!

Осторожно двинувшись в сторону выключателя, она заметила суматошное копошение и сдавленные вздохи. Приглядевшись,

обнаружила, что возле стены, слившись в страстном поцелуе, застыла парочка. Даже в плохо освещенном помещении не узнать главных действующих лиц было невозможно. Хери, одной рукой вцепившись в плечо Джумока, закинула ногу ему на бедро, в то время как вторая ладонь смело гуляла по его спине. Сан закатила глаза и едва не фыркнула. Святые ёжики! Кто бы мог подумать, что их отношения будут развиваться так стремительно. «Вот тебе и „у меня нет к нему никаких чувств!“» – подумала она, решая, как действовать дальше. Тактично уйти или спугнуть влюбленную парочку? Не удержавшись, она подкралась к ним ближе и громко сказала:

– Господа, вы оштрафованы за нарушение общественного порядка!

Джумок отскочил от Хери, как шарик для пинг-понга, и с испугу врезался в напольную вазу, которая рухнула на пол, разлетевшись на осколки. Хери ахнула, прижав руки к губам, а Сан стремительно шагнула в сторону и включила свет.

Светильники озарили помещение, и Сан сердито посмотрела на нарушителей порядка и результат неожиданно напавшей на них страсти. «Черт, хорошая была ваза!» – в сердцах подумала она, хмуро глядя то на подругу, то на Джумока, которые выглядели, как провинившиеся школьники, и часто моргали от яркого света.

– Госпожа, Ким! Простите, я... я сейчас все уберу! – мельтешил красный как помидор Джумок, в суматохе пытаюсь отыскать совок и щетку.

– Ты что здесь делаешь? Сказала, что будешь готовиться к лекции... – беспомощно спросила Хери, отводя взгляд.

Сан сложила руки на груди и вскинула голову.

– А вы, смотрю, решили воспользоваться моим отсутствием и превратить мой магазин в мотель?

– Да блин! Ну что ты начинаешь? – с досадой цокнула Хери, все еще избегая смотреть подруге в глаза.

Сан подавила улыбку. Она никогда раньше не видела Хери такой смущенной, и это выглядело весьма забавно.

– Между прочим, эту вазу я купила на аукционе в Китае за двадцать тысяч долларов. Она времен династии Тан. – От этих слов судорожно прибиравшийся Джумок застыл и поднял на хозяйку

испуганный взгляд. – Похоже, тебе придется несколько месяцев работать на меня бесплатно.

Она вскинула брови, наслаждаясь обескураженным видом парня.

– Госпожа Ким... – пролепетал он, поклонившись несколько раз. – Простите! Простите! Я все отработаю!

– Естественно! – фыркнула она, едва сдерживая смех. – Тебе пора, Джумок, пока ты еще что-нибудь здесь не разбил. Мне нужно поговорить с Хери наедине.

– Да-да, конечно! – залебезил он, оглянувшись на свою новую девушку. Та едва заметно кивнула, обозначая, что с ней все будет в порядке, и подруга ее не убьет.

– Слушай, извини за вазу, но не слишком ли это... Я ведь тоже виновата, мы должны разделить с Джумоком сумму. Почему он должен выплачивать ее один? – Хери собрала оставшиеся на полу осколки и выбросила в мусорный пакет.

– Угомонись, защитница, я пошутила. На самом деле я купила ее на Тондэмуне пару лет назад за сто тысяч вон, это подделка. Неужели ты думаешь, что я стала бы украшать магазин подлинным фарфором империи Тан? – Сан фыркнула и медленно подошла к Хери, оценивая ее взъерошенный после любовных утех с Джумоком вид. Поправила растрепанные кудри и расхохоталась.

– Чего ты? – буркнула подруга, заливаясь краской до ушей.

– У меня только один вопрос: почему именно в моем магазине? Так приспичило? – все еще посмеиваясь, спросила Сан. – Здесь мотели на каждом шагу!

– Ну-у... – протянула Хери и улыбнулась уже смелее, видя, что подруга не сердится по-настоящему. – Сама не знаю, как так получилось.

– Долго же вы терпели, – рассмеялась Сан. – Молодцы, я рада, что вы забыли прошлое и начали все с начала.

Она потрепала ведьму по плечу.

– Может, по пиву? Или соджу? – предложила Хери на радостях, что они с Джумоком прощены.

Сан неопределенно пожала плечами, глядя в искрящиеся счастьем глаза подруги, и улыбка на ее губах медленно увяла. Теперь она отчетливо видела черты маленькой Мины в лице взрослой Хери.

Девчонка выполнила желание Сан и стала пить, только когда выросла. Жаль, что лишь в следующей жизни.

– Что с тобой? Ты какая-то бледная и вялая. Не заболела? – с беспокойством спросила Хери, потрогав лоб подруги. – Температуры вроде нет.

– Все в порядке, – выдавила улыбку Сан.

– Эй, ты чего? С каких пор ты стала мне врать? Ну-ка рассказывай, что у тебя стряслось? Опять этот поганец Квон?

– Давай лучше кофе. И посидим здесь, не хочу никуда идти, – вздохнула Сан.

Хери купила два американо в кофейне напротив и вернулась в магазин. Подруги уединились в подсобном помещении, которое служило одновременно и гардеробной, и кухней для сотрудников. Уютно устроившись за маленьким прямоугольным столом, девушки некоторое время молчали, глотая обжигающий напиток. Сан не знала, с чего начать и как объяснить подруге свою тревогу, которая будто намертво приклеилась к ней после сегодняшнего сна.

Наконец, она последовательно изложила все, что случилось, начиная от утопленного каягыма, заканчивая вернувшимися воспоминаниями и дурным предчувствием, засевшим занозой в сердце. Умолчав только об их общем прошлом.

– Не понимаю, почему ты так встревожена, – покачала головой Хери. – Все идет по плану, если это действительно кармическое проклятие. Ход вещей закономерен. Ты должна узнать, в какой момент твоей прошлой жизни завязался кармический узел, чтобы потом развязать его.

– А ты не думаешь, что... – Сан замялась, не зная, как лучше сформулировать свои опасения, – меня к чему-то готовят?

– К чему? – не поняла Хери.

– Не знаю, не могу объяснить... У меня ощущение, что я попала в водоворот, который несет меня черт знает куда. Но почему-то кажется, что впереди не ждет ничего хорошего. Думаешь, если я узнаю, почему и как стала ловцом снов, разрублю этот, как ты говоришь, кармический узел, на этом все закончится? И я буду жить как ни в чем не бывало?

– Ты меня пугаешь, Сан, – Хери побледнела. – К чему ты клонишь?

– Мне кажется, будто надо мной нависла неотвратимая беда, но я не могу понять, откуда она идет.

– Перестань меня пугать! Я и слышать ничего не желаю! – стукнула ладонью по столу ведьма. – Да, ты узнаешь, почему стала ловцом, и будешь жить как прежде рядом со мной, поняла?

Она тяжело дышала, ее глаза испуганно расширились, и Сан грустно улыбнулась. Подруга сама не верила в то, что говорила.

– Не обманывай себя, ты же ведьма, знаешь, что такие повороты судьбы совершаются не для того, чтобы потом все осталось как прежде.

– Ты просто накручиваешь себя из-за того, что боишься неизвестности. Может, и правда все это происходит потому, что ты должна вернуть любовь своего Доёна? – Хери с облегчением схватилась за версию, которую раньше решительно отвергала. Но теперь-то Сан знала, что ей открывается прошлое, которое связано не только с Доёном. Как будто Вселенная решила выложить все козыри, чтобы честно сыграть решающую игру.

– Не знаю, может, ты и права, – Сан неопределенно пожала плечами, только чтобы немного успокоить подругу.

– Слушай! – воскликнула Хери, едва не подавившись кофе. – А что, если дело вообще не в нем?

– О чем ты?

– Смотри, впервые ты попала в сон Доёна, когда познакомилась с Джисоном, так? – девчонка загнула один палец. – Первое твое воспоминание пришло к тебе, когда ты была на реке Хан тоже вместе с ним.

– Ну? – нахмурилась Сан, не понимая, к чему она клонит.

– И вчера в саду Хувон Джисон тоже был рядом. Не говоря уже обо всех странных совпадениях вроде того, что он оказался студентом в универе, где тебе предложили преподавать. А что, если дело именно в нем, а не в Доёне?

– Ну не знаю, как-то это странно... – неуверенно протянула Сан, отодвигая от себя пустой стакан.

– Нет-нет, мне кажется, что я на верном пути! Ты просто зацклилась на своем Квоне и упустила самое очевидное, что все время было у тебя под носом! – возбужденно доказывала подруга. – Смотри, в прошлом в твоей жизни четко обозначился любовный

треугольник: ты, Доён и некий Ли Хян, лица которого ты пока не видела. Но он был твоей настоящей любовью, и вы с ним были обручены. После каких-то трагических событий судьба развела вас в разные стороны, он погиб, а ты стала кисен, оставшись рядом с Доёном – человеком, который не был предназначен тебе судьбой.

– Ну, допустим, – Сан задумалась над версией подруги, подтверждая, что в ней есть смысл.

– Сейчас в твоей жизни происходит практически то же самое. Опять любовный треугольник, опять человек, который тебя любит, и Доён, с которым ты хочешь остаться вопреки всему. Так?

Сан в волнении кивнула, начиная понимать, куда клонит Хери. Неужели?..

– Думаешь, Джисон может быть реинкарнацией Ли Хяна? – распахнув глаза, прошептала она.

Хери удовлетворенно щелкнула пальцами.

– Именно! Тогда все сходится! И кармическое проклятие обретает смысл.

– Да нет, не может быть, – все еще не верила Сан. – Джисон просто обычный студент, как он...

– Ты задолбала! Обычный, простой... Жизнь каждый раз показывает тебе, какой он необыкновенный, сколько в нем сюрпризов, а ты опять игнорируешь очевидные выводы! Когда ты уже начнешь относиться к нему серьезно? Этот Квон тебе совершенно не подходит, ты просто вбила себе в голову, что он твоя судьба!

– Этого мы знать не можем, – возразила Сан. – Вдруг мы и правда связаны?

– Имеешь в виду Красную нить?

– Да. Как бы это узнать?

– Я вижу эти связи, надо бы посмотреть на тебя рядом с этими двумя. Но я уверена, что если с кем-то ты и связана, то точно не с Доёном.

– С Джисоном ты встречалась два раза, наверное, если бы между нами действительно существовала такая связь, ты бы ее заметила, – возразила Сан.

– Первый раз я была пьяна, а второй – слишком обеспокоена твоим состоянием. Поэтому вполне могла и не заметить.

– Через неделю мы едем на благотворительный аукцион в Намьянджу, поедешь со мной? Это хорошая возможность убедиться раз и навсегда. Там будут они оба, – предложила Сан, азартно ухватившись за эту мысль.

– Если там будет бесплатная выпивка, я за, – ухмыльнулась подруга.

– А ты знаешь, кто связывает души людей нитями Судьбы? – заинтересовалась Сан.

– Какое непроходимое невежество, – вздохнула Хери и закатила глаза. – Никогда не перестану удивляться, как мало ты знаешь. Вот поэтому и делаешь неправильные выводы!

– Ой, давай ближе к делу, – поморщилась Сан.

– Сами люди образуют эти связи. Сильная привязанность, дружба, любовь сплетают эти нити. Но и разрывают их тоже люди. Если прольют кровь, совершат тяжкое преступление.

– Преступление?.. – Сан похолодела. – Значит, если принять за правду тот факт, что я якобы убила жену Доёна, значит, наша с ним связь разорвана?

– Нет, третьих лиц это не касается, – покачала головой Хери. – Только если бы ты убила его или себя. Ну, или он сделал бы то же самое.

– Это точно не про нас, – с облегчением вздохнула Сан. – Значит, есть надежда, что мы все еще связаны.

– Чем ты меня слушала, непонятно, – скривилась ведьма. – Лично я считаю, что твоя нить тянется к Джисону. Но нужно все проверить, поэтому с нетерпением буду ждать следующих выходных. А ты не кисни и выбрось из головы апокалиптические мысли. Разберешься со своими мужиками, и все вернется на круги своя, вот увидишь!

Сан натянуто улыбнулась. После разговора с Хери на душе стало немного легче.

Девушки разошлись по домам, и, уже вернувшись в свою квартиру, Сан вдруг вспомнила, что не расспросила Хери об их феноменальном воссоединении с Джумоком. Отругав себя за невнимательность к подруге, решила завтра же исправить свой промах и легла в постель. Проверила на всякий случай талисман под подушкой и закрыла глаза, укутавшись в теплое, пушистое одеяло.

Может, и правда она себя накрутила? В словах Хери был смысл, и, хоть в роль Джисона во всем, что с ней происходило, верилось с трудом, все же к нему стоило приглядеться внимательнее. Ведь нельзя отрицать, что прошлое активизировалось именно после знакомства с ним. Но было ли это простым совпадением или же замыслом высших сил? Решив больше не мучить себя вопросами, на которые все равно не может найти ответы, Сан постаралась очистить голову и заснуть.

Знакомый тягучий Зов ворвался в подсознание, поднимая с глубины души страх и тревогу. Сан распахнула глаза и огляделась. Со всех сторон ее окутывал туман, такой густой, что она не видела ничего даже в шаге от себя. Плотные серые клубы стелились по земле, задевали босые ступни, холодили щиколотки. Сан обхватила себя руками за плечи, чувствуя, как начинает дрожать. Она слышала Зов со всех сторон и не понимала, куда ей двигаться. Наугад сделала несколько шагов по стылой земле и остановилась. Было страшно. Страшно до жути, до сведенных пальцев, до судорожно скручивающегося желудка. Она ощущала всеми нервными окончаниями, что впереди ее ждет нечто ужасное, и не могла сдвинуться с места. Зов приближался. Сан вертелась на месте, но по-прежнему не видела ничего, кроме плотно обступавшего со всех сторон тумана. Сердце выскакивало из груди, руки дрожали, но она не могла уйти из сна, пока не найдет его хозяина. И именно эта встреча страшила ее больше всего.

Стоять и ничего не делать было еще хуже, чем ждать, поэтому Сан медленно, на ощупь, стала двигаться в наугад выбранном направлении. Через несколько шагов туман стал расступаться, открывая перед ней узкую тропинку. Бело-серые клубы по-прежнему возвышались по обе стороны и над головой, закрывая купол неба. Но, по крайней мере, Сан нашла дорогу, и это уже вселяло оптимизм.

Еще через некоторое время она различила темную фигуру в конце тропы. Ускорив шаг, Сан внимательно вглядывалась в силуэт и вскоре поняла, что он кажется ей знакомым. «Доён? Неужели? Снова общее воспоминание?» – удивленно подумала она, почти бегом бросившись к нему. Облегчение от того, что это именно он, а не какой-то страшный монстр, будто подарило крылья.

Мужчина смотрел на нее с осторожностью и недоумением, словно тоже не понимал, почему они вновь встретились во сне. Сан

остановилась напротив него, не зная, что делать дальше.

– Что ты хотел мне показать? – спросила она тихо.

– Я сам не знаю, – растерянно ответил он, оглянувшись. – Похоже, это снова воспоминание, которого я не помню.

Ледяной ветер взметнул с земли сухие листья и бросил в лицо. Сан зажмурилась, ежась от сильных порывов в шелковой сорочке. Лицо, плечи и руки царапали мелкие ветки, и она села на корточки, закрывая голову руками. Сквозь метавшиеся пряди волос увидела, как перед ней, прямо из воздуха, вырастают стены, на крышу ложится черепица, и длинный деревянный забор из ровных досок складывается, как конструктор. Ветер мгновенно стих, и Сан вместе с Доёном оказалась возле уже знакомых ворот гёбана, куда они попадали не раз.

– Мы снова здесь? – растерянно произнес всклокоченный Доён.

Сан поднялась на ноги, глядя сквозь распахнутые створки на единственное освещенное окно в погруженном в темноту гёбане. И снова страх сжал сердце, мешая дышать. Нужно было зайти внутрь, но ноги не шли, паника ширилась в груди, вызывая головокружение.

– Пойдем? – тихо спросил взволнованный Доён, протягивая руку. Его глаза были полны тревоги, и Сан поняла, что он испытывает то же, что и она. Но вместе было не так страшно, поэтому она с облегчением ухватила за его ладонь, и они медленно направились в сторону тусклого окна.

Дверь жалобно скрипнула, и они оказались внутри душевой комнаты, по которой в небрежно завязанной чогори беспокойно металась Сан-кисен из прошлого. Ее волосы растрепались, она ходила из угла в угол, нервно сцепив пальцы, и будто кого-то ждала. Безумный взгляд скользил по комнате, дрожащие руки поминутно поправляли то вазу на комод, то расписанную лотосами ширму. По всему было видно, что девушка не в себе.

Сан с Доёном недоуменно переглянулись. Тугой узел в груди нисколько не ослаб, и Сан каждую секунду ждала чего-то ужасного. Но ладонь Доёна согревала и давала иллюзию спокойствия.

В коридоре послышались торопливые шаги, дверь распахнулась, и на пороге появился господин Мин с перекошенным от ненависти лицом. На нем не было шляпы, волосы выбились из пучка и свисали небрежными прядями вдоль острых скул.

– Ты! – выкрикнул он и шагнул к перепуганной кисен. В ее глазах отразился неподдельный ужас, она отшатнулась, инстинктивно выставив вперед руку. – Ты убила ее!

– О чем... ты говоришь... кого я убила? – пролепетала юная Сан, едва шевеля пересохшими губами.

– Ты убила Дахи! И не смей отпираться, дрянь! Служанка, которую ты подкупила, все мне рассказала! – мужчина надвигался на нее, возвышаясь над крошечной девушкой на две головы. – Ты понесешь наказание! Я позабочусь, чтобы тебя запытали до смерти за убийство аристократки!

По лицу Сан-кисен прошла судорога, она шумно втянула носом воздух и вскинула голову, уже бесстрашно глядя в глаза Мина.

– Давай, мне все равно не за чем больше жить. Я ни капли не сожалею о том, что сделала, – выдавила она.

– Гадина! – рука Мина взлетела вверх, и голова кисен беспомощно мотнулась в сторону от пощечины.

Сан из настоящего дернулась и невольно схватилась за щеку. Кожа горела так, будто сейчас ударили ее. Ладонь Доёна сильнее сжала ее пальцы.

– Ты предал меня! Ты обещал, что всегда будешь рядом, и я поверила! Я думала, ты любишь меня по-настоящему, – кисен словно не заметила удара и бесстрашно наступала на взбешенного мужчину. – Это ты убил Ли Хяна, чтобы рядом со мной не осталось больше никого. Ты сделал меня своей игрушкой, а теперь выбросил, потому что я тебе больше не нужна.

– Ты помешалась! Я и пальцем не трогал Хяна! – вскипел господин Мин, отшатнувшись от обезумевшей кисен.

– Не лги! Я знаю, что это был ты! Хян никогда бы не покончил с собой, он бы не бросил меня, потому слишком любил! – из глаз девушки брызнули слезы, и Сан ощутила на своем лице соленую влагу.

– Ты слишком высокого о себе мнения, – презрительно скривился Мин. – Теперь ты просто уже не очень молодая кисен, которая скоро перестанет быть интересна высокопоставленным гостям.

– Мерзавец! – девушка вскинула руку, чтобы ударить, но мужчина перехватил ее и грубо оттолкнул от себя. Сан покачнулась, но устояла на ногах. – Да! Это была я! Я убила твою ненаглядную Дахи, эту дрянь, ради которой ты нарушил все свои обещания! Если бы могла,

сделала бы это снова. Помнишь, я сказала, что если не смогу быть счастливой, то и ты не сможешь?

– В какую же мерзкую тварь ты превратилась... – будто не веря своим глазам, прошептал Мин.

– А ты? Подлый обманщик, предатель, который клялся мне в вечной любви! Твоя ненаглядная Дахи умерла из-за тебя! Как жаль, вы ведь даже не успели провести первую брачную ночь! – издевалась Сан. Ее лицо кривилось от ненависти, а голос сочился таким ядом и презрением, что не было сомнений – она не жалеет о своем поступке ни секунды. – И что будешь делать? Отведешь меня к магистрату? Ну попробуй, Мин Доён.

– Дрянь... – прошипел Мин. Его взгляд заметался по комнате и нашел лежащую на комодe шпильку, которую подарил на прощание совсем недавно. Обезумевший от гнева и горя, он схватил ее и кинулся к кисен.

Сан из настоящего вскрикнула, когда рука взлетела вверх, но кисен даже не дрогнула, испепеляя бывшего возлюбленного яростным взглядом.

– Давай, чего ты ждешь? Испугался? Ты всегда был трусом и никогда даже рядом не стоял с Хяном! Ты и мизинца его не стоишь. Я была с тобой только от безысходности и никогда тебя не любила! Ты мне противен, и ложиться с тобой в постель было пыткой!

Кисен схватила его руку и направила острый конец шпильки себе в грудь.

– Мне все равно незачем жить, ты отнял у меня все.

Мин взревел как раненый зверь и ударил. Брызнувшая кровь окрасила белоснежную блузку, и кисен осела на пол.

– Будь ты... проклят...

Девушка завалилась на бок, прямо под ноги господину Мину, который смотрел на нее со смесью ужаса и отвращения, а потом, шатаясь, выбежал из комнаты.

Сан из настоящего окаменела. В груди давило, жгло, искрило. Она медленно опустила взгляд вниз, почти уверенная в том, что увидит на шелковой сорочке такое же бурое пятно, какое расползлось по белоснежной чогори кисен. Но, несмотря на адскую боль, одежда оказалась цела, и раны на груди не было.

– Сан... – услышала она рядом дрожащий голос.

Лицо Доёна побелело, как у мертвеца, на коже выступили капли пота. Но горячая ладонь все еще сжимала ее руку. Сан медленно вытянула свои пальцы из теплого захвата и отступила назад, инстинктивно хватаясь за грудь. Смотреть в сторону мертвой кисен было невыносимо, но видеть лицо своего убийцы было еще страшнее.

– Сан... прости... прости меня! Я ничего не знал! – дрожащие губы не слушались, глаза Доёна наполнились невыразимым ужасом.

– Не трогай меня, – хрипло отозвалась Сан и бросилась вон из комнаты, пропитанной кровью и отчаянием убитой девушки, которой была она сама.

Мир вокруг нее сжимался, воздуха не хватало. Она шаталась, как пьяная, все еще чувствуя, как болит в груди от удара, нанесенного любимым человеком. Слезы застилали глаза, и она не видела, куда идет. Ступни коснулись холодной воды, и в клубившемся тумане Сан увидела, что стоит на берегу реки. Легкие волны лизали ноги, пытаюсь достать до колен, сорочка намочла. Сан бросилась в черные объятия, чувствуя, как ледяная вода колет кожу, но боль в груди становится чуть меньше. Закрыв глаза, она погрузилась с головой в темную пучину, не чувствуя больше ничего. Желание жить покинуло ее вместе с осознанием того, что человек, который стал для нее целым миром, убил ее. Есть ли смысл продолжать это безнадежное существование?

Легкие волны качали и убаюкивали, и Сан ощутила, как постепенно проваливается в пустоту. Заветные слова, возвращающие ее из сна в реальность, не шли с языка. Ей хотелось заснуть навсегда и больше никогда не видеть ни свои, ни чужие сны, которые разрушили ее мир до основания.

Но когда она почти перестала что-либо чувствовать, чья-то ладонь обхватила ее запястье и выдернула на поверхность. Кашляя и отплевываясь, она села на постели в своей спальне.

P.S. 8

Хери неслась к магазину сувениров, не зная, кому молиться, чтобы ее кошелек оказался там. Сегодня был последний день, когда можно платить за аренду квартиры, а она только утром обнаружила, что кошелек со всеми деньгами и картами куда-то подевался. Хозяйка

и так косо смотрела на нее, догадываясь, что Хери промышляет колдовством, и очень строго относилась к оплате. Ни дня просрочки, иначе – с вещами на выход.

Она миллион раз за сегодняшнее утро прокрутила в голове вчерашний день и почти не сомневалась, что кошелек остался в магазине. Больше ему быть просто негде, потому что вчера она закрыла сувенирную лавку и сразу же отправилась домой. Проездная карта всегда лежала в кармане, поэтому она без проблем добралась до квартиры и заметила пропажу далеко не сразу.

Думать о том, что в магазине кошелек не окажется, ведьма отказывалась, ведь тогда перед ней встанет огромная проблема, а к Сан обращаться не хотелось. Подруга и так постоянно покупала ей одежду, оплачивала счета брата в больнице, да еще и обеспечила работой. Финансовая пропасть никогда не мешала их дружбе, однако Хери каждый день ощущала стыд из-за своей нищеты.

Дверь магазина была открыта, и она забежала внутрь, рассчитывая просочиться в подсобку незамеченной Джумоком. Ее напрягало, когда им приходилось встречаться, чтобы пересчитать товар и передать дела. Этот парень раздражал и вызывал странную смесь досады, обиды и непонятно откуда возникающего трепета. Наверное, это отголоски прошлого разочарования, которое Хери так и не смогла забыть – слишком глубока была рана, нанесенная Джумоком.

Сейчас он общался с посетительницей, и Хери, втянув голову в плечи, скользнула за ближайший стеллаж. Однако остановилась, не дойдя до служебного помещения, потому что выхватила обрывок фразы:

– Брось, мы тогда были детьми! Неужели ты все еще злишься из-за Хери? Столько лет прошло, – голос женщины заставил сердце Хери инстинктивно скорчиться от страха.

Она застыла возле подвесок, не в силах сделать хотя бы шаг. Застарелая, покрывшаяся коркой рана мгновенно вскрылась неконтролируемым ужасом, который всегда вызывал у нее этот голос. Мёнсу. Та самая дрянь, которая издевалась над ней в школе. Та гадина, из-за которой Джумок бросил Хери.

– Ты серьезно считаешь издевательства и унижения просто детской шалостью? – голос Джумока был холоден как лед.

– Да-да, я была не права, доволен? – с досадой ответила Мёнсу. – Если тебя это утешит, мне тоже несладко. Я ведь так и не дебютировала, а теперь вон гожусь только на то, чтобы быть на побегушках у знаменитых актрис. Приспичило ей, видите ли, настоящую заколку ттольчам именно из этого магазина! Эта стерва где-то прочитала, что здесь продаются оригинальные сувениры, и она кровь из носу понадобилась ей для роли. Ну а мне бегай на другой конец города ради ее капризов...

Услышав это, Хери осторожно выглянула поверх стеллажа. Мёнсу стояла к ней в пол-оборота, но даже такой ракурс давал хорошее представление о том, как она изменилась. От прежней несравненной красавицы ничего не осталось: волосы потускнели и поредели, хотя она умело пыталась скрыть это укладкой; лицо сильно повзросло и будто бы даже постарело. Она очень похудела и теперь напоминала сушеную скумбрию не самого лучшего качества. Ее мечта стать айдолом, ради которой она готова была на все, не осуществилась, и Хери от души понадеялась, что теперь Мёнсу в полной мере ощутила на своей шкуре, каково было ей когда-то.

Джумок выслушал ее с каменным лицом и, не смягчая тона, ответил:

– Меня не трогает твоя исповедь. И это не смягчает твоей вины. Ты всего лишь расплачиваешься за то, что натворила.

– Да что ты! Не надо изображать из себя Ромео. Можно подумать, между тобой и Хери все было серьезно. Так, детская влюбленность, вы бы все равно расстались рано или поздно, – мерзавка показала, что ее гнилая сущность несколько не изменилась.

– Не говори о том, чего не знаешь! – повысил голос Джумок, и Хери поспешила вновь спрятаться за стеллажом, жадно вслушиваясь в каждое слово. – Я действительно любил Хери! И если бы ты не угрожала, что превратишь ее жизнь в ад, я ни за что бы ее не бросил!

Сердце в груди будто сорвалось с оси и теперь заполонит забилося в горле. Так вот в чем дело! Значит, эта дрянь вынудила его отказаться от нее! Он сделал это, потому что хотел защитить! Хери сглотнула, сжала руки в кулаки и, преодолевая застарелый страх перед садисткой, вышла из укрытия.

– Не продавай ей ничего, Джумок, – громко сказала ведьма.

Глаза Мёнсу удивленно распахнулись.

– Хери? Откуда ты здесь? Вы что, до сих пор общаетесь? – она расхохоталась. – И зачем ты только что лечил мне, какая я негодяйка?

– Заколки ттольчам продаются не только в нашем магазине, – бесстрашно наступала на нее Хери, оттесняя к выходу. – Сеул – огромный город, побегай еще. Уверена, актриса, у которой ты на побегушках, оценит это.

– А ты, смотрю, осмелела, – скривила свой переделанный нос Мёнсу. – Я покупатель, ты не имеешь права мне отказывать, чокнутая!

– Проваливай, или я вытащу тебя отсюда за волосы! – громыхнула Хери. – А вдогонку нашлю такие проклятия, что ты закончишь свои дни в выгребной яме, нищая и никому не нужная. Я же ведьма, забыла? Ведь именно поэтому ты издевалась надо мной.

Каждое слово она сопровождала грубым тычком в плечо, с удовольствием глядя, как удивление в глазах бездушной стервы сменяется страхом. Хери перестала бояться. Она больше не маленькая беззащитная девочка, у нее есть Сан и, как выяснилось, Джумок, которые всегда были на ее стороне.

Мёнсу буркнула «Сумасшедшая!» и пулей вылетела из магазина, оставив бывших возлюбленных наедине.

Хери немного успокоила разбушевавшееся сердце и повернулась к потрясенному Джумоку.

– А теперь, мой храбрый рыцарь, расскажи мне все, что тогда произошло.

Глава 9

Прошлое, настоящее и будущее

Несколько минут Сан тупо смотрела в противоположную стену и пыталась отдышаться. В голове нестройным хороводом кружили мысли, а на сердце будто легла пудовая гиря. Она медленно обвела взглядом погруженную в ночную темноту комнату, чувствуя, что вся ее жизнь после сегодняшнего видения полетела в пропасть. Все, что она знала о себе, было ложью. Все-таки она оказалась убийцей и, по-видимому, несколько в этом не раскаивалась. А мужчина, который, как она считала, был ее судьбой, убил ее.

Глаза горели, и безумно хотелось расплакаться, чтобы хоть немного облегчить разрывающую душу боль. Но слезы не шли, только застыли колючими осколками и резали сухие веки. Откинув одеяло, Сан спустила ноги на теплый пол. Что делать? Что думать? Как сбежать от этой боли? Как снова все забыть? Теперь она понимала, почему подсознание заблокировало воспоминания. С таким чудовищным багажом она бы не смогла жить.

В квартире было душно, Сан открыла настежь окна и вышла на балкон. Закрыла глаза, глубоко вдыхая холодный ночной воздух. Он будто остужал горящее нутро, постепенно успокаивая ноющую рану. Внизу по-прежнему неслись машины, мигали яркими огнями рекламные щиты и вывески. Во внешнем мире все осталось по-прежнему, тогда как внутри у Сан все вывернулось наизнанку. Она чувствовала себя крошечной песчинкой в неконтролируемом хаосе событий.

Немного придя в себя, она стала мучительно обдумывать все, что узнала. Если Доён – при мысли о нем в животе что-то судорожно дернулось – убил ее, то каким образом она осталась жива? Хери сказала, что она и дух, и человек, значит, возможно, кто-то просто не позволил ей умереть? И именно поэтому сделал ловцом снов? Может быть, жить как обычный человек она уже не могла, и единственным выходом для нее стало превратиться в магическое существо, при этом сохранив человеческую оболочку?

Сан зажмурилась, пытаясь вновь вспомнить тот момент, когда к ней явился мужчина в черном балахоне, которого Хери опознала как Темного жнеца. Теперь стало очевидным, что это был вовсе не первый сон, в который она попала, это было ее первое и до недавнего времени единственное воспоминание из человеческой жизни. А именно – момент ее смерти. Поэтому она с таким страхом вспоминала и слова жнеца, и окровавленную блузку, и нефритовое кольцо на указательном пальце безжизненной руки.

Сан вздрогнула и потрясла головой. Ей было страшно оставаться одной. Ноющая боль в груди снова усилилась, и на сердце тяжелым камнем упало осознание, что она чудовищно ошиблась во всем. Ошиблась в себе, слишком высоко ценя свою неординарную личность. Она была всего лишь убийцей. Обезумевшей от ревности и зависти женщиной с ничтожной душонкой. Ошиблась в Доёне, за которого так цеплялась и в прошлом, и в настоящем. Он просто не мог быть ее судьбой. Запачкав руки кровью, он, как сказала Хери, разорвал Красную нить, даже если та и связывала их. Теперь Сан очень хорошо понимала, что все время просто гребла против течения, добиваясь любви человека, который не являлся ее судьбой. Но пока она до конца не узнала всю их историю, так и продолжала бессмысленно стремиться к недостижимому и идти против воли Небес.

Сан заставила себя сдвинуться с места и медленно зашла в гардеробную. Остаться одной в квартире было невыносимо, ей казалось, что в одиночестве она просто свихнется от обрушившегося на нее знания. Хотелось на улицу, к людям, чтобы почувствовать иллюзию причастности к жизни, чтобы огромная, душившая ее боль стала казаться меньше на фоне окружавшего ее бескрайнего мира. Схватив первое, что попало под руку, она, не глядя в зеркало,

натянула джинсы, футболку и кожаную куртку. Наспех зашнуровав кроссовки, кинулась из дома на свежий воздух.

Шум ночного города на мгновение оглушил и испугал – нервы были на пределе. Сан заставила себя расправить плечи и медленно, шаг за шагом, вновь влиться в этот мир. Открыть почерневшую душу навстречу ветру, усыпанному звездами небу, ярким огням мегаполиса и ночной прохладе. С каждым вздохом ее отпускало, она расслаблялась, стараясь не думать, не гонять в голове отрывки жуткого воспоминания. Не искать причин и выводов – просто раствориться в стихийном потоке непрекращающейся жизни. Так было легче.

Она шла без цели, просто брела вперед по наугад выбранному маршруту, не зная, куда он ее приведет. Это походило на то, что сейчас творилось в ее жизни.

Куда несет ее судьба? Что ждет впереди? И сможет ли она отыскать верную дорогу, путаясь в окутавшем тумане и мраке?

Стало холоднее, и через несколько шагов Сан ощутила приятный речной запах. Остановившись на мгновение, огляделась и обнаружила, что ноги привели ее к берегу реки Хан. Вода загадочно поблескивала, отражая огни высоток на противоположном берегу. Вздохнув, Сан продолжила путь уже более осознанно, начиная замечать окружавшие ее детали и нюансы. Запахи, голоса прохожих, шорох кроссовок по асфальту, шелест велосипедных колес по дорожке. Впереди, в паре сотен метров был мост Банпо, по которому еще недавно они с Джисоном шли к месту их свидания.

Воспоминание о нем разогнало царивший в сердце мрак, разлилось внутри теплом и нежностью. Она ошиблась и в нем тоже. Прожив столько лет, обманулась, приняв пустышку за любовь и недооценив человека, который был с ней по-настоящему искренен. Был ли он воплощением Ли Хяна, она не знала, но сейчас это не имело значения. Ей просто хотелось увидеть его, опять посмотреть в большие серьезные глаза, полюбоваться пикантной родинкой и ощутить на себе его влюбленный теплый взгляд.

Она прошла мимо того места, где они пили вино, любуясь ночной рекой, и вдруг ей до боли захотелось все повторить. Взять обратно ужасные слова, что она ему сказала, обнять и признаться, что он ей тоже нравится. Наплевать на то, что они когда-то расстанутся, и просто насладиться жизнью, пока еще у них есть такая возможность. Как

можно было так облажаться? Сан покачала головой и тяжело вздохнула.

Другой конец моста терялся в сгустившемся тумане, который белым пухом стелился по реке, превращая ее в молоко. Сан остановилась, замороженная мистической красотой этого зрелища. Сейчас мост выглядел как портал в потусторонний мир, но почему-то не пугал. Он приковывал взгляд, маня своей загадочностью, и будто звал на другую сторону. Подчиняясь этому странному притяжению, Сан сделала несколько шагов вперед, как вдруг услышала рядом знакомый голос:

– Красиво, правда?

Едва не вскрикнув от неожиданности, она обернулась и потрясенно замерла. Будто услышав ее мысли и откликнувшись на зов ее души, рядом стоял Джисон и отрешенно смотрел на противоположную сторону, которую постепенно скрывал туман. Сердце Сан кувыркнулось в очередной раз, и внутри, как горячий шоколад, растеклась невероятная благодарность за то, что в конце своего интуитивного путешествия она нашла именно его. Поддавшись порыву, она обняла его сзади, прижавшись щекой к широкой спине. Зажмурилась, отпуская все ужасы и страхи последних дней. Впитывала тепло его тела, вдыхала умопомрачительный запах, который сводил с ума с их первой встречи. Как так вышло, что он всегда оказывался рядом именно тогда, когда она нуждалась в поддержке? Этот мальчик всегда был на ее стороне, сносил насмешки и грубость, терпел ее ужасный характер и все равно не уходил. Почему она была такой слепой дурой?

Джисон напрягся, не ожидая таких откровенных действий от той, которая еще вчера нахамила ему в парке, и не шевелился, вероятно, ожидая объяснений.

– Прости меня, – тихо пробубнила она в его рубашку. – Я была очень груба с тобой.

Извиняться она не любила и не умела, поэтому чувствовала себя глупо и смущенно. Хорошо, что он не видел ее лица. Секунду Джисон молчал, а затем прохладные ладони накрыли ее сцепленные на его животе руки.

– Я люблю тебя, Ким Сан, – так же тихо ответил он, не поворачивая головы, – какой бы занозой ты ни была.

Она улыбнулась, разжала руки и встала перед ним. Его лицо выглядело серьезным, он ждал от нее ответных слов. Но Сан сейчас была слишком растерянна, чтобы ответить на признание или конкретизировать их отношения. Сначала ей нужно уложить все пережитые эмоции и свои мысли. Но в одном она была твердо уверена: этот мальчик ей дорог, и ей хочется остаться с ним как можно дольше. Даже если это принесет очередную боль потери и разочарование.

– Что-то случилось? – спросил Джисон, с беспокойством вглядываясь в ее лицо.

Сан покачала головой, обозначая, что не хочет отвечать. Вместо этого спросила:

– Что ты здесь делаешь в такой час?

Джисон неловко почесал переносицу.

– Возвращался с работы и решил прогуляться. Здесь у нас с тобой было свидание.

Сан сердито глянула на него и отвернулась к реке.

– Что такое? – пытаюсь заглянуть ей в глаза, спросил он.

– Мне не нравится твоя работа, – выдавила Сан, понимая, что не имеет права предъявлять какие-то претензии, когда отвергала его столько раз. Но мысль, что он продолжает ночами обхаживать богатых теток, бесила до невозможности.

– Я могу уволиться, – с готовностью сообщил Джисон. – Но только если мы официально станем парой.

Сан фыркнула. Вот мелкий шантажист! И что ей теперь ответить?

– Не хочешь? – уточнил он и невозмутимо засунул руки в карманы. – Ну ладно, меня устраивает моя работа.

– Дай мне время, – после паузы сказала Сан, все еще не глядя на него. – Сейчас в моей жизни происходит столько событий, что я не успеваю их переваривать.

– А что с тем мужчиной, которого ты любишь? – осторожно спросил Джисон, вновь пытаюсь встретиться с ней взглядом.

Сан покачала головой и все-таки решила ответить откровенно.

– Мне нужно разобраться в себе. Меня разрывают противоречия, и сейчас сложно сказать что-то определенное. Но одно я знаю точно: ты мне нравишься, и терять тебя я не хочу. Поэтому и прошу подождать.

– Наконец-то ты в этом призналась! – радостно воскликнул Джисон и шагнул к Сан, подойдя к ней вплотную. – Самое главное, что ты призналась в этом самой себе. Я готов ждать сколько угодно, пока у меня остается надежда быть с тобой.

Сан удивленно посмотрела в его большие глаза, в которых искрилось неподдельное счастье. И за что он ее так любит? Если бы он только знал, что она совершила...

– Говоришь прям как взрослый, умудренный жизненным опытом аджосси, – хмыкнула она, чувствуя, что, наконец, немного расслабилась. Джисон, как солнечный луч, освещал ее мир. Глупо было запрещать себе любить его. Они столько времени потеряли из-за ее упрямства и дурости.

– Человека нельзя ни к чему принуждать. Я уважаю твои чувства, поэтому и отступил, когда понял, что ты непреклонна. Но сейчас у меня есть шанс, и я его не упущу, – он подмигнул Сан и взял ее за руку.

Она улыбнулась и с облегчением прижалась к его плечу. Широкому, теплomu и надежному.

– Стоп! – вдруг отшатнулась она и впиалась в его лицо взглядом. – А что с Буферами?

– С кем? – не понял Джисон, и Сан чертыхнулась про себя.

– Ну, Со Юнсо. Вы же вроде как встречаетесь.

– Это ты дала ей такую кликуху? – хохотнул Джисон, и его смех окончательно развеял все дурные предчувствия и морок воспоминаний.

– Неважно, я задала вопрос, – строго сказала Сан.

– Я стал встречаться с ней назло тебе, чтобы заставить ревновать. Мне казалось, ты давно это поняла, – он продолжал улыбаться и сжимать ее прохладные пальцы в своей большой ладони.

– Да, но я не знаю, что между вами сейчас, – не сдавалась Сан, решив выяснить все до конца.

– Хм... значит, действенный прием. Даже на тебя повлиял, – усмехнулся Джисон и серьезно сказал. – Я расстался с ней еще две недели назад.

– Да что ты! И почему же она виснет на тебе каждый раз, когда я вижу вас в коридоре? – Сан чувствовала, что начинает закипать, хотя

понимала, что не имеет на это права, в то время как сама дала весьма туманные обещания.

– Наверное, хочет вернуть, я же красавчик, – Джисон наклонился, и она почувствовала его дыхание на своем лице. Тело мгновенно отреагировало на его близость, и единственным желанием Сан было наконец впиться в его губы, а потом утащить к себе в квартиру. Но это бы опять смешало все карты и внесло дополнительный хаос не только в ее расшатанное сердце, но и в их едва начавшие устанавливаться отношения. Поэтому она ограничилась лишь строгим предупреждением:

– Если еще раз увижу, как она клеится к тебе – я за себя не отвечаю. Поэтому объясни ей, пожалуйста, чтобы она не приближалась к тебе ближе, чем на три метра! Это для ее же блага.

Джисон разразился таким веселым смехом, будто услышать эти слова было величайшей радостью в мире.

Следующим утром Сан вырвал из сна настойчивый звонок телефона. Проведя очередную бессонную ночь, она задремала только под утро и сейчас была дезориентирована, не понимая, где источник противного звука. Наконец, поняв, что сотовый лежит на полу на подзарядке, она скатилась с кровати, запутавшись в одеяле. Откашлялась и приняла вызов:

– Слушаю, профессор Пак.

– Сан, прости, что разбудил, но у меня опять крайние обстоятельства! – взволнованный голос господина Пака на другом конце трубки не предвещал для Сан ничего хорошего. Уж в этом она успела убедиться.

– Что опять случилось, профессор? У меня сегодня выходной, почему вы... – простионала она.

Но Пак Ёндже не дослушал ее нытье и сходу заявил:

– Квон Доён опять заболел. Ты можешь подменить его на пару дней?

Сердце тревожно стукнулось о ребра, и Сан мгновенно проснулась.

– Заболел? Снова? Что с ним?

– Говорит, отравление... Это не вирус, поэтому, надеюсь, он не будет долго отсутствовать. Да что ж с ним все время такое, – сокрушался профессор Пак. – Прямо напасть какая-то! Раньше был

здоров, как бык, за восемь лет преподавательской деятельности ни разу даже больничный не брал, а тут прям одно за другим...

Сан догадывалась о причине внезапного недомогания Доёна.

– Хорошо, господин Пак, я подменю его на пару дней, – пообещала она и отключилась.

Первым порывом было написать Квону и спросить о самочувствии, но, вспомнив ужасный сон, она остановилась. Нащупала под подушкой талисман и в очередной раз мысленно поблагодарила Джумока. Что, если он и Доёну сделает такой же? Может быть, это поможет? Хотя, судя по всему, теперь вся суть их прежних отношений раскрыта, и есть надежда, что они больше не будут встречаться во снах. А значит, и болеть он перестанет.

Сан тяжело поднялась на ноги и потянулась. Профессор Пак прислал ей сегодняшнее расписание Доёна в сообщении. Первую, утреннюю пару, она уже пропустила, но у нее был шанс успеть еще на две, которые начинались с полудня. На предельной скорости Сан стала собираться на занятия, когда опять прозвучала трель ее сотового. Чертыхаясь и едва не упав, запнувшись за шнур от фена, она схватила телефон. «Ведьма-алкоголичка» сегодня проснулась рано.

– Да, Хери, что-то срочное? Я просто... – Сан не успела договорить, потому что подруга ее перебила.

– Сан, что мне делать! Это просто кошмар! – ее голос взвился вверх, достигая диапазона колоратурного сопрано.

– Что случилось? – Сан похолодела, сжимая в руке выключенный фен.

– Джумок хочет официально представить меня своей матери в качестве его девушки! – в голосе Хери явственно слышалась паника.

Сан выдохнула и тут же взбесилась из-за того, что подруга заставила ее так нервничать.

– И что? Я думала, тебя там убивают! Какого хрена так пугаешь! – набросилась она на нее, возобновив сборы.

– Да лучше бы убивали! Ты представляешь, что со мной сделает его мамаша? Ты же не забыла, какая она! – истерила в трубку Хери. – А у меня нет миллионов, недвижимости и магазина сувениров в собственности, чтобы ей понравиться!

– Так, успокойся! – прикрикнула на нее Сан, листая вешалки в гардеробной. – Зачем тебе ей нравится? Главное, что происходит

между тобой и Джумоком, его сумасшедшая мамаша не имеет права лезть в ваши отношения.

– Как будто ты не знаешь, как все устроено в нашей стране! – Сан практически видела, как Хери с досадой всплеснула руками. – Накаталась по своим заграницам и забыла, какое значение здесь имеет родня, а особенно родители!

– Ничего я не забыла, просто перестала придавать значение этим идиотским пережиткам прошлого. Что и тебе советую сделать. – Выбрав наконец строгий брючный костюм глубокого синего цвета, Сан сняла его с вешалки и отнесла на кровать.

– Легко сказать. Не все такие продвинутые, как ты, – надулась подруга на другом конце. – Джумок, по всей видимости, очень любит свою маму, и ее мнение играет для него большую роль. Если она меня не примет, это осложнит наши только что восстановленные отношения!

Сан вздохнула и досчитала до трех, чтобы не сказать чего-нибудь резкого.

– Так, слушай меня. Сейчас мне очень некогда, но после четырех я свободна. Давай встретимся и все обсудим. Думаю, я знаю, как тебе помочь, – сказала она и отключилась.

Кинув телефон на кровать рядом с костюмом, она побежала в кладовку и открыла сейф, где хранила все важные документы. Отыскав нужную папку, сунула ее в сумку и понеслась в спальню одеваться. У нее оставалось тридцать минут на то, чтобы успеть добраться до университета Хонгик.

На занятия она все-таки немного опоздала и вбежала в аудиторию, когда студенты уже решили, что у них появилось почти полтора часа свободного времени, всю болтали и шумели. Появление Сан их очень удивило, а некоторых, например, Джисона, обрадовало. Его яркая улыбка обожгла сердце, и она сделала над собой усилие, чтобы сосредоточиться на материале.

После пары он подошел к ней и, облокотившись на кафедру, спросил:

– Ты не знаешь, что с профессором Квоном? Что-то он в последнее время часто болеет.

Сан чуть отстранилась.

– Не наклоняйся так близко, остальные могут что-то заподозрить.

Джисон широко ухмыльнулся и почесал затылок, немного отодвигаясь.

– Ты же говорила, что тебе плевать на мнение окружающих?

– Мне – да. Но преподаватели пекутся о репутации университета и не хотят скандалов, – ответила Сан, убирая ноутбук в сумку. Об этом ей сказал Доён во время общей фотосессии в саду Хувон.

– Все равно уже все заметили, что ты мне нравишься. Любить на расстоянии не запрещено, – хитро подмигнул он, вероятно, уверенный в своей победе после их неожиданной ночной встречи.

– Вот и держи дистанцию, – не поддалась на его провокации Сан, легонько пихнув его в плечо.

Она направилась к выходу, обернувшись в дверях. Джисон испепелял ее взглядом, все так же облокотившись на кафедру. Сан вздохнула и покачала головой. О чем он только думает... Если хочет без проблем доучиться в универе, стоит хотя бы попытаться скрыть эмоции. Но ему, похоже, точно было безразлично общественное мнение и репутация университета.

После проведенных занятий, которые пришлось давать экспромтом, Сан, наконец, с облегчением выдохнула и позвонила Хери. Они договорились встретиться на Хондэ, недалеко от университета. Сан пешком дошла до главной аллеи, по пути глаза на уличных музыкантов и танцоров. Некоторых она узнала – это были студенты ее университета, в основном с факультета искусств. Многие из них рассчитывали стать знаменитостями, поэтому очень старались, чтобы их заметили продюсеры агентств, которые время от времени появлялись на Хондэ, присматриваясь к молодым талантам.

Сан села на лавочку в относительной тишине и уединении. Хери должна была приехать минут через тридцать, поэтому она рассеянно рассматривала прохожих, в очередной раз поражаясь, какие крутые виражи закладывает ее жизнь. Мысли опять понесли ее в направлении Доёна и их последнего воспоминания. Сан передернула плечами и зажмурилась. Встречаться с ним было страшно, но в то же время она не могла не думать о нем. Как он там? А вдруг эта болезнь причинит непоправимый вред его здоровью? В прошлом он, конечно, был тем еще уродом, и простить его поступок невозможно, однако не она ли сама не так давно убеждала его, что это всего лишь прошлое, которое

никто не в силах изменить? Судя по всему, Доён не предполагал, что натворил, и его это тоже сильно потрясло.

Поколебавшись немного, Сан все-таки набрала сообщение и быстро убрала телефон в сумку.

Ты в порядке?

Сердце колотилось от волнения. Зачем она это сделала и какой реакции ждала? Вряд ли он напишет в ответ: «Все нормально, жаль только, что я убил тебя триста лет назад». Она нервно усмехнулась и опять достала телефон. Сообщение было прочитано, но ответа не последовало. Сан с досадой бросила гаджет обратно в сумку с твердым намерением больше не думать ни о самочувствии Квон Доёна, ни о связывавшей их истории. Она убила его жену, он отомстил, на этом все. Точка. Можно считать, что кармический узел разрублен. Нужно закрыть дверь в прошлое и жить дальше, тем более у нее есть такой замечательный стимул в виде влюбленного в нее Джисона.

Из мыслей ее вырвала появившаяся Хери. Взволнованная, растрепанная, она села рядом с невольным вопросом в глазах.

– За тобой кто-то гнался? – хихикнула Сан, которая считала переживания подружки из-за матери Джумока сущей ерундой. Но, поскольку Хери это сильно волновало, нужно было проявить внимание и помочь.

– Не смешно! – воскликнула Хери и запустила пальцы в кудрявые волосы. – Ты помнишь, как она нас встретила? Я не переживу такого еще раз.

– А ты говорила Джумоку, что не хочешь этого официального знакомства? – поинтересовалась Сан. – Если вы решили начать все сначала, то должны прислушиваться друг к другу.

– Как я ему скажу? «Извини, Джумок, твоя мать – злобная стерва, я не хочу иметь с ней ничего общего»? – взвилась Хери и вскочила на ноги.

– Успокойся и сядь, пожалуйста, – Сан потянула ее за руку. – Мне кажется, ты уже ведешь себя неправильно. Можно ведь сказать и более аккуратно. То, что ты врешь ему с самого начала ваших отношений, только приближает их конец. Если ты будешь терпеть все, боясь его расстроить, долго вы не протянете.

– Я все это понимаю, но... блин! Как оказалось, я очень боюсь потерять его снова, – простонала Хери, скорчив плаксивую гримасу. – Он сказал, что тогда в школе его вынудили отказаться от меня и угрожали, что сделают мою жизнь невыносимой. Гадюка Мёнсу слишком легко отделалась, надо бы ей добавить.

– А что ты ей послала? – с интересом подалась вперед Сан. Ей давно хотелось узнать, как Хери отомстила своим обидчикам.

– Я устроила пожар в ее квартире, а надо было сделать наговор на вечное невезение, – пробубнила девчонка. – Она всего лишь отделалась ремонтом, а я страдала много лет!

Сан промолчала. Еще несколько недель назад она твердо сказала бы послать на ее голову самые ужасные проклятия, но сейчас понимала, как больно аукаются все совершенные поступки, сколько горя приносят неверные решения и как легко рушатся судьбы из-за одного необдуманного шага.

– В общем так. У меня есть то, что тебя успокоит и придаст уверенности, – сказала Сан и достала из сумки документы, которые взяла из дома утром. Она не очень хотела прибегать к этому средству именно сейчас, но, видя, что никакие уговоры не помогают, решила рассказать подруге о своем давнем намерении.

– Что это? – Хери пробежала глазами строки договора и подняла на Сан непонимающий взгляд.

– Это дарственная на владение половиной здания бизнес-центра в Каннаме. Думаю, это успокоит твою будущую свекровь и вынудит ее принять тебя с распростертыми объятьями. – Сан улыбнулась, глядя в обескураженное лицо подруги.

– Ты с ума сошла! – севшим голосом ответила Хери. – Я не могу это принять! Как тебе вообще пришла в голову такая мысль! Да я лучше расстанусь с Джумоком, чем...

– Угомонись, я сделала это не из-за Джумока, – Сан сжала ладонь Хери. – Этот документ я подготовила давно, но не знала, как тебе о нем сказать, потому что знала, какой именно будет твоя реакция.

– Нет, ни за что! – взвилась Хери и опять вскочила с места, теребя в руках документ. – Это слишком! Ты вообще понимаешь, что...

– Это мое решение. Единственный человек, с кем я хочу разделить свое богатство – ты, Хери. Ты моя семья. Я знаю, как ты комплексуешь из-за своего финансового положения, поэтому мне хочется сделать для

тебя все, что в моих силах. Считай, что это подарок на все твои будущие дни рождения. Пожалуйста, прими его, для меня это важно.

– Но... блин, ты просто сумасшедшая... – прошептала Хери, широко распахнутыми глазами глядя на листок бумаги, в конце которого уже стояла подпись и печать Сан.

– Может быть, – усмехнулась она. – Ты знаешь, что нельзя злить буйнопомешанных? Вот и не перечь мне. Просто поставь свою печать, большего мне и не надо.

– Спасибо, Сан, – на глазах Хери выступили слезы. Она обняла подругу и всхлипнула ей на ухо. – Ты самый дорогой для меня человек.

– Я знаю, – грустно улыбнулась Сан, глядя Хери по непослушным волосам. – А ты – для меня.

В прошлой жизни ей не удалось уберечь ее, но в этой она сделает все, чтобы Хери была счастлива и ни в чем не нуждалась.

* * *

Квон Доён вышел на работу только в четверг, и Сан половину недели вертелась, как белка в колесе, между лекциями, коллоквиумами и факультативом. Благодаря этому она в полной мере прочувствовала, как тяжело работают нынешние смертные. Отвыкнув трудиться каждый день на постоянной основе, ей было тяжело влиться в эту атмосферу.

Сан не встречалась с Доёном после последнего видения, и в день, когда он вернулся, им не удалось пересечься. В субботу им с несколькими преподавателями и студентами предстояло ехать на благотворительный аукцион в Намьянджу, и там их встреча была неизбежной. Но пока девушка радовалась, что у нее есть небольшая передышка, чтобы подготовиться к разговору и вообще решить, как вести себя с ним дальше.

Джисон каждый день маячил перед глазами, улыбался и невзначай кидал разные намеки. Он сдержал слово, и Буфера рядом с ним больше не появлялись. А его многообещающий взгляд рождал в душе целый калейдоскоп самых смелых фантазий. Она с нетерпением ждала совместной поездки, окончательно решив, наконец, что перестанет

бегать от себя и не упустит возможность провести с ним умопомрачительную ночь. На сей раз все нужно сделать правильно, обнулить их непонятные отношения в прошлом и дать старт для будущего. С этой целью она арендовала отдельный домик на территории отеля, в котором университет забронировал для них номера, купила декоративные свечи, бутылку дорогого вина и даже откопала в недрах своей гардеробной сногшибательный комплект эротического белья. Время от времени ее посещали мысли, что для простого студента все ее ухищрения – слишком жирно, но потом напоминала себе, что «простым» называть его давно уже нельзя. Нужно избавиться от сложившегося в голове стереотипа и, наконец, наградить парня за долгое ожидание. Отпустить все сомнения и разрешить себе обладать человеком, который ей так нравился. А самое главное – окончательно уничтожить чувства к Доёну, которые еще едва теплились где-то на дне души.

Для Хери она тоже забронировала отдельный домик в том же отеле, надеясь, что подруга не только выяснит нужную для нее информацию, но и отвлечется от своих переживаний и отдохнет. Аукцион назначили на субботний вечер, а в воскресенье они все должны были вернуться в Сеул.

Как и в прошлый раз, администрация арендовала большой автобус. Поскольку поездка была запланирована давно, Сан смогла как следует собраться и уложить все заготовленные для предстоящей ночи с Джисоном вещи. Теперь она стояла на парковке, опираясь на свой чемодан, и ждала, когда подтянутся остальные. Хери как обычно опаздывала, а Доён, чье появление беспокоило Сан больше всего, решил отправиться в Намьянджу на своей машине, как сообщил профессор Пак. Джисон, видимо, тоже не отличался пунктуальностью, и Сан в волнении всматривалась в каждое подъезжающее такси.

Одной из последних на место сбора прибыла Со Юнсо. Выплыв из черного «лексуса», она откинула назад волосы и, по привычке поправив выпирающие из декольте буфера, огляделась. Сан не выпускала из поля зрения раздражавшую соперницу, которая, по всей видимости, собиралась бросить последние силы на завоевание крепости по имени Ли Джисон. «Пусть только попробует испортить мне вечер!» – вскипела Сан, глядя, как соплячка, покачивая бедрами, направляется к автобусу. Она вполне могла поехать на папочкиной

машине, но наверняка решила не упускать ни одну возможность побыть рядом с предметом обожания. Сан проследила, куда села наглая девка, и поднялась следом за ней, заняв три места в самом конце автобуса: для себя, Хери и Джисона.

Из подъехавшего такси вышла Хери в длинном шифоновом платье лилового цвета и в тон ему широкополой шляпе. Сан присвистнула, потому что она крайне редко видела подругу в такой одежде, и отметила, как ей идет этот стиль.

Парни в автобусе прилипли к окнам, разглядывая прекрасную незнакомку, а Сан шепнула ей на ухо, когда Хери зашла в автобус:

– Отлично выглядишь! Наконец-то на тебе нормальные шмотки, а не привычное бесформенное барахло.

– Я же должна изображать состоятельную даму, которая готова отвалить немаленькие деньги на аукционе, – дернула бровями ведьма и, игриво улыбнувшись, направилась к автобусу.

Сан с трудом сдерживала ухмылку. Подруга отлично вжилась в образ, и даже ее походка изменилась, став более плавной и расслабленной.

– Всем привет! – Хери задержалась в проходе, купаясь в восхищенных взглядах студентов. – О, какие мальчишки!

Она послала воздушный поцелуй самому симпатичному из них и лучезарно улыбнулась, проплыв к занятому месту.

– Один нюанс, – шепнула ей Сан, когда они аккуратно разложили подол платья так, чтобы он не измялся, – состоятельные дамы не ездят на аукционы на автобусах.

– Вот черт! Надо было взять такси! – хлопнула себя по лбу подруга и сняла шляпу, снова превращаясь в привычную Кан Хери. – Как ты ходишь в этих тряпках, так неудобно! Кстати, у тебя нет с собой шлепок, а то я свои не захватила?

– Есть, но они в чемодане, а зачем тебе?

– У меня ноги ломит от этих жутких каблучков... – Хери сняла туфли и растирала ступни ладонями.

– Какие мы нежные! Слабо отстоять в них три лекции? – рассмеялась Сан и тут увидела в окно Джисона.

Он посмотрел прямо на нее, будто точно знал, где она сидит, и улыбнулся уголком губ. Пока он убирал свой чемодан в багажное

отделение, Сан выглянула в проход, заметив, что Юнсо прилипла к окну, наблюдая за ним.

– Она сейчас через стекло просочится, – проворчала Сан, ожидая, когда Джисон поднимется в салон.

– Это те самые знаменитые Буфера? – спросила Хери, с интересом разглядывая студентку.

Сан хмуро кивнула, глядя на вошедшего Джисона. Юнсо заерзала и тут же убрала с сиденья сумку, освобождая для него место. «Бесячая нахалка!» – взвилась Сан, гипнотизируя парня угрожающим взглядом. Но Джисон мудро не стал провоцировать ее и быстро прошел в конец автобуса, сев на забронированное для него место.

– Привет, – улыбнулся он Хери и посмотрел на свою потенциальную девушку. – Рад, что ты тоже едешь.

– Этот аукцион обещает быть очень интересным, – она будто бы случайно скользнула рукой по его бедру и коварно улыбнулась.

– Ты знаешь что-то, чего не знаю я? – тихо спросил он.

– У меня большие планы на сегодняшний вечер. И на ночь, – прошептала Сан. Воспользовавшись тем, что медленно отъезжающий автобус качнуло на повороте, она наклонилась к его шее и втянула носом умопомрачительный запах кожи. «Все-таки мы все животные и определяем свою половинку по запаху», – невольно подумала Сан.

В глазах Джисона что-то полыхнуло, он сглотнул и посмотрел на ее губы. Вот и как тут дотерпеть до вечера?!

– Эй, хватит уже! Раздражаете! – шикнула Хери и пихнула подружку локтем в бок. – Между вами так искрит, что сидеть рядом невозможно. Имейте совесть!

Сан повернулась к ней, многозначительно скосила глаза на Джисона и потрогала запястье. Хери соорудила страдальческую гримасу и с сожалением покачала головой. Ее теория оказалась не верна – Нить Судьбы их не связывала. Это одновременно и разочаровало, и обрадовало. С одной стороны, хорошо, что Джисон не имел отношения к ее прошлому, а с другой... Какая-то часть ее души все-таки хотела, чтобы он оказался новым воплощением Ли Хяна.

До Намьянджу они ехали около часа, и всю дорогу Сан изнемогала от близкого присутствия Джисона. Они соприкасались коленями, и иногда он легко трогал ее пальцы, пока никто не видит. Хорошо, что они сели позади всех. Однако эти случайные

соприкосновения лишь больше распаляли воображение и будоражили инстинкты. Но чем дольше ожидание, тем слаще награда, и она не сомневалась, что сегодняшняя ночь будет незабываемой. А может, и вообще поворотной в ее долгой жизни. Ведь впервые за много десятков лет Сан осознанно разрешила себе вновь связать свою жизнь со смертным мужчиной.

Автобус остановился у массивных ворот, за которыми начиналась территория отеля. Хери недовольно покосилась на подругу и проворчала:

– На обратном пути с вами не сяду. Это же сущее наказание! Идите уже в номер, еле дотерпели поди.

– Ну извини, сложно контролировать себя, когда рядом сидит такой красавчик! – развела руками Сан, наблюдая, как Джисон достает их чемоданы. На сей раз она не стала выпендриваться и позволила ему поухаживать за собой.

– Осталось одно дело – выяснить, связывает ли вас что-то с Доёном, и можно расслабиться.

– Вряд ли это понадобится, – мрачно прокомментировала Сан. – Связь наших душ оборвалась, когда он убил меня.

– Но ее можно восстановить, если... – Хери замолчала, потому что Джисон подкатил их багаж.

– В каком номере ты остановилась? – спросил он у Сан.

– В двадцать пятом.

– Второй этаж?

– Нет, это отдельный дом, – возразила Сан, невольно ища глазами Доёна. Он уже должен был приехать.

– Вам никто не будет мешать, – заговорщически произнесла Хери и весело подмигнула парню. – Хотя самое главное, чтобы вы никому не мешали. Мне-то уж точно нужно отдохнуть от вашего общества.

Сан многозначительно дернула бровями и кивнула на телефон в руках Джисона, имея в виду, что напишет ему время встречи. Пряча счастливую улыбку, он пошел следом за сокурсниками, чтобы не вызывать подозрений.

Территория отеля, где они поселились, была огромной и очень круто обустроенной. Два трехэтажных корпуса, куда отправились прибывшие студенты и трое преподавателей; около десятка домиков по периметру, которые отделялись друг от друга фигурно

подстриженными деревьями и кустарниками; за забором – небольшая живописная река, пронизывающая весь город, а за ней – зеленый хребет гор. Необычайно красивое место!

Сан покатила чемодан к своему домику, где ее встретил услужливый персонал. Фотографии на сайте были правдивы, и в реальности домик оказался еще уютнее. Большая прихожая, в спальне панорамные окна с видом на аккуратный дворик. По вечерам там включались огоньки, подсвечивая деревянный столик и стулья. Эх, остановиться бы здесь подольше... Сан с наслаждением плюхнулась на огромную кровать, перевернулась на живот и посмотрела в окно. У нее создалось ощущение, что она находится в лесу, в полном уединении и тишине. Сюда не долетали ни шум машин, ни типичные звуки города.

Аукцион был назначен на вечер, и у всех участников оставалось время, чтобы отдохнуть с дороги и привести себя в порядок. Организаторы анонсировали два отделения и официальную часть. Сан развесила вещи в шкафу, заранее расставила свечи и написала Джисону, что будет ждать его в одиннадцать вечера. Следующим сообщением отправила код от входной двери и стала собираться. Тщательно уложила волосы, забрав их в низкий гладкий хвост, надела подвеску с бриллиантом и тонкие, невесомые серьги. Сняла с вешалки платье, которое открывало плечи и руки, алым каскадом спускаясь до самого пола. Глядя в зеркало, она в очередной раз восхитилась своей красотой, поблагодарив Небо за такую яркую внешность. Накрасила губы красной помадой и, чуть ухмыльнувшись своему отражению, вышла из номера. Она должна быть лучшей сегодня и всегда.

Мероприятие проходило на открытом воздухе прямо за территорией отеля возле реки. На большой, аккуратно выстриженной поляне уже были расставлены накрытые белой скатертью сервированные столы, а периметр украшали яркие лампочки, создавая праздничное настроение. Сан взяла предложенный официантом бокал шампанского. Пригубив напиток, рассматривала прибывающих гостей. Здесь был мэр Намьянджу, господин Ким Ёхан, три преподавателя из университета, которые ехали вместе с Сан в автобусе, представители администрации города и несколько студентов, одетые в классические костюмы и нарядные платья. Ни Жи-сон, ни Доён пока не пришли. Зато Буфера тут как тут. Юнсо крутила головой во все стороны,

вероятно, ища глазами Джисона. Сан не могла не отметить, что девчонка выглядит очень неплохо в коротком черном платье с пышными рукавами. Декольте выгодно открывало большую грудь, которую она всячески пыталась выпятить еще больше. Увидев, что Сан на нее смотрит, Юнсо неприязненно прищурилась. Во втором отделении планировался шуточный аукцион, лотами для которого решено было выбрать несколько присутствующих мужчин. Выкупившая свой лот женщина получала право на свидание с ним. Сан предполагала, что в нем попросят поучаствовать Джисона, и не собиралась никому его отдавать. Сегодня он уйдет с ней и точка.

Она сделала глоток и чуть не поперхнулась: в нескольких метрах стоял Квон Доён и смотрел прямо на нее. От тяжелого взгляда сердце упало в пятки, рука дрогнула, едва не пролив шипучий напиток. Сан не ожидала, что его появление вызовет такую реакцию. Хотелось спрятаться от этих пронизывающих глаз, убежать как можно дальше. В памяти вновь возникло искаженное ненавистью лицо, окровавленная шпилька и чудовищная боль, пронзившая грудь.

– Это он? – тихо спросила подошедшая Хери.

– Да, – выдавила Сан, усилием воли заставляя себя переключиться на подругу.

Она сегодня выглядела потрясающе. Нежно-розовое платье соблазнительно облегалo фигуру, а серьги, подаренные ей Сан, загадочно качались в ушах.

– Отлично выглядишь! – восхитилась Сан, показав большой палец.

– Хорош засранец, понятно, почему ты на него запала, – хмыкнула в ответ Хери, чуть качнув головой в сторону Доёна. – Но тебя с ним тоже ничего не связывает.

– После последнего сна я сама об этом догадалась, – невесело усмехнулась она.

Сделав над собой усилие, Сан повернулась к Доёну спиной и едва не столкнулась с подошедшим Джисоном. Его открытая улыбка разогнала сгустившиеся тучи, разливая в душе тепло и покой. Сегодня он выглядел еще лучше, чем в хост-баре: черный пиджак, галстук-бабочка, белоснежная рубашка. Стильная укладка открывала высокий лоб, делая акцент на глазах и соблазнительной родинке, которая, кажется, стала еще ярче.

– Привет, – сказал он, чокнувшись с ней. – Получил твое сообщение.

Он спрятал улыбку в бокале.

– Джисон, нам пора, аукцион начинается, – подлетели к нему Буфера, зло зыркнув на Сан.

– Я знаю, спасибо за напоминание.

Повисло неловкое молчание, Юнсо смотрела на него и ждала, что он пойдет с ней. Но Джисон повернулся к Сан и Хери.

– Планируете что-то приобрести? – спросил он у Хери.

– Я не большой ценитель антиквариата, надеюсь, что моя эрудированная подруга подскажет, – улыбнулась ведьма, беря Сан под локоть.

Первая часть аукциона прошла довольно вяло. Лоты не представляли особой ценности с исторической точки зрения: украшения, картины, музыкальные инструменты. Все они были собраны из личных коллекций и датировались максимум серединой прошлого века. Хери по просьбе подруги купила несколько безделушек, просто чтобы внести свой вклад в благотворительность. Сан оплатила их сама от имени Хери.

После небольшого фуршета, когда гости уже немного выпили и расслабились, началась вторая, развлекательная часть, которую многие ждали с нетерпением. А некоторые пришли только ради нее.

Ведущий пригласил на импровизированную сцену всех желающих поучаствовать мужчин, сказав, что дама, которая купит свой лот, должна будет устроить свидание. На сцену поднялись трое мужчин из администрации, видимо, чтобы подать пример остальным. Но желающих их купить не нашлось. Дамы азартно рассматривали гостей в надежде, что кто-нибудь из присутствующих красавчиков решит принять участие.

– Можно подумать, кто-то захочет купить этих толстопузых дедов, – фыркнула Хери. – Не могли позвать кого-нибудь помоложе и покрасивее?

– Тише! – прыснула Сан, пихнув ее локтем в бок. – Это только начало, сейчас будут приглашать из зала. Для чего, думаешь, сюда привезли хорошеньких студентов?

– Молодой человек, прошу вас! – ведущему пришлось спуститься со сцены и подходить к каждому, прося подняться на сцену.

– О, вот такого я бы купила, – шептала Хери, глядя на того парня, которому послала воздушный поцелуй в автобусе.

– Придержи коней, у тебя теперь есть Джумок, забыла? – вернула ее с небес на землю Сан.

– Ах да, точно, – скисла Хери.

– Так, мне нужна твоя помощь, – Сан, не отрываясь, следила за поднимавшимися на сцену мужчинами. – Купи Доёна.

– Что? Зачем это? – удивилась Хери. – Ты все еще не оставила безумную мысль сблизиться с ним? После всего, что узнала?!

– Нет, конечно! – Сан прожигала взглядом спину Со Юнсо, которая смело вышла к сцене, глядя на «лоты». – Мне нужно купить Джисона, но и Доёна я не хочу уступать какой-то незнакомой бабе. Пусть это будешь ты. На свидание с ним идти необязательно.

– Собака на сене, – проворчала Хери.

Мужчины выстроились в ряд, а женщины в зале хихикали и переговаривались между собой, указывая то на один, то на другой объект. Джисон стоял последним рядом с Доёном. Видимо, самых красивых решили оставить на сладкое. Сан нетерпеливо постукивала носком туфельки, пережидая, пока дело дойдет до них.

– И лот под номером десять уходит прекрасной незнакомке в белом пиджаке! – возвестил, наконец, ведущий, отправляя к «хозяйке» очередного кавалера. А затем вывел вперед Доёна.

Мужчина выглядел не очень довольным, постоянно поправлял галстук и не знал, куда деть руки. Его глаза отыскивали в толпе Сан, и она отвернулась. В этом взгляде было столько непонятных эмоций и ожидания, что ей стало не по себе. Не думает же он, что она собирается его купить? Женская половина гостей тут же оживилась, завидев такого соблазнительного кандидата, но Доён только фыркнул. Такие мероприятия не доставляли ему никакого удовольствия. И наверняка он согласился участвовать только потому, что его лично попросил профессор Пак.

За Доёна боролись несколько дам, но выиграла Хери, предложив за него шестьсот тысяч вон. Это была самая высокая цена за сегодняшний вечер, и ведьма недовольно скривилась:

– Какие деньги за такого негодяя!

– Я заплачу, не переживай, – шепнула ей Сан, у которой от предвкушения уже вспотели ладони – следующим был Джисон. – И

потом, эти деньги пойдут на благое дело.

Квон спустился со сцены и слегка кивнул ведьме. На Сан он даже не взглянул.

– Обиделся, что ли? – подруга тоже заметила его недовольство, но Сан сейчас было не до его нежных чувств.

Она зорко следила за Буферами. Юнсо подобралась и уже приготовилась вскинуть руку, назначив первоначальную цену. Чувствуя азартное возбуждение, Сан вышла вперед и подмигнула стоявшему на сцене Джисону. Парень покраснел и опустил голову, пряча улыбку. Похоже, он был счастлив, что Сан решила побороться за него, а не за Доёна.

– Итак, самый красивый и умный студент университета Хонгик, Ли Джисон! – зычно объявил ведущий. – Стартовая цена...

– Пятьсот тысяч вон! – выпалила Юнсо, выбросив вверх руку. Видимо, она подумала, что, назначив сходу такую высокую цену, напугает и устранит потенциальных соперниц. Но Сан была к этому готова.

– Ого! Господин Ли, вы поистине бесценный лот!

– Один миллион вон, – Сан лениво подняла руку, скрывая за показным спокойствием бушующие внутри эмоции. Она ни за что не уступит Джисона этой гадине, даже если придется продать свое имущество и себя впридачу.

Девчонка ошарашенно обернулась, встретившись с невозмутимым взглядом соперницы. «А как ты хотела, маленькая стерва? Этот парень мой!» – подумала Сан, мило улыбнувшись в ответ.

– Вот это да! Ставки повышаются! – восторженно вскричал ведущий.

– Один миллион пятьсот тысяч, – упрямо подняла руку Юнсо и опять посмотрела на Сан.

– Она тебя, кажется, сейчас убьет, – невозмутимо прокомментировала Хери, беря с подноса очередной фужер.

– Три миллиона, – спокойно ответила Сан и хитро подмигнула подруге.

Гости пораженно зашептались: такие цифры на этом аукционе еще не звучали.

– Джисон, наверное, мы чего-то о вас не знаем! Посмотрите, какая схватка! – хохотнул ведущий. Юнсо выглядела такой рассерженной,

что, кажется, готова была выпрыгнуть из своего обтягивающего платья.

– Три миллиона раз, три миллиона два...

– Три миллиона двести тысяч! – красная, как рак, Юнсо не успокаивалась.

– Интересно, откуда у нее такие деньги? Она же студентка, – шепнула Хери, заинтригованно наблюдая за развернувшейся сценой.

– Ее отец – декан в нашем университете. Она богатая девочка, только, бьюсь об заклад, папочка не одобрит таких трат, – ответила Сан и снова подняла руку. – Четыре миллиона!

– Госпожа в красном платье решила идти до конца, – веселился ведущий. – Четыре миллиона раз...

– Пять миллионов! – Юнсо бешено сверкнула глазами на Сан, которая послала ей в ответ очаровательную улыбку.

«Пожалуй, надо заканчивать, нужно быть милосердной к врагам», – подумала Сан и отчетливо произнесла:

– Десять миллионов.

Сан была почти уверена в том, что такая цена соплячке не по зубам.

По поляне пронесся потрясенный ропот. Плечи Юнсо обреченно опустились, и Сан торжествующе вскинула голову.

– Продано!

– Сегодня приют в Намьянджу озолотится, – хихикнула Хери, присоединяясь к аплодисментам.

Джисон спустился со сцены и подошел к Сан. Его глаза так сверкали, что сердце подпрыгнуло к горлу. Скорее бы закончился этот дурацкий аукцион, и можно было, наконец, уединиться с ним в уютном милом домике.

– До встречи, – шепнул он и скрылся в толпе.

– Как думаешь, все поняли, что я его хочу? – как бы между прочим спросила Сан у Хери, провожая взглядом аппетитные ягодицы Джисона.

– Еще бы! Кто ж отвалит такие деньжищи за простое свидание! Посмотри, как тебя испепеляет взглядом Доён. Похоже, он рассчитывал, что ты купишь его.

Сан обернулась, напоровшись на болезненный взгляд, полный разочарования и тоски. Почему он так смотрит? Чувствует вину за

прошное?

– Не думай о нем. Насладись временем со своим новым парнем, вы прекрасная пара! – улыбнулась ей Хери, и Сан расслабилась.

Она вернулась в свой номер за час до свидания с Джисоном. Приняла душ, подсушила волосы, надела, наконец, чулки и сногшибательный комплект белья. Полностью кружевное, оно практически не скрывало все прелести, подчеркивая изгибы точеной фигуры. Оставшись довольная своим внешним видом, Сан зажгла свечи и услышала негромкий стук в дверь. «Какой вежливый! А ведь я дала ему код от двери», – мелькнуло в голове. Чувствуя, как кровь закипает от предвкушения, девушка откинула длинные волосы, выгнула спину и, положив руку на дверной косяк, повернула ручку и... наткнулась на ошарашенный взгляд Квон Доёна.

Она настолько не ожидала его увидеть, что несколько секунд потрясенно пялилась и даже не пыталась прикрыться. Мужчина скользнул взглядом по полуобнаженной фигуре и сглотнул.

– Не думал, что ты меня так встретишь, – попытался отшутиться он, чтобы разрядить напряженную атмосферу.

– Я ждала не тебя, – глухо ответила она, поспешно вернувшись в комнату за шелковым халатом. Рядом с Доёном ей было неуютно, а в одном белье она и вовсе чувствовала себя беззащитной.

– Я так и подумал. Могу я войти?

Сан колебалась. Для чего он пришел? Поговорить о том, что случилось триста лет назад? Зачем?

– Мне нужно поговорить с тобой. Не бойся, я не причиню тебе вреда, – добавил он, видя, что Сан сомневается.

– Никто тебя здесь не боится, – запальчиво ответила она, накидывая халат.

Доён разулся и прошел в комнату. Обвел взглядом зажженные свечи и хмыкнул.

– Джисону понравится.

– Ты, кажется, хотел поговорить, – напомнила Сан, не предложив присесть. Ей хотелось, чтобы он скорее ушел. И так уже сбил весь настрой.

– Да, я... – Доён неловко откашлялся. – Я очень переживал из-за того, что произошло в прошлом. Не могу представить, что ты сейчас чувствуешь. Наверное, ненавидишь меня, и это справедливо. Я сам

себя ненавижу. Что бы ты ни совершила тогда, мой поступок не имеет оправданий. Прости меня, Сан. Если сможешь.

Он впервые назвал ее по имени. И это прозвучало так по-домашнему и так тепло, что в груди стало нестерпимо горячо. Ей вдруг стало так жаль их трагического прошлого, жаль совершенных ошибок и несостоявшегося будущего, которого у них уже не было. А ведь все могло сложиться по-другому... Если бы они не разломали все своими руками.

– Я не испытываю к тебе ненависти, – после долгого молчания сказала она. – Теперь понимаю, почему ты меня не переносил, когда увидел смерть своей жены. Я была не лучше тебя.

– Спасибо, – Доён шагнул к ней, его глаза лихорадочно блестели. – Не представляешь, что я испытал за эти дни! Съедал себя изнутри за то, что сделал. Не знал, как смотреть тебе в глаза. Какое облегчение!

Он протянул руку и сжал ее ладонь. Сан дернулась. Физическое прикосновение вызвало неконтролируемую волну страха, но она удержала себя в руках. Это был прощальный жест, и Сан понимала, что здесь и сейчас они поставили финальную точку, после чего, наконец, пойдут разными дорогами. Натянута улыбнувшись, она сказала:

– Хорошо, что мы все выяснили. Оставим это в прошлом и больше не будем вспоминать.

В этот момент пиликнул кодовый замок на входной двери, и в комнату вошел Джисон. Счастливая улыбка сползла с его лица, букет алых роз выпал из рук. Сан спохватилась и выдернула руку, запахнула плотнее халат и подбежала к замершему у порога парню.

– Ты пришел, – сказала она, пытаясь обратить внимание на себя.

Но он смотрел только на Доёна поверх головы Сан, и в его глазах горело столько ненависти и горького разочарования, что сердце зашло от осознания: сейчас произошло что-то непоправимое.

– Джисон... – позвала Сан, коснувшись его руки. Парень дернул плечом, сбрасывая ее ладонь.

– Ну, мне, пожалуй, пора, – заторопился Доён и вышел на улицу.

Когда за ним закрылась дверь, Сан вновь попыталась достучаться до Джисона.

– Он пришел поговорить, ничего такого...

– Ну да, а ты так удачно оказалась в нижнем белье. Свечи зажгла, – ядовито выдавил он, переводя на Сан ледяной взгляд.

– Я ждала тебя! Что ты вообще говоришь! – пыталась оправдаться она, начиная злиться. – Давай не будем портить сегодняшний вечер, я так его ждала...

– Я так больше не могу, – мотнул головой Джисон. Он тяжело вздохнул и тихо прошептал. – Думал, что смогу быть понимающим, но, как оказалось, делить тебя с кем-то невыносимо.

– Это всего лишь случайность, тебе не с кем меня делить! – вскипела Сан. – Я ждала тебя, все приготовила, и тут приперся он!

– Но у тебя ведь есть к нему чувства, не так ли? – Джисон поднял на нее болезненно горящие глаза. – Я знал, что мужчина, о котором ты говорила – профессор Квон. Видел, как ты на него смотришь, как ловишь каждый взгляд, как ищешь его одобрения. Ну почему именно он? Почему?!

Джисон сжал руки в кулаки, его грудь тяжело вздымалась под тонкой рубашкой.

– Ты ведешь себя как ребенок и не хочешь понимать элементарных вещей! – Сан была взбешена из-за этой идиотской ситуации и испугалась, что сейчас Джисон может уйти навсегда. – Это совпадение, неужели так сложно понять! Я ждала тебя, разве виновата, что он пришел со своими...

– Он держал тебя за руку, и не то чтобы ты сильно сопротивлялась.

Он сделал паузу, за которую Сан отсчитывала удары бешено колотящегося сердца. Как ему все объяснить? Он же ничего не знает! Поэтому просто смотрела, как он разворачивается и открывает дверь.

– И ты вот так уйдешь? Из-за какой-то ерунды? – она не могла в это поверить и схватила его за рукав.

– Я слишком долго ждал тебя. И слишком долго наблюдал, как ты выбираешь не меня. С меня хватит.

Джисон вырвал руку и захлопнул за собой дверь, а Сан все стояла в прихожей, надеясь, что он вот-вот вернется. Но он не пришел ни через пять, ни через десять минут. Первые за многие годы отношения разрушились, едва успев начаться. Это было так глупо, так нелепо, что она никак не могла это осознать.

Она прокручивала в голове то, что сказала, и то, что должна была сказать. Ведь это очевидно: неужели, назначив встречу с Джисоном, она вдруг решила быстренько перепихнуться с Доёном? Джисон умный мальчик, он не мог не понять, что встреча с Квоном не была запланирована. К чему тогда этот внезапный псих?

Сан медленно вернулась в комнату, затушила свечи и села на кровать. Нет, здесь было что-то еще. Дело не только в сегодняшнем инциденте. Джисон будто говорил о чем-то другом... Не найдя ответов, она взяла сумку, чтобы достать сотовый и написать подружке. Бежать вслед за Джисоном и умолять его вернуться она не собиралась, значит, нужно встретиться с Хери и пожаловаться на то, какие все мужики непроходимые тупицы. И, может быть, даже напиться до беспамьятства.

Сунув руку в кармашек, она взяла телефон, но пальцы наткнулись на что-то твердое. Сан вытащила маленькую вещицу и зажгла свет в комнате, с удивлением обнаружив, что это флешка. Стеклянная, полупрозрачная... У нее такой не было. И тут она вспомнила, что ее дала Ёнсу перед тем, как Сан уехала на соревнования в Пусан. Это проектная работа Джисона, о которой она благополучно забыла, хоть он не раз ей напоминал. Теперь она припомнила, что в тот день брала в университет именно эту сумку.

Она была и зла, и расстроена, и в то же время чувствовала вину за то, что впустила негодного Доёна и невольно испортила вечер. Да еще и наплевательски отнеслась к проекту Джисона. Провинилась по всем фронтам. Может, он имел в виду именно это? Что она никогда не относилась серьезно к его чувствам и словам?

Сан достала из сумки переходник и подключила флешку к телефону.

Открыла папку и вдруг перестала дышать: документ, который был сохранен внутри, назывался «Ловец снов».

Глава 10

Исповедь Темного жнеца

Ничего не понимая, Сан открыла файл, пролистала вниз и вновь вернулась в начало. Это была лента картинок, похожих на манхву. Они были нарисованы настолько выпукло и талантливо, что изображенные персонажи казались живыми и будто бы даже двигались.

«Что это? И почему название такое странное?» – холодея, подумала Сан и наклонилась к экрану, всматриваясь в первую сцену. На ней изображался совсем юный мальчик, стоявший перед зеркалом, а рядом с ним почтительно склонился слуга, подавая ханбок.

«Молодой господин, вам нужно спешить, отец уже ждет вас», – гласила надпись в белом облачке над головой раба.

Вдруг картинка завертелась перед глазами, полутемная комната отеля исчезла, и Сан оказалась рядом с молодым аристократом, будто снова попала в чужой сон. Широко распахнутыми глазами она смотрела, как черно-белые контуры фигур раскрашиваются разными цветами, как в детских раскрасках, и замершая картинка оживает на глазах. Бесплотная тишина наполняется звуками и голосами из распахнутого окна, нос начинает щекотать терпкий аромат стоявших на столе азалий, а ладонь мальчика тянется к протянутому слугой ханбоку.

– Уже иду, – бросил он, просунув руки в широкие рукава, и повернулся лицом к Сан.

Она вскрикнула и прижала ладони к губам, увидев яркие глаза, выпуклые губы и маленькую черную родинку под правым глазом. Подросток был точной, но более молодой копией Ли Джисона.

«Почему Джисон здесь? Неужели он действительно Ли Хян?» – гулко забила мысль в черепной коробке.

Сан жадно всматривалась в хорошо знакомые черты, пытаясь найти всему этому другое объяснение, но лицо юноши не оставляло никаких сомнений: перед ней был Ли Джисон в подростковом возрасте и выглядел он как аристократ времен Чосона.

Последовав за ним, она вдруг почувствовала, как стремительно теряет связь с реальностью и с собственным разумом. Как ее мысли трансформируются, растворяются в окружающем пространстве и сливаются с душой идущего перед ней мальчишки. Она погрузилась в его сознание, слыша все его мысли и ощущая малейшие движения юной души.

Выйдя на улицу, молодой господин пересек двор и после приглашения слуги зашел в личные покои отца.

На шелковых подушках сидел хозяин дома. Сухощавый, уже не молодой мужчина придерживал край широкого рукава, чтобы не запачкать одежду в черной туши, которой он размашисто марал белоснежную бумагу, аккуратно разложенную перед ним на столе.

– Отец, – мальчик вежливо поклонился и сел по другую сторону разделяющего их стола.

– Хян, ты слишком долго собираешься. Господин Ким и его дочь могут неправильно истолковать нашу задержку, – тихо сказал отец, но в его спокойном голосе послышалось недовольство, которое сын тут же почувствовал. Плечи подростка слегка опустились, и он виновато склонил голову.

– Я хотел выглядеть более нарядно, потому что Сан нравится... – начал было Хян, но отец поднял на него суровый взгляд, и он замолчал. Перечить ему всегда было страшно.

– Я понимаю твои чувства, но тебе не стоит им поддаваться. Эта помолвка была запланирована еще при вашем рождении, и не нужно придавать ей такое большое значение. Брак – это сделка между семьями, и заключается он не для того, чтобы вы обрели счастье. Ты уже достаточно взрослый, чтобы это понимать. В первую очередь жена должна быть поддержкой и опорой мужу, ненужные эмоции могут помешать тебе двигаться вперед.

– Отец, я не понимаю... – мальчик поднял на родителя испуганный взгляд. – Разве плохо, что мы с Сан любим друг друга?

– Пока все складывается в нашу пользу – нет. Но кто знает, как повернется жизнь, – покачал головой господин Ли и вернулся к письму. – Запомни: твои чувства – твоя слабость. Нельзя ставить их на первое место, они могут помешать тебе в будущем. Этот брак должен стать для тебя хорошим подспорьем, и ты обязан смотреть на него именно так.

Хян едва подавил разочарованный вздох. Он так ждал дня помолвки! Наконец-то он сможет назвать Сан своей невестой! Юноша был очень счастлив, ведь немногие могли похвастаться тем, что женились по любви на девушке своего круга. Тем более эти чувства были взаимными, Сан тоже его любила, и вместе они с замиранием сердца ждали, когда же, наконец, обручатся. Но слова отца спустили его с небес на землю, отравили этот радостный день, замарав его, словно черная тушь – белый лист бумаги.

Однако, когда они пришли в дом господина Кима, все померкло. Его суженая вышла из своей комнаты, и она выглядела так прекрасно, что затмевала солнце. Хян замер возле клумбы с ее любимыми цветами – азаниями, но не их аромат кружил голову, а юная девушка, которая для него была как божество, спустившееся в этот мир. Ее глаза лучились счастьем, нежно-голубой шелк ханбока струился до земли, а заколки в черных волосах блестели в солнечных лучах, создавая вокруг головы светящийся ореол.

Сердце юноши замерло в груди, а затем заполошно забилося, когда он поймал ее ответную счастливую улыбку. Щеки подернул румянец смущения, но девушка не опустила глаз, пронзая сердце Хяна тысячей стрел. Его еще детская душа была до краев переполнена любовью.

– Сан... – прошептал он дрогнувшим голосом.

Неожиданно воспоминание оборвалось, и уже повзрослевшие Сан и Ли Хян оказались на рыночной площади. Они гуляли между торговых лавочек, с интересом разглядывая полотна ткани, домашнюю утварь и украшения.

– Посмотри, какие красивые! – воскликнула девушка, устремляясь к лавке торговца серьгами, подвесками и заколками. – Все так блестит и переливается!

– Когда мы поженимся, я куплю все, что тебе захочется! – молодой Ли Хян с нежностью наблюдал за восторженным лицом своей

невесты.

– Поскорее бы! – прошептала она и послала ему улыбку, полную надежды и любви.

– Осталось два месяца до назначенной даты, и тогда я смогу с гордостью назвать тебя женой, – прошептал он, украдкой сплетая их пальцы.

– А вот это нам пригодится! Взгляни, какой красивый сервиз! – Сан устремилась к соседней лавочке, где продавали фарфор.

Хян постоял немного, любуясь ее красотой и грацией. Наконец, она будет принадлежать только ему! Он с гордостью введет ее в свой дом. Иногда ему казалось, что любовь к Ким Сан родилась вместе с ним, будто жила в его душе с момента рождения. Эта девушка была его судьбой, его смыслом жизни, страстью и мечтой. И она отвечала ему тем же. Если и существовала в мире связь родных душ, то у них она точно была.

Пока Сан выбирала сервиз для чая, он взял с прилавка одну из шпилек пинё, украшенную янтарем и нефритом, и тихо спросил у продавца:

– Сколько?

– Один нян, господин, – ответил мужчина.

Хян вложил в смуглую морщинистую руку монетку и сунул в широкий рукав красивейшую шпильку, которую собирался подарить Сан в день их свадьбы. Она будет невероятно красиво смотреться в низкой причёске, которую делают все дамы, когда выходят замуж, и еще больше украсит яркую внешность Сан.

– Молодой господин! Молодой господин! – услышал он вдруг позади и обернулся.

Слуга его отца спешил к нему со всех ног.

– Что случилось? – удивился Хян, глядя на взволнованного мужчину.

– Ваш отец, господин Ли, срочно зовет вас к себе.

Гадая, что случилось, молодой человек поспешил к Сан, чтобы проводить ее до дома, а затем отправиться домой. Что за срочность? Неужели что-то стряслось? Нехорошее предчувствие шевельнулось в сердце.

Остановившись у ворот дома господина Кима, Хян сжал руку Сан и прошептал:

– Прости, что пришлось так внезапно вернуться, отец зовет меня к себе. Обещаю, завтра мы обязательно выберем сервис и купим тебе много красивых нарядов.

Он легонько сжал тонкие девичьи пальцы, скользя взглядом по расстроенному личику. Ее прекрасные глаза наполнились разочарованием, ведь они договорились погулять до вечера, а потом посмотреть, как простолюдины запускают фонарики. Но послушаться отца Хян не решился. Ему очень хотелось коснуться гладкой кожи щек, на которых играл легкий румянец, поцеловать полные губы, прижать к груди эту девушку и никогда не отпускать. Но нужно было ждать до свадьбы. «Осталось всего два месяца! Нужно потерпеть немного, и Сан станет моей навечно».

– Почему ты так на меня смотришь? – смутилась она и опустила глаза.

Подчиняясь внезапному порыву, Хян горячо обнял ее и, уткнувшись в нежную шею, прошептал:

– Я буду любить тебя всегда, Ким Сан. Даже если вода выйдет из берегов и небо упадет на землю. Моя любовь к тебе бесконечна, и я клянусь, что сохраню ее до последнего вздоха.

– Хян... – прошептала она, обнимая его в ответ. – И после смерти я буду любить тебя так же сильно, как и сейчас. Я никогда не забуду твоих слов.

Слегка отодвинувшись, он взял ее лицо в ладони и невесомо коснулся желанных губ. Он всегда будет благодарен судьбе за счастье испытать такую сильную любовь. К отцу он спешил окрыленный той нерушимой клятвой, что они дали друг другу.

Однако, увидев лицо родителя, Хян почувствовал что-то неладное. Отец всегда был строг и не приветствовал влюбленность сына. Однако сейчас в его глазах затаилось что-то, чего не было раньше. Угроза. Она витала в воздухе невысказанными словами, скрывалась под маской невозмутимости, где господин Ли прятал свои эмоции от всех. С самого детства отец для Хяна был загадкой. Он почти никогда не мог понять мотивы его поступков и сейчас терялся в предположениях, чем же провинился, раз хозяин дома так поспешно послал за ним слугу.

Присев напротив, сын ждал, что же скажет ему родитель. Ли Доджон отложил кисть и тщательно сложил написанное кому-то

письмо. Положил в конверт и запечатал сургучом с эмблемой семейного герба.

– Ты опять был с ней? – невозмутимо спросил он как бы между прочим. Но Хян кожей чувствовал, что этот вопрос не сулит ничего хорошего. Хотя они с Сан были официально помолвлены и имели полное право видеться друг с другом, до Хяна доходили странные слухи о том, что отношения министра Кима с отцом стали напряженными.

Они были старыми друзьями, но в политике стояли по разные стороны баррикад: господин Ким принадлежал к партии сорон, а Ли Доджон к норонам, которые в последнее время получали все больше влияния при дворе. Противостояние партий обострилось, и это не могло не отразиться на их отношениях, хотя раньше они никогда не переносили политические разногласия в обычную жизнь.

– Да, отец, – слегка склонил голову Хян.

– Я уже говорил тебе, что нельзя зависеть от женщины и поддаваться чувствам. Это может поставить под угрозу твое будущее, – голос хозяина дома звучал по-прежнему спокойно и ровно, но наследник почувствовал, что это предупреждение.

– Отец, что-то не так между вами и господином Кимом? – в сердце закралась тревога, что из-за их разногласий брак с Сан поставлен под угрозу. Даже мысль об этом вызывала панический ужас.

Но Хян слишком хорошо знал отца и понимал, что нельзя показывать свою слабость, поэтому приложил все усилия, чтобы лицо оставалось бесстрастным.

Ли Доджон несколько секунд внимательно смотрел ему в глаза, а затем сказал:

– У меня к тебе просьба. Отнеси это письмо королевскому инспектору.

Отец протянул только что запечатанный конверт и как ни в чем не бывало раскрыл книгу.

Хян сдвинул брови и некоторое время непонимающе смотрел на письмо. Почему он не приказал отнести его слуге? Зачем давать сыну поручение, с которым справится даже старик Ёнсоб, служивший их семье много лет? И что в этом документе?

– Не собираешься выполнить мою просьбу? – лениво перелистнув страницу и не поднимая головы, спросил отец.

– Да, конечно, – пробормотал Хян и, почтительно поклонившись, вышел из покоев.

Конверт жег руки, будто Хян нес горящие угли. Предостережение отца, затем это странное поручение никак не выходили из головы, пока он шел ко дворцу. Однако сын не смел послушаться и, конечно же, у него не возникло даже мысли тайком узнать содержимое письма. В конце концов, молодой аристократ решил, что не стоит поддаваться мрачным настроениям и нужно просто передать то, что просили.

Королевский инспектор принял послание и откланялся, а Хян вернулся домой, вновь погрузившись в мечты о счастливом будущем, которое их ждало с Сан.

Однако на следующий день столицу потрясла невероятная новость: министр Ким Юнмин обвинен в государственной измене. В его покоях нашли компрометирующую переписку о готовящемся перевороте. Самого господина Кима, его жену и слуг арестовали и увели в королевскую инспекцию. Дочь не посмели тронуть только потому, что она все еще была обручена с сыном Ли Доджона, поэтому она осталась дома, ожидая приговора.

Хян узнал это, пока шел к Сан, чтобы пригласить ее прогуляться по городу. Эта новость не просто потрясла его, она выбила из него весь дух. Стоя в толпе простолюдинов, он смотрел, как его будущего тестя и всех домочадцев раздели до исподнего, связали и вели сквозь толпу. Сан вместе с ними не было. Люди переговаривались между собой, пересказывая друг другу услышанные сплетни.

– Говорят, его лучший друг предал...

– А дочка-дочка? Что с ней теперь будет? – Хян застыл, не в силах сдвинуться с места. Он не мог отвести глаз от господина Кима, по лицу которого текла кровь.

– Да знамо что! Отдадут в дом кисен...

– Жалко дочурку, добрая она была, приветливая, даже кланялась, бывало, при встрече...

Слова взрывались в мозгу огненными фейерверками, и Хян не мог осознать их смысла. Кисен?! Его Сан, его чистая, прекрасная Сан станет кисен?! Это не поддавалось осмыслению, и фразы кружились в абсолютно пустой голове. Наверное, это какая-то ошибка! Что случилось за одну лишь ночь? Ведь еще вчера они гуляли по этой самой улице, она улыбалась ему и даже подарила первый, такой

долгожданный поцелуй... И тут простая мысль ударила его в грудь: письмо инспектору, которое написал отец. Это сделал он. Он уничтожил семью Ким, подверг его любимую страшному унижению, он разрушил их счастье!

Черная злоба разлилась по венам, и, не помня себя, Хян бросился домой. Если отец признается, что сделал это, он заберет его жизнь. Задыхаясь от ярости, Хян распахнул дверь кабинета и застыл на пороге, увидев, как Ли Доджон невозмутимо сидит на шелковых подушках и читает, словно не произошло ничего ужасного. Словно это не он только что исковеркал чужие жизни и растоптал будущее собственного сына.

Это чудовищное равнодушие ощущалось, как пощечина. Хян схватил один из мечей, украшавших кабинет, и наставил его на отца.

– Хочешь меня убить? – невозмутимо спросил господин Ли, даже не подняв головы.

– Зачем вы это сделали? – прошептал Хян. Голос изменил ему. – Ведь он был вашим другом!

– Юнмин стал мешать мне, – все так же ровно ответил отец и с тяжелым вздохом отложил книгу. – Увы, такое случается. В политике не бывает друзей. Любая дружба заканчивается там, где начинаются непримиримые противоречия. Ты должен запомнить этот урок и держать свои чувства под контролем. Главное – это наша семья! Я подготовлю для тебя место в Совете министров, и ты продолжишь мое дело.

– Как вы можете... отец! – меч выпал из дрожащих пальцев, звонко ударившись об пол. Отец нисколько не раскаивался и искренне считал, что поступил правильно. – Поэтому вы поручили отнести донос на господина Кима именно мне?

– Твоя любовь к этой девчонке давно меня беспокоила, – Ли Доджон поднялся на ноги и, заложив руки за спину, неспеша прошелся по комнате. – Я должен был привести тебя в чувство. Зная, как ты привязан к дочери Юнмина, я предполагал, что ты можешь натворить глупостей, чтобы помочь ей. Выкрасть, сбежать вместе или еще что-то подобное. Поэтому решил, что лучше исключить такую возможность и сделать это твоими руками.

Он остановился напротив потрясенного сына.

– Не думаю, что после этого Ким Сан простит тебя, – добавил он вкрадчиво.

– За что, отец?.. – прошелестел Хян, чувствуя, как внутри ширится непомерная боль. Такая, какую человеческое сердце просто не может выдержать. – Ведь это вы настаивали на нашем браке! Так почему так жестоки со мной?!

– В свое время я считал, что это будет выгодный союз. Но сейчас все изменилось. Ты должен стать сильным, – отчеканил Ли Доджон, становясь напротив сына. В его холодных глазах не было ни капли тепла и сочувствия. – Сейчас не время лить слезы! Передо мной открылись невероятные перспективы! Я могу стать правым советником Его величества, и никто – даже ты – не должен стоять у меня на пути. Я убью любого, кто попытается мне помешать. Соберись и прими то, что тебе милостиво дает судьба!

Сердце болело, стонало, истекало кровью, и Хян совершенно не знал, что делать. Первая реакция – гнев и желание растерзать того, кто сделал это с Сан, ушло. Осталась лишь тоска и безысходность. Хян слишком хорошо знал своего отца. Он не уступит и не смилостивится. Его не проймут ни угрозы, ни крики, ни шантаж, ни мольба. Если бы был хоть один шанс спасти Сан, Хян простоял бы на коленях у покоев отца всю ночь, но он знал, что это бесполезно.

Ему так хотелось увидеть ее! Он не мог представить, какой ужас она испытывает сейчас, лишенная семьи, всеми брошенная, одна в пустом доме. Но у него не хватало мужества показаться ей на глаза после того, что он совершил. Она не простит, никогда не простит ни его, ни его отца. Любовь, которая была смыслом их жизни, убита, растоптана, уничтожена. Да и какое он имел право просить у нее прощения, когда своими руками уничтожил ее семью? Ужасное чувство вины раздирало душу на части.

На улице шел дождь. Нудный, сильный, он лил без остановки, смывая с лица земли все, что еще вчера было так важно. Хян брел по улице, потоки воды стекали по щекам, заливались за воротник, но он ничего не чувствовал. Дышал рвано и поверхностно, потому что полноценный вдох разорвал бы грудную клетку в клочья. Все, во что он верил, теперь не имело смысла. Уважение к отцу, планы на будущее, картины счастливой жизни рядом с любимой женщиной поглощала

стремительно надвигающаяся тьма. Будущее исчезло, завтрашний день не наступит, и для Ли Хяна уже никогда не взойдет солнце.

Время от времени из тупого оцепенения его вырывали мысли. Почему он не открыл тот конверт? Если бы знал его содержимое, то мог бы хоть что-то сделать. Отец оказался прав во всем, он бы попытался спасти Сан любой ценой. А теперь все безвозвратно разрушено. Он навсегда останется предателем, чьими руками было совершено преступление против ее семьи. У него нет права просить прощения, он его просто не заслуживает.

Хян не заметил, как ноги привели его к дому Сан. Распахнутые ворота, разбросанные по двору вещи, открытые двери. Окна были темны и безжизненны, и лишь в одном из них горел слабый свет напольной лампы. А обтянутые бумагой створки отражали неподвижный силуэт. Сердце сорвалось с цепи, помчалось к ней, чтобы согреть, успокоить и утешить любимую. Ей, наверное, так страшно сейчас... Но Хян не сдвинулся с места. Слишком страшно было увидеть ненависть в ее глазах. Он это заслужил, но где-то в глубине омертвевшего сердца теплилась надежда, что она все еще любит его. *И*, возможно, простит, но он не мог простить себя.

– Как ты посмел сюда явиться? – раздался за спиной гневный голос.

Хян медленно обернулся и сквозь заливавший глаза дождь увидел Доёна. В два широких шага друг преодолел разделявшее их расстояние и схватил его за грудки. Его лицо исказила злоба и презрение. Хян не сделал попыток вырваться, просто болтался беспомощной куклой в руках лучшего друга.

– У тебя еще хватает совести сюда приходить? Посмотри, что ты и твой отец сделали с ней! Я знаю, что письмо инспектору отнес ты! Мерзавец! – Доён выплевывал слова, и каждое из них разъедало кожу, как проказа.

– Доён... – просипел Хян. Оправдываться не было сил. – Спаси ее. Я знаю, ты давно ее любишь. Прошу, не бросай Сан, помоги ей. Она осталась одна, ей не на кого опереться.

– Какая наглость! – Мин выпустил его из рук и сморщился, глядя на бывшего друга как на насекомое. – Еще смеешь просить меня о чем-то!

– Я прошу не для себя, – опустил голову Хян. Дождь хлестал по щекам и шее. – Она должна жить. Любой ценой спаси ее от того ужаса, что ее ждет. Мне нет прощения, но я надеюсь, что Сан будет жить и, возможно, иногда улыбаться. Я знаю, ты не такое ничтожество, как я. Ты не заставишь ее плакать.

Доён молчал.

– Обещай! Умоляю, спаси ее! – он шептал как в горячке, схватив друга за плечи.

Мин тяжело вздохнул и отвернулся.

– Если бы она обручилась со мной, все сложилось бы по-другому. Я отступил, потому что вы любили друг друга, но в итоге ты принес ей только несчастья.

И в конце концов с ней остался я, – глухо ответил он и посмотрел на Хяна. В его глазах плескалась горечь. – Я клянусь, что никогда не оставлю Сан и сделаю все, чтобы она была счастлива. Но не из жалости к тебе, а потому что не могу позволить ей страдать. Не смей больше никогда называть меня другом.

Хян облегченно вздохнул, и этот вздох острой болью прострелил грудь. Единственная женщина, которую он когда-либо любил, будет обнимать другого. Не он, а другой мужчина будет целовать ее по ночам, но это малая цена за спасение ее жизни. А большего и не нужно, главное, чтобы она жила. Только бы она жила.

– Возьми, – Хян вытащил из широкого рукава шпильку, которую вчера купил для Сан на рыночной площади. – Отдай ей, это мой прощальный подарок.

Доён нерешительно принял его и мрачно кивнул.

– Я останусь здесь на всякий случай, – пообещал он. – Вдруг ворвутся грабители, прознав о том, что дом министра Кима пустует.

– Спасибо, – искренне поблагодарил Хян, мысленно добавив «Мой друг!» и, развернувшись, медленно побрел прочь.

Как жить с таким грузом вины? Как дышать, зная, что своими руками разрушил жизнь любимой девушки? Как спокойно спать, думая о том, что она теперь будет жить в доме кисен и развлекать богатых похотливых стариков? Невыносимо... Глухое, беспросветное отчаяние навалилось на плечи. Он не видел впереди ни единой причины жить. Отец, который всегда был примером, предал его, уничтожил все, что было дорого. Он стал невольным виновником ужасной беды любимой

девушки и теперь навсегда останется для нее врагом. Одна лишь надежда слабо разгоняла этот беспросветный мрак: Доён сдержит свое слово. Он позаботится о Сан.

Хян брел по склону горы, оскальзываясь на разбухшей почве. Цеплялся за ветки и упорно поднимался вверх. Небо будто сошло с ума, опрокидывая на землю бесконечное количество воды. Но дождь не мог смыть с души черную грязь отчаяния. Да, он слабак. И завтра скажут, что он поступил малодушно, но это уже не будет иметь никакого значения. Гореть в аду собственных страданий невыносимо. Жить, каждый день умирая внутри, не было сил.

Поднявшись на вершину, Хян посмотрел на залитый дождем Ханян. Где-то на востоке его Сан в беспросветном одиночестве коротала самую страшную ночь в своей жизни. Если бы только он имел способность стереть ее воспоминания, замуровать эту боль в ее памяти навечно, он бы сделал это. Но, увы, это ему не под силу. Главное – чтобы она жила. И, может быть, когда-нибудь ей выпадет шанс стать счастливой.

Закрыв глаза, Ли Хян поднял голову, последний раз в своей жизни ощущая, как мощно бьют по лицу капли дождя. «Прощай, Сан. Я никогда не изменю своему обещанию и буду любить тебя всегда. Даже если вода выйдет из берегов и небо упадет на землю. Моя любовь к тебе бесконечна, и я клянусь, что сохраню ее до последнего вздоха», – повторил он свою клятву и сорвался вниз.

Холодный туман липкими щупальцами скользил по коже, пробирался под длинные полы ханбока, путался в волосах. Ли Хян очнулся на мосту. Вокруг белыми клубами лениво полз туман. Ни впереди, ни сзади не видно ничего. Ни конца, ни начала. Он поднял голову, пытаясь отыскать глазами солнце, но его тоже не было. Нависшее над головой небо было странного, темно-лилового цвета, расчерченное желтыми всполохами. Но они не походили на солнечные лучи, да и вообще краски неба не походили на привычные, будто Хян оказался в другом мире, отдаленно похожем на тот, где он жил.

«Неужели это и есть жизнь после смерти?» – подумал он.

Он ощущал свое тело, продолжал мыслить, следовательно, по крайней мере его душа не канула в небытие и продолжала жить.

Куда идти? И что там, впереди, на другом конце моста? Стоять на месте бессмысленно, поэтому он двинулся вперед, чувствуя, как при

каждом шаге под ним раскачивается подвесной мост, с двух сторон ограниченный толстыми веревками. Хян посмотрел вниз и тут же схватился за канаты: под ногами клубилась черная бездна. Расстояние между досками было большим, мост качался. Один неверный шаг – и он сорвется в пропасть. О том, что внизу, не хотелось даже думать.

Хян осторожно двинулся вперед, и белая субстанция расступилась перед ним, постепенно открывая дорогу. Но другой берег по-прежнему оставался скрыт туманом.

Он уже потерял счет времени и не знал, сколько шел. Но ему казалось, что бесконечно долго. Вокруг ничего не менялось, ни небо, ни темная мгла под мостом, ни трепещущая по обе стороны белая взвесь. Сколько еще ему идти?

Постепенно в мыслях начали всплывать воспоминания. Далекие, будто это было не с ним. Чужие и в то же время такие знакомые картины жизни, друзья, горы Ханяна, родной дом и самое любимое лицо. Лицо Ким Сан. Ее нежная улыбка, ласкающий взгляд, теплые руки. Воспоминание о ней пронзило все существо чудовищной болью, и Хян едва не рухнул вниз. Остановился, хватаясь за грудь, зажмурился и потряс головой. Думать о ней было невыносимо. Но именно эта любовь постепенно стала возвращать его из одурманенного небытия. К жизни после смерти.

Мысли, как стервятники, клевали сердце. Как он мог так поступить? Как мог бросить ее одну? Предать ее доверие, собственноручно отдать другому мужчине! Осознание совершенной ошибки обрушилось на него одномоментно, и Хян бросился назад. Может, еще можно успеть? Вдруг он еще жив там, по ту сторону моста? Он прорывался сквозь клубы тумана, который теперь не пускал обратно. Заволакивал все вокруг, закрывал и небо, и разверзшуюся под ногами бездну. Но Хян не сдавался, потому что понял, какое ужасное преступление совершил. Струсил, проявил слабость, недостойную мужчины. Предпочел сбежать от трудностей, захлебнуться своим горем и не сделал ничего, чтобы что-то изменить.

Он бежал изо всех сил, но словно топтался на месте, не продвигаясь ни на дюйм. В отчаянии он закричал неведомо кому:

– Отпустите! Умоляю! Я должен вернуться!

Но густой туман заглушил его вопль. Хян метался по мосту, спотыкался и едва не сорвался вниз, чудом успев схватиться за

веревки. «Я должен вернуться к Сан! Должен! Помогите! Кто-нибудь!» – задыхаясь, молился он в надежде, что хоть кто-то его услышит.

– Зачем ты устроил такой переполох? Напрасно беспокоишь обитателей райских садов и Нефритового императора, – раздался за спиной незнакомый голос, и Хян резко обернулся.

Перед ним стояла женщина в черном ханбоке. Темная вуаль спускалась с широкополой шляпы, неестественно бледная кожа источала мрак, который хаотичными волнами расходился по воздуху, смешиваясь с белыми клубами тумана. Женщина была красива, но ее красота пугала, а черные глаза будто смотрели в самую душу.

– Помогите мне! – кинулся к ней Хян. Он не знал, кто она такая, но увидеть на этом проклятом мосту хоть кого-то было истинным счастьем.

– Свой выбор ты уже сделал, и повернуть время вспять невозможно, – монотонно ответила она, не сводя с него пристального взгляда. – Ты мертв. А мертвые не оживают.

– Я сделаю что угодно, прошу, мне нужно вернуться! – взмолился Хян.

– Это невозможно, – все так же ровно повторила незнакомка.

– Но ведь для чего-то вы пришли! Вы слышали мои молитвы и...

– Я пришла за тобой. Проводить твою грешную душу в иной мир, где ты примешь наказание. Ты совершил тяжкое преступление, совершив самоубийство, разорвал Нить Судьбы, которая связывала тебя с любимой девушкой. Вы больше никогда не встретитесь, сколько бы ни перерождались.

– Нет! Нет, умоляю! Пожалуйста, верните мне жизнь! – Хян упал на колени, молитвенно сложив руки. – Я не могу разлучиться с Сан! Госпожа...

– Я Темный жнец! – повысила голос женщина, даже не шелохнувшись.

Отчаяние Хяна не произвело на нее никакого впечатления. Она все так же равнодушно взирала на его страдания.

– Умолять меня бесполезно, я всего лишь исполняю волю Всевышнего. А он хочет наказать тебя за преступление. Ты должен стать Жнецом смерти и триста лет искупать свою вину, провожая души умерших через Мост Забвения.

Она взмахнула рукой, и туман расступился, открывая на другой стороне высокий скалистый выступ и на вершине его – маленький ханок.

– Теперь это – твое пристанище, – женщина указала на крошечный домик. – После искупления вины ты вновь переродишься и забудешь свою прошлую жизнь. Ким Сан ты больше никогда не увидишь.

Каждое слово отдавалось в груди нестерпимой болью и осознанием, что это конец. Назад пути нет. Он совершил непоправимую ошибку, и ничего теперь нельзя изменить.

– Я провожу тебя и буду твоим наставником, – она повернулась к Хяну и положила руки ему на плечи, гипнотизируя пронзительным взглядом. – Отныне ты станешь проводником в мир духов, но никогда и ни при каких обстоятельствах не должен вмешиваться в судьбу смертных. За это тебя ждет еще более суровое наказание.

Ли Хян опустил голову и обнаружил, что вместо шелкового ханбока на нем теперь черное длинное одеяние. Подняв руки, он увидел, как из-под кожи сочится черный дым, такой же, как у женщины-Жнеца.

– Теперь твой удел – одиночество. Постепенно ты забудешь всех, кого любил, и отпустишь земную жизнь.

С тех пор Хян стал жить в своем маленьком доме, как отшельник. Он лишился способности спать и постоянно варился в воспоминаниях, не в силах забыться хотя бы на секунду.

Сколько прошло времени, он не знал. Провожать умерших через Мост Забвения стало привычной рутинной. Однако каждый раз, когда он попадал в мир людей, чтобы забрать очередную душу, невольно смотрел по сторонам, скучая и по Ханяну, и по человеческой жизни, и по Сан. Мысли о ней сопровождали его повсюду, он не мог избавиться от любви к ней, которая насквозь пропитала все его существо. И, даже находясь за гранью миров, не покидала ни на мгновение.

Слова Наставника о том, что он сам своим безумным поступком разорвал связывавшую их нить, не давали покоя. Хян не мог представить, что больше никогда, никогда не увидит Сан! Что, даже переродившись, они не встретятся, и у него не будет шанса все исправить. Время от времени он видел других Жнецов, но все они были такими же отстраненными и безучастными, как его Наставник.

Хян чувствовал себя очень одиноким, но никому здесь не было до него дела, и он понял, что это и есть его наказание: устроить в своей душе настоящий ад, от которого нигде не скрыться. Ему не с кем было поделиться своей болью, а самое главное, он не знал, когда это закончится. Триста лет – долгий срок, но в чертогах Междумирья время текло иначе, медленнее. Этим страданиям не было ни конца ни края.

Он коротал бесконечные дни, сидя на вершине скалы, с которой открывался вид на теряющийся в тумане Мост. Бесконечно долго смотрел на то, как Жнецы ведут души умерших, и время от времени в воздухе перед ним кто-то невидимой рукой выводил имя. Имя очередного погибшего человека. Тогда Хян обреченно спускался вниз и отправлялся за еще одной душой. Наблюдал за последним вздохом смертного и уводил его с собой. Куда дальше попадали души, он не знал, потому что за пределы его одинокого пристанища уйти не мог. Весь его мир ограничился бесконечно длинным Мостом забвения и скалистым утесом, где он коротал долгие дни.

Но однажды черный дым сложился перед ним в знакомое имя. Будто росчерком туши на белой бумаге кто-то вывел буквы: «Ким Сан». Некоторое время Хян неподвижно смотрел на каллиграфическую надпись, дрожащую в воздухе перед его глазами, и не понимал, почему кто-то написал здесь имя Сан. Буквы вдруг вспыхнули красным и исчезли, осыпавшись на землю черным пеплом.

Хян вскочил на ноги и понесся вниз по склону. Он летел, как птица, подстегиваемый ужасным предположением. Он должен забрать душу Сан? Почему Небеса так жестоки? К чему эта бесчеловечная пытка – своими глазами увидеть смерть любимого человека? И тут же в голову закралась эгоистичная мысль, что зато он сможет, наконец, ее увидеть. И, возможно, даже поговорить...

У входа на Мост он остановился, услышав позади голос Наставника. Она скользила к нему, и ее лицо впервые выражало что-то, кроме равнодушия и безучастности. Она выглядела обеспокоенной.

– Ты уверен, что справишься? Ведь она была твоей невестой. Я могу пойти с тобой.

– Я смогу, Учитель, у меня получится, – прерывающимся голосом ответил Хян.

– Надеюсь, ты не натворишь глупостей и не навлечешь на себя еще большие беды, – неуверенно покачала она головой. – Если вмешешься в жизнь смертных, не сможешь переродиться еще триста лет.

– Не беспокойтесь, Наставник, я не подведу вас, – поспешно ответил Хян и, поклонившись, поспешил к portalу.

Душа его трепетала. Он не знал, сколько сейчас Сан лет. Возможно, она уже стара, и ее человеческая жизнь подошла к своему логическому завершению. Он не знал, как она ее прожила, но страстное желание увидеть ее, пусть седой и морщинистой, было непреодолимым. Ведь это его Сан, его любовь и смысл существования! Лишь она все это время поддерживала в нем жизнь, из-за нее он, даже оказавшись по ту сторону, не превратился в безжизненное существо, лишённое эмоций. Это она сохранила его душу. И для него она навсегда останется той юной девочкой, которая вышла к нему навстречу, чтобы доверчиво вложить свое сердце в его руки.

Хян замер на пороге комнаты гёбана, чувствуя, как душа сжимается от волнения. Что увидит, когда войдет, он не знал. Его воображение рисовало умирающую старушку на смертном одре, которая прожила долгую и достойную жизнь. Но то, что он увидел, пройдя сквозь деревянную перегородку, повергло его в шок. Лучший друг, давший клятву, что будет защищать Сан до конца жизни, вонзил в ее грудь острую шпильку. Ту самую, которая стала последним свидетельством любви Ли Хяна. Девушка осела на пол и закрыла глаза.

– Нет! – закричал Хян, бросаясь к любимой.

Единственная мысль, которая согревала его одинокую душу, что Сан живет благополучно, оказалась ложью. Она была еще так молода! И, как выяснилось, не прожила ни долгую, ни счастливую жизнь. Доён, которому Хян так безоговорочно верил, не сдержал обещания.

– Нет! Нет! Нет! – не помня себя, Темный жнец метался рядом с бесчувственной девушкой.

Этого не должно было случиться! Это неправильно, жестоко, чудовищно несправедливо! Все не может так закончиться! Ее душа еще не покинула тело, она была там, внутри, но времени оставалось катастрофически мало. Несколько мгновений понадобилось Хяну,

чтобы решиться. Какое бы наказание его ни ждало, он не позволит ей умереть. Спрячет ее от всех в мире людей, защитит и никому не позволит причинить ей вред. Однажды он уже отступил, струсил и оставил ее, малодушно наложив на себя руки. Но сейчас он готов поставить на кон все, лишь бы она жила. Лишь бы еще хоть немного, совсем недолго побыть рядом с ней.

Сейчас или никогда! Магия Темного жнеца спасет ее. Хян взял ее за плечи и сказал:

– Открой глаза! Сан, посмотри на меня!

Веки дрогнули, и в черных глазах он увидел ускользающую жизнь.

– Отныне ты станешь ловцом снов и будешь спасать людей от кошмаров. Ты забудешь все, что было до этого момента.

Он осторожно вытащил шпильку, и дарованная ему магия залечила рану. Сан закрыла глаза и задышала тихо и спокойно. Она спала. Теперь ее жизнь вне опасности. Хян поднял девушку на руки и перенесся вместе с ней на другой конец Ханяна. Остановившись на пороге гёбана, он посадил ее на порог, прислонив спиной к стене, и постучал. Во дворе послышались шаркающие шаги.

– Я люблю тебя и никогда не нарушу данное обещание, – быстро прошептал Хян и коротко поцеловал ее в губы. – Ты будешь под моей защитой, и никто не сможет тебя найти. И когда-нибудь мы обязательно встретимся.

Хян спрятал шпильку в широкий рукав, оглянулся и, приняв человеческий облик, поспешил дальше по улице. За его спиной послышался скрип открывающихся ворот, а затем – удивленный возглас. Сан нашли, теперь у нее будет дом, а все остальное можно решить позже. Главное, что сейчас она в безопасности.

Темный жнец, нарушивший правила Небесного императора, скрылся под личиной человека, закрыв своей магией и себя, и Сан.

Прошли годы, годы превратились в столетия, но Хян всегда был рядом. Незримо присутствовал в жизни Сан. Отводил глаза японским солдатам, спасал от взрывов, уберегал от грабителей и насильников. Наблюдал, как она улыбается, плачет, смеется, любит, ненавидит и страдает, но все равно раз за разом открывает сердце людям. А главное – живет.

И вот, спустя триста двенадцать лет, они встретились. Все те же Ли Хян и Ким Сан, которые дали обещание любить друг друга вечно.

Сан вынырнула из воспоминаний, неподвижно глядя на экран телефона. Забытые чувства хлынули в сердце сумасшедшей лавиной. Правда, которая, наконец, открылась ей, сносила барьеры, рушила все, что она создала за триста лет. Вывернула наизнанку весь ее мир, но подарила исключительное, необъятное по силе чувство, триста лет спавшее в ее душе.

– Хян! – прошептала она, стирая слезы. Но Сан знала, что он услышит ее, где бы она ни была. – Хян! Вернись ко мне... Вернись...

Толчок в грудь, и она бежит к двери. Открывает ее и босиком бросается на улицу. В тени подстриженных деревьев стоит он. В настоящем обличье: длинный темный балахон, схваченный на талии поясом, бледное лицо и тьма, которую источает его кожа. Черные вихри закручиваются вокруг спиралями, а она смотрит лишь в его глаза. Родные. Любимые. Бесконечно дорогие.

Сердце стучит так, что готово проломить грудную клетку. Секунда колебаний, и она бежит к нему, обнимает за плечи, целует, гладит жесткие волосы. И не может поверить, что это он, ее Ли Хян! Ее любовь, ее жизнь, ее истинное счастье. Утыкается носом в его шею и шепчет, как в бреду:

– Прости, что не узнала тебя...

Глава 11

Мост Забвения

Немного успокоившись, Джисон и Сан вернулись в номер. Пока он наливал кофе, она прижималась к его спине, боясь отпустить от себя хотя бы на миг.

– Подожди, – рассмеялся он, поднимая вверх две чашки, – я ведь могу пролить.

– Неа, – мотнула головой Сан, все еще держась за его талию. – А вдруг ты опять куда-нибудь исчезнешь?

Он ничего не ответил, и она обеспокоенно выглянула из-за широкого плеча, пытаясь прочесть выражение лица Джисона. Улыбка угасла, и он опустил глаза. Тревожное ощущение вновь зазвенело в сердце.

– Ты опять что-то скрываешь от меня? – Сан встала перед ним, пытаясь угадать, о чем он думает.

– Давай для начала присядем, – Джисон кивнул на уютный диванчик рядом с низеньким стеклянным столиком. – Нам многое надо обсудить.

Сан послушно забралась с ногами на диван, не сводя глаз с Джисона. Он по-прежнему избегал встречаться с ней взглядом, что еще больше усилило тревогу и подозрения.

– Ты меня пугаешь, – она не притронулась к свеже сваренному кофе, только во все глаза наблюдала за пугающе молчаливым парнем напротив.

Он вздохнул и взял ее за руку. Погладил пальцы и поцеловал тыльную сторону ладони. От его прикосновений по коже побежали

мурашки, но Сан взяла себя в руки и строго сказала:

– Не пытайся уйти от ответа. Сексом займемся потом.

Джисон рассмеялся и придвинулся ближе.

– Ты как всегда прямолинейна! За это я тебя и люблю.

Сан не смогла сдержать улыбку и взяла его лицо в ладони.

– Ты милашка! И какого черта я бегала за этим придурком Доёном, когда под боком был такой красавчик!

Они вновь вернулись к привычной манере общения, однако после всего, что Сан узнала, эта непринужденность давалась ей нелегко. Ведь она была обязана ему всем, и в первую очередь жизнью. Все-таки Хери оказалась права: Джисон – неиссякаемый ларец с сокровищами. Но кто мог предположить, что именно он сделал ее ловцом снов!

Ей столько всего хотелось спросить, но она не знала, какой вопрос задать первым. Поэтому просто смотрела в его глаза, впитывая плескавшуюся в них любовь, и корила себя за отвратительное отношение к нему, тогда как он пожертвовал всем, чтобы она жила.

– Ну, вообще у меня к тебе много претензий, и они касаются не только Доёна, – притворился обиженным Джисон. – Главная из них – твоя феноменальная влюбчивость. Ты не могла сократить количество мужчин в своей жизни? Не то чтобы мне сильно нравилось наблюдать, как ты в очередной раз теряешь голову...

Сан расхохоталась и шутливо шлепнула его по бедру.

– А кто прятался от меня триста лет? Если бы появился раньше, этих мужчин не было бы. Хотя... этот опыт мне пригодился. Да и ты явно не девственник, давай говорить прямо, – она игриво дернула бровями, вспомнив их первую и пока что единственную ночь.

– Просто я готовился к встрече с тобой, чтобы поразить своими умениями, – он улыбнулся, но тут же помрачнел и опустил голову. – Я чувствовал себя слишком виноватым из-за того, что мы с отцом сделали с твоей семьей. Думал, что ты меня возненавидишь, когда узнаешь всю правду, и никогда не простишь. Поэтому наблюдал за тобой издали, не смея приближаться.

– Я никогда на тебя не злилась, – тихо ответила Сан. – И никогда ни в чем не винила. Когда меня везли в дом кисен, я искала тебя в толпе, до последнего надеясь, что ты придешь. Но вместо тебя появился Доён. Единственное, за что тебя можно ненавидеть – что ты

так легко от меня отказался. Я думала, наша любовь достаточно сильна, чтобы преодолеть такие испытания.

– Прости меня, Сан. Я совершил чудовищную ошибку. Если бы знал, чем все обернется, никогда бы этого не сделал, – Джисон привлек ее к себе и зарылся носом в шелковистые волосы.

– Почему же решил появиться именно сейчас? – неохотно отстраняясь, пробурчала Сан, чувствуя, как мысли опять движутся в сторону непотребств, которыми прямо сейчас хотелось с ним заняться. Но она понимала, что для начала нужно полностью открыться друг перед другом, чтобы не осталось никаких недомолвок и сомнений.

– Это вышло случайно. Я встретил Хери возле клуба и посчитал, что это знак судьбы. Конечно же, я знал, что она твоя подруга, и вдруг подумал, что могу использовать подаренный мне шанс. Она зачаровала Юрима, а я предложил пригласить ее подругу. Не представляешь, как я нервничал, ожидая твоего появления! Иметь возможность встретиться с тобой спустя триста лет, поговорить, даже просто посмотреть на тебя вблизи – это было сродни чуду. И как же я расстроился, когда ты сходу предложила поехать к тебе! Но все же это означало, что я тебе понравился, и надеялся на продолжение отношений, – он усмехнулся, видимо, вспоминая, как она всеми правдами и неправдами пыталась затащить его в постель.

– Так вот почему ты тогда себя так вел! – всплеснула руками Сан, наконец, все понимая.

– Естественно! – фыркнул Джисон. – В первую очередь мне было интересно побывать в твоём доме, узнать, как и чем ты живешь. Для меня твоя квартира была чуть ли не священным местом! А ты только и делала, что лезла ко мне в штаны! А утром вообще вытолкала из дома. Было обидно, знаешь ли...

Надутый Джисон выглядел таким милым, что Сан не могла не улыбнуться.

– Ну прости, за триста лет у меня сложились свои привычки, – невозмутимо пожала она плечами и рассмеялась, шутливо пихнув его в плечо.

– Понимаю. Но все же я решил попытать счастья и отдал тебе флешку, где рассказал нашу историю. Я надеялся, что ты увидишь ее до того, как встретишься с Доёном. Однако ты забила на нее, и я решил, что проиграл заочно.

– Джисон, я поняла, что люблю тебя, задолго до сегодняшнего вечера. Чувства к Доёну не были настоящими ни тогда, ни сейчас. В прошлом они выросли из отчаяния и одиночества, а в настоящем были просто отголосками прежних эмоций, которые я по глупости приняла за правду. Я никогда его не любила, – честно призналась Сан. Ей очень не хотелось, чтобы Джисон сомневался в ее искренности.

– Я верил, что за этой циничной оболочкой скрывается моя прежняя, теплая и родная Сан. – Он вновь прижал ее к себе и нежно поцеловал.

Его губы мгновенно вскружили голову. Сан прильнула к нему всем телом, руки инстинктивно забрались под футболку, жадно скользая по спортивному торсу. Однако, когда его поцелуи спустились ниже, она с усилием отстранилась.

– Подожди, сначала ты должен мне все рассказать, – она гипнотизировала взглядом его губы, прикладывая все силы, чтобы держать себя в руках. Нужно все выяснить, успокоиться и больше не терзаться мучительными предчувствиями.

Джисон нехотя отодвинулся и отхлебнул уже остывший кофе.

– Что именно ты хочешь знать?

– Почему вся правда о прошлом начала открываться именно сейчас? Почему я стала попадать в сны Доёна, ну и так далее.

– Шпилька, которую я купил для тебя, связала нас троих в крепкий кармический узел, – начал Джисон. – Она несла в себе светлую силу – мою любовь, но впитала вместе с твоей кровью ужасное злодеяние, которое совершил Доён, когда убил тебя. И в итоге это, казалось бы, обычное украшение, стало носителем мощной полярной энергии, которая привязала нас троих к тому моменту в прошлом, когда мы совершили роковые ошибки. Я – малодушно расстался со своей жизнью, ты – отравила жену Доёна, а он убил тебя.

– Интересно, почему он не отдал мне твой подарок сразу? – задумчиво водя пальцем по губам, спросила Сан. – Вопрос, конечно, риторический, и узнать правду уже невозможно.

– Думаю, испугался, что это будет вечным напоминанием обо мне, и ты не сможешь его полюбить. В итоге обычная шпилька превратилась в мощный артефакт, стала вместилищем наших ошибок, эмоций и страстей.

Сан слушала с неослабевающим вниманием.

– А где она сейчас?

– Я сохранил ее, – улыбнулся Джисон, обняв Сан за плечи.

– Зачем? Это же источник зла, разве не лучше было уничтожить ее, тогда и кармический узел бы развязался? – удивилась она. Несмотря на всю серьезность разговора, она не могла не любоваться Джисоном. И особенно его проклятой родинкой, которая сводила с ума с самой их первой встречи.

– Но в ней есть и созидательная энергия – моя любовь к тебе, – возразил он, нежно поцеловав Сан в лоб. – А самое главное – карма так не работает. Шпилька потеряет свою силу, только когда мы вернем все на свои места. Я отдам ее тебе, как и должен был поступить изначально, и тогда она вновь станет обычным украшением.

– Тогда отдай прямо сейчас! Где она?

– Хери все-таки была права, – рассмеялся Джисон и легко чмокнул Сан в губы. – Ты слишком мало знаешь о законах тонкого мира.

– Да что вы! Кто бы мне о них еще рассказал! Вообще-то мне было не до этого, я триста лет боролась за выживание! И жизнь у меня была не сахар, – отвернулась Сан, воинственно скрестив руки на груди.

– Ну хватит дуться, – Джисон обнял ее сзади и поцеловал в шею. – Хотя мне нравится, когда ты злишься!

Сан цокнула языком, но все же повернулась к нему, смерив снисходительным взглядом.

– Продолжай, – милостиво разрешила она, и Джисон фыркнул. Но тут же сделал серьезное лицо, проигнорировав ее королевские замашки.

– Сейчас настал момент, когда все переменные этого уравнения сошлись в одной точке, чтобы завершить прошлую историю, – продолжил он. – Доён переродился, и мы трое, наконец, встретились. А после гибели его жены, он начал видеть сны о прошлом.

– То есть теперь все будет хорошо? В смысле, мы узнали правду, все расставили по своим местам и... – Сан вспомнила свои слова о том, что такие повороты судьбы происходят не для того, чтобы все жили долго и счастливо, и испугалась. А вдруг это еще не конец, и впереди их с Джисоном ждут другие испытания?

Он молчал, глядя в одну точку перед собой.

– Эй, не пугай меня, – Сан потрогала его за плечо.

– Я уйду в следующее полнолуние, – глухо обронил он.

– К-куда уйдешь? – запинаясь, спросила Сан. Она не знала, что это значит, но почувствовала, как ледяной душу ужас пробирается в сердце.

– За черту. Я не могу остаться, Сан. Больше не могу.

Джисон повернул голову и посмотрел на нее. В его глазах было столько печали и тоски, что сердце сорвалось с оси и бешено забилося в горле. Но стало ясно, что он не шутит, и впереди их ждет нечто страшное.

– Подожди, я ничего не понимаю, – она потрясла головой, пытаясь осознать только что сказанные слова. – Зачем тебе уходить? Объясни!

Джисон вздохнул и сжал руку Сан.

– Наше с тобой существование в мире людей противоестественно. Присутствие рядом с Доёном двух магических существ разрушает его, именно поэтому он заболевает каждый раз, как видит свое прошлое. Но даже сейчас, когда все раскрылось, он не перестанет видеть эти сны. Воспоминания будут затягивать его раз за разом в кармическую воронку, пока не убьют.

Ему не поможет даже талисман, который сделал для тебя Джумок.

Сан была оглушена этим признанием и лихорадочно искала выход.

– Да плевать мне на Доёна! Для меня важен лишь ты! – выпалила она, все еще пытаясь осмыслить страшные слова, что сказал Джисон. – Я никуда тебя не отпущу!

– Это всего лишь одна из причин. Дело не только в этом, не думай, что я такой благородный, – грустно усмехнулся Джисон. – Мой срок подошел к концу. Меня сделали Жнецом смерти на триста лет, и они истекли. Если я не уйду, то никогда больше не смогу переродиться. С моим уходом кармический узел, наконец, развяжется. Правда, Доён в наказание за свое преступление обречен в каждом воплощении терять свою жену. Но к нам с тобой это уже не относится.

– Но... нет, подожди! Я ничего не понимаю! Тебе нельзя на ту сторону, тебя накажут! К тому же... Если ты уйдешь, мы никогда не встретимся! – Сан от шока никак не могла собрать мысли в кучу.

– Я приму наказание, это неизбежно, – кивнул Джисон. – И после того, как из этого мира вместе со мной уйдет моя магия, ты перестанешь быть ловцом снов. У тебя будет возможность прожить обычную человеческую жизнь, возможно, завести семью, остаться рядом с Хери...

Он не договорил, потому что Сан его перебила:

– Нахрена мне эти жалкие пятьдесят или шестьдесят лет без тебя? – взвилась она в ярости от того, что узнает весь этот ужас только сейчас. – Как ты можешь так спокойно говорить мне эти вещи?! Я столько лет убегала от любви, потому что она всегда, всегда приносит боль! И вот теперь, когда открыла свое сердце, снова должна потерять любимого человека! Это так жестоко!

– Сан, мне тоже больно, пожалуйста, давай не будем ссориться! – взмолился Джисон, пытаясь вновь обнять ее, но она его оттолкнула. Ей было слишком страшно, слишком горько, что она теряет Джисона, едва успев обрести. – У нас остался всего лишь месяц. Давай проживем его так, будто завтра нас уже не будет.

Злые слезы жгли глаза, Сан шумно дышала, глядя в лицо любимого человека, которого у нее отнимут всего лишь через месяц. Месяц! Что это в сравнении с тремя сотнями лет! Разве это справедливо?

– Я не хочу! Не могу! – воскликнула она, вскакивая с дивана. – Плевать на Доёна, плевать на все, пусть весь мир рухнет, я не позволю тебе опять уйти! Как ты можешь снова бросать меня! Не смей!

В отчаянии она вцепилась в плечи Джисона, уже видя по его глазам, что ее слова ничего не изменят.

– Джисон! Скажи хоть что-нибудь! Ведь если ты уйдешь, мы больше не увидимся! Нашей связи больше нет!

Она не могла поверить в то, что все это происходит на самом деле. За что ей все это? В чем она так провинилась перед Всевышним?

– Я знаю, Сан, знаю это лучше, чем кто-либо, потому что своими руками уничтожил связь наших душ, – он порывисто прижал ее к себе. – Но это не в моей власти. Поверь, если бы я мог что-то изменить, то сделал бы это! Но я не могу... ничего не могу поделать... Это законы судьбы. Чтобы все закончилось, я должен покинуть этот мир и уйти туда, где мое место.

Слезы катились по щекам, Сан уткнулась в его плечо, вцепившись пальцами в футболку. Вот он, теплый, родной и такой любимый, прижимает ее к себе, и невыносимо думать, что уже через месяц его не станет. И она больше никогда его не увидит...

Джисон ласково погладил ее по волосам и прошептал:

– Даже несмотря на то, что мы никогда больше не встретимся, я благодарен Небесам за возможность испытать такую любовь. Она дается не каждому. Пожалуйста, подари мне этот месяц. Это все, что у меня осталось.

Сан была раздавлена, уничтожена и полностью дезориентирована. Джисон вернулся в свой номер, и остаток ночи она коротала в одиночестве. Прямо сейчас ей было тяжело его видеть, нужно сначала хотя бы немного успокоиться, уложить в голове новые открытия и подумать, что делать дальше.

Ни сердцем, ни разумом она не могла принять слова Джисона и твердо верила, что выход обязательно найдется. Если им придется расстаться, то она навсегда разуверится в справедливости высших сил. Не могут они быть так жестоки и раз за разом отнимать у нее любимого человека!

В мыслях всплыли недавние слова Хери о том, что Нить судьбы можно восстановить, но тогда их прервали, и она не рассказала, как именно это можно сделать. Поэтому сейчас Сан гипнотизировала взглядом часы, отсчитывая минуты, чтобы поскорее встретиться с подругой. Надежда, что все можно исправить, не покидала ее ни на мгновение. Поэтому она едва дотерпела до утра, чтобы поговорить с Хери. Уж она-то точно знает, как выйти из той ужасной ситуации, в которую они угодили.

Автобус отъезжал в десять часов, но Сан не хотела ехать вместе со всеми и решила вызвать такси. Никого не хотела видеть и слышать, кроме подруги, которая осталась ее единственной надеждой. «Вот она удивится! Как все перевернулось за одну ночь!» – нервно хохотнула Сан, снимая халат. Так и не пригодившееся эротическое белье до сих пор было на ней, поэтому она быстро переделась в брюки и блузку и вышла из номера.

Территория отеля была тихой и спокойной, все еще спали после вчерашней гулянки на аукционе. Сан постучала в дверь домика, где жила Хери и, услышав «Заходи!», набрала код.

Подруга еще нежилась на огромной кровати и, с наслаждением потянувшись, приподнялась на локтях. Ее взъерошенный вид вызвал непроизвольную улыбку, и Сан почувствовала, как от присутствия близкого человека сердце постепенно успокаивается.

– Что у тебя опять произошло? – широко зевнула она, спуская ноги с постели и пытаясь нашарить одноразовые тапочки, которые предоставлял отель.

– Я узнала, кто сделал меня ловцом снов...

Рассказывала она долго, прерываясь время от времени, потому что слезы подступали к глазам. Хери все это время сидела рядом, не перебивая, и только сжимала ее руку в молчаливой поддержке, когда видела, что Сан тяжело говорить. Наконец, закончив свой грустный рассказ, Сан задала самый главный вопрос:

– Ты говорила, что связь душ можно восстановить. Как это сделать? Если нам действительно суждено расстаться, я должна быть уверена, что мы с ним еще увидимся. Иначе... не смогу его отпустить.

– Ох, подруга... Как же тебя угораздило так вляпаться? – удрученно покачала головой Хери. – С Джисоном, конечно, ты промахнулась по всем фронтам! А ведь я предполагала, что дело в нем. Ну да что теперь говорить. И ведь как умело скрывался под личиной человека, я даже ничего не почувствовала!

– Да-да, я была слепой, глухой и так далее, – нетерпеливо перебила ее Сан. – Так что с Красной нитью?

– Нить судьбы можно восстановить, если один пожертвует собой ради другого. Но в вашем случае я не представляю, как это сделать, – развела руками Хери. – Он собой уже пожертвовал, тем более технически он мертв, а ты... Это будет затруднительно с учетом того, что ты не можешь умереть, пока Джисон не покинул этот мир.

Сан нахмурилась, пытаясь осмыслить слова подруги. Ее уже не пугала собственная смерть, и она находилась в таком состоянии, что готова была сделать что угодно. Но как?

– Так! И думать не смей о всяких глупостях, поняла меня? – прикрикнула Хери, прочитав по лицу направление ее мыслей. – Я не позволю тебе это сделать. И не надо так на меня смотреть!

– Хери...

– Ничего не хочу слышать! – ведьма вскочила на ноги и заметалась по комнате. – Не могу поверить, что ты всерьез думаешь о

том, чтобы пожертвовать своей жизнью ради мужчины! Ты же их ни во что не ставила, говорила, что они годятся только ради перепиха!

– И я действительно так думала, до того, как по-настоящему полюбила, – печально улыбнулась Сан, наблюдая за взъерошенной подругой. – Хери, я не могу его отпустить вот так! Тем более после всего, что он для меня сделал! Этот человек пошел против законов Всевышнего ради того, чтобы я жила. Как я могу позволить ему одному нести эту ношу? К тому же... Просто не могу представить, что я буду доживать свой жалкий век без него. Без надежды когда-нибудь его увидеть. Ни за что!

Сан всхлипнула, не сдержав слезы. Хери тяжело вздохнула, села рядом и обняла ее за плечи.

– Ну-ка, соберись! Где моя циничная и хладнокровная подруга? Я тебя не узнаю! Ты же борец! Всегда добивалась своего, так чего сейчас расклеилась?

– Потому что я не вижу выхода. И это меня убивает. Не могу представить, что он уйдет... Я не переживу этого!

Хери встала с кровати, прошла к холодильнику и достала бутылку воды.

– Держи. Выпей и успокойся. Правда, это не твоя любимая вода с лимоном, но за неимением лучшего...

Сан сделала несколько маленьких глотков, постепенно успокаиваясь.

– Что мне делать, Хери? – с надеждой подняла на нее глаза Сан. Вдруг у подруги есть еще какие-то запасные варианты?

– Сан, ты должна принять это и постараться жить дальше. Чем больше ты изводишь себя, тем тяжелее Джисону. Представь, как он себя чувствует! Он спас тебя, подарил тебе не только триста лет, но и возможность прожить обычную человеческую жизнь, завести семью, детей, оставить след в этом мире. Ты не должна так небрежно относиться к его решению. Свой выбор он сделал и прекрасно знал, на что шел. Я понимаю, как тебе тяжело, – повысила она голос, когда Сан попыталась возмущенно ее прервать, – но подумай о Джисоне. Не рви ему душу и выполни его просьбу. Возьми себя в руки, ты не одна, у тебя есть я! Я всегда буду поддерживать тебя, чтобы ни случилось.

– Утешила, тоже мне... – проворчала Сан, вытирая мокрые щеки.

– В этой ситуации мы бессильны, поэтому нужно принять ее как данность и научиться с этим жить. Я всегда буду рядом и не позволю тебе упасть в пропасть отчаяния, куда ты сейчас благополучно катишься. Поняла меня?

– Да, – выдавила Сан и улыбнулась через силу.

– Так что отставить киснуть! Насладись временем, отведенным вам с Джисоном, по полной!

Сан прислушалась к Хери, во всяком случае, постаралась это сделать и решила подарить Джисону месяц, полный любви и счастья. Они радовались каждому дню, гуляли, дурачились на безумных аттракционах в парках развлечений, катались на двухпалубном лайнере по реке Хан, поднялись на фуникулере на башню Намсан и съездили на остров Нами. Словом, выполнили все, что делают обычные корейские парочки в конфетнобукетный период.

Любили друг друга каждую ночь и беззастенчиво целовались на улицах, навлекая на себя гневные взгляды людей преклонного возраста, а иногда и довольно резкие замечания. Но им было все равно, они лишь улыбались в ответ, купаясь в своей долгожданной любви, выстраданной за триста лет разлуки.

Сан искренне смеялась и шутила, а ночами предавалась страсти как в последний раз. И каждый день со страхом заглядывала в календарь, который неумолимо приближал момент разлуки. Как только очередной день закрашивался серым, в груди просыпался животный ужас: они стали еще на шаг ближе к расставанию. Окончательному. Бесповоротному. Безвозвратному концу. Ощущение собственного бессилия выматывало душу, но Сан всеми силами старалась не показывать Джисону, какой мрак царит у нее внутри. Она не могла спокойно спать ночами. Дожидалась, когда он заснет, выскальзывала из кровати и долго стояла у панорамного окна, глядя вниз на ночной Сеул.

Вся ее жизнь теперь казалась пустышкой. Что она сделала за триста лет? Только сейчас, вновь обретя любовь Джисона, она поняла, что все эти годы не жила, а будто репетировала. Писала черновик, но так и не написала жизнь набело. Вернее, начала писать ее только сейчас, когда у них осталось ничтожно мало времени.

Почему она так цеплялась за свое бессмертие? Что оно ей дало? Деньги, недвижимость, дорогие наряды, украшения и роскошная

жизнь – для чего все это? Ей казалось, что она знает об этом мире все, ее ничем не удивить, и уже никто не пробудит в ней сильных чувств. Однако Джисон разбудил ее душу, показал, что такое настоящая любовь. Безоговорочная, чистая, самоотверженная, которая заполняет собой все пространство и вытесняет всю шелуху, которая иногда нам кажется такой важной.

В такие моменты было трудно держаться. Сан оборачивалась, глядя через проем на мирно спящего Джисона, и физически чувствовала, как рушатся внутренние опоры, которые она возводила десятилетиями. Как корчится в агонии ее очнувшаяся ото сна душа. Ломается о неизбежность и полную безысходность. Но Джисон не должен видеть ее слабость. Ему и так тяжело, возможно, даже тяжелее, чем ей, ведь помимо всего прочего он осознавал, что во всем случившемся есть и его вина. Точкой отсчета стало его решение. И как бы он ни раскаивался и не жалел о нем позже, изменить его уже невозможно. Вот так один-единственный поступок, совершенный в пылу отчаяния, может сломать несколько человеческих судеб.

Однако утром Сан прятала темные круги под глазами умело наложенной косметикой и сквозь слезы вновь надевала улыбку. Она обещала Джисону один месяц счастья и должна сдержать слово.

– Поедем сегодня в Сокчо? – предложил он, когда они пили кофе, любуясь видом просыпающегося города сквозь панорамные окна гостиной.

– В Сокчо? – переспросила Сан, немного удивленная таким выбором. Это был маленький приморский городок, единственной достопримечательностью которого являлись горы Сораксан, по праву считавшиеся одними из самых живописных в Корее.

– Да, всегда мечтал поехать с тобой к морю, – кивнул он и легонько сжал ее руку. – Пикник на берегу, закат... М-м... мечта!

– Отлично! – бодро согласилась Сан. – Тогда я пойду собирать вещи.

– Надеюсь, ты не возьмешь опять целый чемодан одежды? – усмехнулся Джисон, отклоняясь назад. – Мы же всего на один день.

– Я не виновата, что у меня столько классной одежды. Некоторые наряды я даже ни разу не надевала, – невинно хлопнула ресницами Сан и послала ему воздушный поцелуй, скрываясь в гардеробной.

– Вот транжира, – по-доброму ухмыляясь, пробормотал он. – Кстати, ты давно не виделась с Хери. Она не обижается?

– Нет, я ей все объяснила, и она отнеслась с пониманием, – скороговоркой проговорила Сан, стараясь не ступать на скользкую тему. Даже намек на их скорое расставание отзывался в душе острой болью.

Джисон некоторое время молчал.

– Ты не должна из-за меня забывать близких людей. Встреться с ней, она наверняка скучает.

– Из близких людей у меня только Хери, и если ты так переживаешь, то мы встречаемся с ней в эту пятницу, – Сан бездумно перебирала наряды, плохо понимая, что делает. Самообладание, которым она всегда отличалась, трещало по швам.

На самом деле она очень нуждалась в Хери. Ей хотелось поговорить с ней, излить свою боль, вволю наплакаться рядом с человеком, который ее поймет и поддержит. Она так устала все время контролировать эмоции, гнать от себя мысли о том, что будет, когда... Устала изображать радость, когда хотелось кричать от боли. Но рядом с Джисоном она не могла расслабиться, зная, что ему еще хуже, чем ей. Он-то держится, значит, должна держаться и она.

Занятия в университете Сан бросила, Джисон тоже перестал изображать из себя студента. Пару раз Доён писал ей, спрашивал, все ли в порядке, но она не ответила. Позвонила профессору Паку и туманно объяснила, что ей необходимо взять перерыв. Конечно, Сан понимала, что в университет она больше не вернется. После того, как Джисон уйдет, она не сможет даже зайти туда. Смотреть на его пустующее место будет невыносимо. О том, как вообще будет жить после его ухода, она не хотела думать. Это слишком пугало. Все время в голове всплывали мысли, что возможно, вдруг случится какое-то чудо, и он останется.

Для поездки в Сокчо они взяли машину напрокат, и теперь Сан покачивалась на переднем сиденье рядом с Джисоном. Мимо неслись дорожные заграждения, аккуратные, геометрически ровные поля и маленькие поселки.

– Почему ты не оставил свое настоящее имя? – вдруг спросила она, вспомнив, что давно хотела задать этот вопрос.

– Чем тебе не угодил «Джисон»? По-моему, нормальное имя, – усмехнулся он, бросив на нее лукавый взгляд. – Я выбрал его чисто случайно. За триста лет столько раз менял документы, что потом уже перестал заморачиваться. Выбрал первое попавшееся.

– А я всегда оставляла свое имя, только меняла дату рождения, когда в очередной раз переезжала с места на место. У меня крутое имя, скажи? – теплый ветер из опущенного окна слегка трепал волосы. Сан расслабленно смотрела на дорогу, покачиваясь в такт движению машины.

– Ты и сама крутая, – подмигнул ей Джисон и светло улыбнулся. – Что еще хочешь знать?

Каждый день Сан задавала кучу вопросов, потому что получилось так, что Джисон знал о ней все, а она о нем – ничего. И ее раздрало любопытство, чем и как он жил до их встречи.

– А в хост-баре зачем работал? – насупилась она. – И не ври, что ради тенниса!

Она угрожающе наставила на него указательный палец.

– Я хотел понять, что значит быть кисен. Ты же столько лет этим занималась. Мне было интересно хотя бы примерить на себя твое ремесло, – ответил Джисон, и Сан почувствовала укол совести. Вот почему она всегда думает о людях хуже, чем они есть на самом деле?

– Ну ладно, будем считать, что я тебе поверила, – пробурчала она, отворачиваясь к окну.

– Но вообще работа довольно денежная, и она меня здорово выручила. Я уже столько раз пожалел, что тоже не вложил в Samsung! Помню, тогда едва удержался, чтобы не остановить тебя. Мне казалось это опасной авантюрой, и я был почти уверен, что ты спустишь все деньги в трубу.

– А в итоге я стала миллионершей. Учись делать деньги, мальчик! – Сан щелкнула пальцами и высокомерно задрала голову.

– Пф-ф! Фактически я младше тебя всего на пять лет! Потому что стал Жнецом в восемнадцать, а ты ловцом снов в двадцать три. А если учесть эти триста лет, то...

– То ты все равно младше, – она показала ему язык и сделала строгое лицо. – И я не понимаю, почему ты обращаешься ко мне неформально?! Где уважение к старшим?

Они дружно рассмеялись и остаток пути подкалывали друг друга и шутили. Как будто между ними не стояла неотвратимость конца. Если бы только можно было вновь стереть себе память и забыть, что им придется расстаться... тогда она бы сейчас чувствовала себя абсолютно счастливой. И время, что они проводили вместе, не омрачала бы ужасная неизбежность.

Они забронировали номер в отеле на побережье и, оставив вещи в комнате, отправились в магазин, а потом – на пляж. Стояла удивительно теплая погода, несмотря на то, что наступило уже начало октября. Солнце клонилось за горизонт, бросая на морскую рябь красно-желтые лучи.

Сан и Джисон разулись и, держась за руки, шли вдоль воды. Бескрайнее полотно океана помимо воли приковывало взгляд и успокаивало. Остановившись на относительно безлюдном участке пляжа, они разложили мягкий плед и вынули по очереди бутылку вина, пластиковые бокалы и закуски. Это было их вторым полноценным свиданием после того, на реке Хан.

– А ты говорила, что второго свидания не будет, – ухмыльнулся Джисон, накидывая на плечи Сан объемную толстовку.

– У тебя ко всем девушкам одинаковый подход? – съязвила она, вспомнив, как точно так же он ухаживал за Буферами на пляже Хэундэ в Пусане.

Казалось, прошло несколько лет с того момента. Каким это теперь стало неважным! И как она могла ревновать к этой идиотке?

– Ну что, за нас и нашу любовь? – Джисон наполнил пластмассовый бокал и протянул ей.

Сан чокнулась с ним и пригубила напиток. Подняла голову, увидев на другой стороне неба белый, только проявившийся месяц. Она с ненавистью посмотрела на висящий в небе серп, думая о том, что уже совсем скоро он заберет у нее Джисона.

– Как ты попадешь на ту сторону? – тихо спросила она.

Этот вопрос давно просился наружу, но она не решалась его задать, чтобышний раз не затрагивать болезненную тему.

– Через портал между мирами, – Джисон согнул ноги и положил локти на колени.

– А где он? Его может увидеть обычный человек?

– Это мост Банпо, по которому мы с тобой гуляли. Помнишь, ты выбежала из дома, когда увидела, как тебя убил Доён? Ты тогда находилась в шоковом состоянии и ближе всего подошла к тонкому миру.

– Я помню, что мост окутывал туман, – задумчиво произнесла Сан, отрешенно глядя на накатывающие на берег волны.

– Да, дверь в иной мир приоткрылась, но не до конца, поэтому ты скорее всего видела и настоящий мир: несущиеся по мосту машины и прохожих, – кивнул Джисон. – Иногда люди, находящиеся в сильном эмоциональном потрясении, могут видеть порталы, но это всегда опасно и можно случайно шагнуть за черту. Ведь обычный человек не знает, где находится Грань. Я тогда испугался и сразу подошел к тебе.

– Ты, похоже, все время за мной следил? Сталкер малолетний, – хмыкнула Сан, в очередной раз приятно пораженная тем, что Джисон постоянно оберегал ее и был рядом.

– Еще бы! За тобой глаз да глаз нужен, вечно во что-нибудь да влипаешь, – Джисон обнял ее за плечи, и Сан положила голову ему на плечо. – Я сейчас чувствую себя по-настоящему счастливым. Спасибо, что подарила мне лучший месяц в моей жизни.

В горле словно застрял ком, Сан часто заморгала, сдерживая слезы, и вдруг сказала:

– Пообещай, что я не увижу, как ты уходишь. Я не вынесу прощаний.

Вместо ответа Джисон поцеловал ее в лоб и тяжело вздохнул. Это было его молчаливое согласие.

Две недели пролетели, наполненные ночами, полными любви, жаркими поцелуями, бесконечными признаниями и клятвами. Они никак не могли насытиться друг другом, в сотый раз повторяя как в бреду: «Я люблю тебя!» Как будто хотели запечатать эти слова так глубоко в сердце, чтобы их не смог стереть даже Мост Забвения. Словно до последнего цеплялись за надежду сохранить свою любовь и в следующих жизнях.

Сан никогда не обращала такого внимания на луну, которая сейчас казалась особенно огромной и жестокой. Она преследовала ее во снах. Мертвый металлический свет, как прожектор, бил из окна даже через задернутые шторы, будил по ночам, словно напоминая, что дорога

каждая минута и скоро эта холодная владычица ночи заберет у нее Джисона.

Сан засыпала каждую ночь, сжимая его руку, словно боялась, что он исчезнет, когда она проснется. И, хоть у них оставался еще немного времени, жившая в сердце тревога била в набат, вызывая неконтролируемую дрожь и осознание скорой развязки.

Но сегодня Сан спала особенно спокойно. Ей снились покрытые снегом вершины гор, легкий ветер и яркое солнце на чистом голубом небе. Она ощущала под ногами пушистую траву, в которой мягко утопали ступни, запахи леса и гомон птиц. Какой чудесный сон! Как давно ей не снилось что-то настолько прекрасное! Душа успокоилась и блуждала между высоких сосен, взмывала по склонам гор и опускалась в живописные овраги. Но вдруг солнце закрыли мгновенно набежавшие облака, и на почерневшем небе повис огромный ледяной диск полной луны.

Сан закрыла глаза, но холодный свет все равно сочился сквозь веки, вызывая слезы. С шумным всхлипом она проснулась. Мерцающий лунный шар висел за окном и светил ей прямо в лицо. Сан повернула голову, чтобы в очередной раз удостовериться, что Джисон рядом и... обнаружила пустую постель. Леденящий душу страх стрелой вонзился в сердце. Она вскочила и бросилась в ванную. Может быть, он пошел в душ? Дрожащей рукой толкнула дверь. Темно и пусто. Она металась по квартире, распахивала двери, даже заглянула в гардеробную. Джисон исчез. И его кроссовки на приступке в прихожей тоже.

«Не может быть... Нет-нет-нет!» – в голове, как пожар, вспыхивали мысли. Кажется, только сейчас она по-настоящему, до самой глубины осознала все, что случилось. Что Джисон действительно ушел и больше не вернется.

Она кинулась в спальню и вдруг заметила на прикроватной тумбочке сложенный листок бумаги, поверх которого лежала шпилька пинё. Трясущими пальцами развернув его, прочитала: «Я буду любить тебя всегда, Ким Сан. Даже если вода выйдет из берегов и небо упадет на землю. Моя любовь к тебе бесконечна, и я клянусь, что сохраню ее до последнего вдоха».

Лист выпал из рук, Сан осела на пол, стискивая в ладони проклятое украшение. Вот и все. Эта клятва – все, что осталось у нее

от человека, которого она любила всем сердцем. В душе было пусто, как в пересохшем колодце. Все чувства исчезли, оставив после себя выжженную пустыню.

Сан медленно провела рукой по постели, где совсем недавно рядом с ней лежал Джисон. Простыня еще хранила его тепло, словно он ушел всего несколько минут назад. И вдруг очевидная, совершенно простая и лежащая на поверхности мысль ударила в голову: она знает, что делать! Никогда не смирится с их разлукой, с тем, что больше не посмотрит в его большие глаза и не поцелует любимую родинку. Только бы не опоздать! Все перестало иметь значение, кроме мужчины, ради которого она готова отдать все, в том числе и жизнь.

Безумная надежда зажглась в сердце, как факел. Сан вскочила на ноги и бросилась вон из квартиры как была, в шелковой сорочке и домашних шлепанцах. Не дожидаясь лифта, кинулась вниз по лестнице, перепрыгивая через ступеньки, спотыкаясь и едва не падая. Пульс грохотал в ушах, заглушая даже мысли. Кажется, сердце вот-вот остановится от дикого вихря эмоций и страха не успеть.

Прохладный октябрьский воздух ударил в лицо, слегка отрезвляя голову. Сан неслась вдоль реки Хан, не замечая ни боли в мышцах, ни рези в боку, ни пересохшего, саднящего горла, ни провожавших ее удивленными взглядами прохожих. Все ее существо превратилось в одно-единственное стремление успеть! Иначе все будет кончено.

Мост Банпо уже близко, вот и лестница, ведущая на пешеходную зону. Цепляясь за поручни, Сан вскарабкалась наверх и остановилась, жадно вглядываясь вдаль. Но Джисона не было. По мосту по-прежнему неслись машины, а на противоположной стороне один за другим ехали велосипедисты.

– Джисон! – крикнула она, ища глазами его высокую фигуру. – Джисон!

Тишина. Неужели она опоздала?! От этой мысли перехватило дыхание, и стало страшно как никогда в жизни. Страшнее, чем когда бомбили деревню, ужаснее, чем мертвая Мина, которая смотрела на нее потухшими глазами.

– Джисон, вернись! Не уходи! – Сан побежала по мосту, молясь, чтобы не было слишком поздно. Где же этот чертов портал?! – Джисон! Хян! Ли Хян! Вернись ко мне! Где же ты, Хян!

Ветер разносил ее крик над широкой рекой, пытаясь перенести его через Грань, чтобы тот, кто уже перешел черту, смог его услышать. Голос отражался от черной глади, от металлических укреплений, от гигантской махины моста под ногами.

И вдруг стало очень тихо. Машины и прохожие исчезли, и с другого берега навстречу Сан поползли клубы тумана, затягивая белой ватой мост и реку. Полупрозрачная взвесь повисла в полуметре от потрясенной девушки, будто не решалась двинуться дальше. Это была Грань миров.

– Хян, где ты! – еще раз крикнула Сан и увидела, как сквозь туманную завесу ей навстречу скользит высокая фигура в черном балахоне.

Сердце ускорило ритм, Сан до рези в глазах всматривалась, пытаясь угадать в ней знакомые черты. Туман неохотно расступился, и она узнала его. Черные глаза смотрели со страхом и недоверием, будто он не мог поверить, что она действительно пришла сюда, на границу миров. Хян остановился в нескольких метрах и воскликнул:

– Что ты здесь делаешь? Немедленно возвращайся, это опасно! Уходи! Грань слишком близко, если переступишь ее, не сможешь вернуться!

– А я и не хочу возвращаться. Без тебя, – сказала Сан и без колебаний шагнула в туман.

Хян вздрогнул и дернулся навстречу к ней.

– Нет! Что ты наделала, Сан!

На сердце вдруг стало удивительно легко и спокойно. Ужасы последнего месяца растаяли без следа, и Сан светло улыбнулась, глядя в родные глаза.

– Ты для меня дороже всего, что есть в этом мире. Я люблю тебя так, как никого никогда не любила и жить без тебя не хочу. Ты не должен идти один, я пойду с тобой до конца, что бы ни ждало нас впереди, и стану последней душой, которую ты отведешь в царство мертвых.

– Сан... – прошептал Ли Хян.

Пространство вспыхнуло ярко-красным, и алая нить, обвив запястье Сан, потянулась к руке Хяна, вновь соединяя их души незыблемой связью, которую не смогло разрушить ни пространство, ни время. Нить взмыла в воздух, оплела их искрящимся коконом и

рассыпалась по мосту огненным фейерверком, разгоняя туман и мрак. Когда-то разорванная нить вновь скрепила две души, чья любовь оказалась сильнее законов мироздания.

Сан подошла к Хяну и, прижавшись к его груди, прошептала:

– И после смерти я буду любить тебя так же сильно, как и сейчас. Я никогда не забуду твоих слов. Ты ведь помнишь нашу клятву?

– Сан, что же ты... как же это возможно... – Хян плакал, как ребенок, уткнувшись в ее плечо. И оба не могли поверить, что их любовь совершила невозможное. Преодолела боль, предательство, забвение, обиды и, наконец, была вознаграждена за бесконечную преданность, самоотверженность и непреклонную веру друг в друга.

– Мне не страшно идти с тобой даже в ад. Ведь я знаю, что в конце концов мы снова будем вместе, – сквозь слезы улыбалась Сан, стирая со щек Хяна соленую влагу.

Они сплели свои руки, вновь соединенные Нитью Судьбы, и уверенно пошли вперед. Темный жнец и последняя душа, которую он должен проводить в царство вечности.

Эпилог

Хери набрала код на входной двери и зашла в квартиру. По привычке разулась у входа и прошла внутрь. Некогда теплая квартира, где они с Сан столько раз веселились, пили соджу, смотрели драмы и танцевали под любимые песни, встретила ее холодной пустотой.

Здесь все еще чувствовался аромат ее духов, в холодильнике стояла вода с лимоном, на столе – завядший букет азалий, а из гардеробной по-прежнему выглядывали роскошные наряды, которые она так любила. Вот только ее самой не было.

Хери осторожно зашла в спальню. Кровать она так и не заправила и вообще ничего не трогала в доме, который так любила подруга. После ее исчезновения адвокат принес дарственную на квартиру и записку, последнее слово Сан: «Когда Джисон уйдет, я уеду из Кореи. А эти апартаменты оставляю тебе и Джумоку. И вашей будущей семье, которая, надеюсь, будет большой и счастливой. Если хочешь, можешь их продать, но не смей выпендриваться и отказываться!»

Хери стерла скатившиеся по щекам слезы. Она знала, куда ушла Сан. Значит, все-таки не смогла отпустить Джисона. Оставалось только надеяться, что она нашла способ восстановить Нить Судьбы, и ее жертва оказалась не напрасной.

Хери знала, что будет скучать. Она уже скучала, и после ухода подруги чувствовала, будто снова осиротела. Но точно знала, что они встретятся вновь, сколько бы ни прошло времени.

У Судьбы свои законы, однако каждый человек способен изменить их, если его сердце горит настоящей любовью и надеждой, для которой не существует преград.

notes

Примечания

1

Престижный район в Сеуле с очень дорогой недвижимостью. В Каннаме живут селебрити и бизнесмены.

Уникальный район Сеула, демонстрирующий культурную историю нации. Это исторический центр столицы, где располагается множество торговых лавочек и магазинов с национальными сувенирами и произведениями искусства.

3

Название Сеула во времена династии Чосон.

Студенческий район Сеула возле университета Хонгик. Очень живой, яркий и молодежный район, известный своим городским искусством, уличными выступлениями, множеством клубов, кафе и ресторанов.

Букчон буквально означает «северная деревня» Чхонгечхон и Чонно. Первоначально это был жилой район высокого класса для Янбана (традиционного правящего класса в старые времена). Сейчас он стал достопримечательностью в старом центре Сеула.

6

Чеболи – конгломераты, представляющие собой группы формально самостоятельных фирм, находящихся в собственности определённых семей и под единым административным и финансовым контролем.

Артистка развлекательного жанра. Куртизанка, обученная музыке, танцам, пению, поэзии, поддержанию разговора – всему тому, что было необходимо для развлечения мужчин из высшего сословия.

Корейский алфавит

Корейцы употребляют это слов в значении: «ты сможешь», «вперед», «не сдавайся».

Дом кисен.

Ручей в центре Сеула, преобразованный в общественное пространство для отдыха, растянувшееся на одиннадцать километров.

12

диагональный удар в район задней линии, при котором мяч опускается в угловой сектор корта.

технический элемент в теннисе, выполняемый с неудобной стороны, с отскока. При ударе с бэкхенда ракетка удерживается рукой таким образом, что тыльная сторона руки движется вперед встречно по направлению к мячу.

14

выигрыш гейма на подаче соперника.

15

специальная укороченная партия для выявления победителя при ничейном счёте.

16

Марка корейского пива.

Самая дорогая пластиковая карта, выпускаемая компанией American Express.

Здесь и далее стихи Юн Сондо и Чон Чхоля в переводе Анны Ахматовой.

корейский поэт, государственный деятель и конфуцианский учёный.

жанр корейской лирической поэзии, изначально называемый танга.

литературный жанр классической корейской поэзии, возникший в эпоху Силла. Хянга представляли собой короткие корееязычные стихотворения, записывавшиеся с помощью китайских иероглифов способом иду.

корейский многострунный щипковый музыкальный инструмент.
Один из самых распространённых в Корее струнных инструментов.

Обращение к девушке, старшей по возрасту.